

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

ЖУРНАЛ 2024

'3/4(110/111)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Алексей Данильченко
(председатель)
Сергей Балашенко
Елена Давыденко
Елена Довгань
Елена Достанко
Руслан Есин
Пауль Калиниченко
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Олег Старовойтов
Александр Шарапо
Наталья Юрова

**Редактор английского
текста:**
Александр Пискунов

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Юридический адрес:
Беларусь, 220004, Минск,
ул. Короля, 3, пом. 8
Почтовый адрес:
Беларусь, 220050, Минск, а/я 245
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»
тел.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
http://www.beljournal.evolutio.info/

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

НАХОДИТЕ НАС:

Учредитель и издатель:
Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

- Обязанность государств по защите прав сво-
их граждан и юридических лиц от применения
мер принуждения к исполнению санкционных
режимов *Е. Ф. Довгань* 3
- Виды односторонних санкций *У Цзыцзюнь* 1 2

международные отношения

- Правый поворот в Европе и потенциальные
возможности влияния ультраправых партий на
политику Европейского союза *А. В. Шарапо* 2 0
- Международное сотрудничество УВКБ ООН в
Африке в 1970-е гг. *А. В. Селиванов* 2 7
- Современная белорусская историография внеш-
ней политики государств Латинской Америки
в постбиполярный период *С. А. Лашкевич* 3 3
- Взаимоотношения Республики Беларусь и Вати-
кана в 1994—2000 гг. (по материалам журнала
«Ave Maria») *Т. В. Кресс-Романова* 3 9
- Китайско-афганские отношения в 2014—2021 гг. *Ван Ифу* 4 7
- Основные направления американо-саудовских
отношений в период президентства Барака
Обамы (2008—2016 гг.) *Саджади Дана* 5 5
- Формирование подходов Египта в отношении
палестинской проблемы в 1948—1952 гг. *Ислам Хемеда* 6 4

международные экономические отношения

- Гостиничная инфраструктура Международного
аэропорта «Хамад»: современное состояние и
перспективы развития в контексте индустрии
туризма и гостеприимства *В. М. Дедок* 6 9
- Исследование предпочтений иностранных аби-
туриентов на основе многофакторного анализа
данных академической мобильности *А. В. Жук* 7 8

ISSN 2072-0513 (print)
ISSN 2072-0521 (online)

JOURNAL 2024

'3/4(110/111)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editing Board:
Alexey Danilchenko
(chairman)
Sergey Balashenko
Alena Dastanka
Elena Davydenko
Alena Douhan
Ruslan Esin
Paul Kalinichenko
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo
Natalia Yurova

English Text Editor:
Alexandr Piskunov

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
Legal address:
3, Korolya str., room 8,
Minsk, 220004, Belarus
Postal address:
PO Box 245,
Minsk, 220050, Belarus
tel.: +375 17 209 57 40,
+375 29 659 61 85
e-mail:
beljournal@evolutio.info
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

FIND US:

The founder and publisher:
 International Non-govern-
mental Association for
Scientific Research, Infor-
mation and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL SECURITY LAW

- The Obligation of States to Protect the Rights of
Their Citizens and Legal Entities in the Face of
Unilateral Sanctions Enforcement *Alena Douhan* **3**
- Types of Unilateral Sanctions *Wu Ziqun* **1** 2

INTERNATIONAL RELATIONS

- Europe's Rightward Shift and the Potential Impact
of Ultra-right Parties on European Union Policy *Alexandr Sharapo* **2** 0
- International Cooperation of the United Nations High
Commissioner for Refugees in Africa in the 1970s *Andrey Selivanov* **2** 7
- Belarusian Perspectives on Latin American
Foreign Policy in the Post-Cold War Era *Sergey Lashkevich* **3** 3
- Relations between the Republic of Belarus and
the Holy See in 1994—2000 (based on Materials
from Ave Maria Magazine) *Tatiana Kress-Romanova* **3** 9
- China-Afghanistan Relations in 2014—2021 *Wang Yifu* **4** 7
- American-Saudi Relations during the Obama Ad-
ministration (2008—2016): Key Developments and
Trends *Sajadi Dana* **5** 5
- Formation of Egyptian Approaches to the Palestinian
Problem in 1948—1952 *Eslam Hemeda* **6** 4

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Hamad International Airport's Hotel Infrastructure:
Current Status and Future Prospects in Tourism
and Hospitality *Viktoria Dedok* **6** 9
- International Student Preferences: a Multifactorial
Analysis of Academic Mobility *Alexander Zhuk* **7** 8

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ СВОИХ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ К ИСПОЛНЕНИЮ САНКЦИОННЫХ РЕЖИМОВ

Елена Довгань

В настоящее время спектр применяемых государствами без санкции Совета Безопасности ООН односторонних санкций, мер комплаенса и овер-комплаенса с такими санкциями значительно расширяется, затрагивая права большого круга лиц. При этом государства, вводящие санкции, расширяют меры, направленные на то, чтобы обеспечить их применение как собственными гражданами, так и лицами государств под санкциями и третьих стран. Права таких лиц часто оказываются затронутыми вторичными санкциями, уголовными, административными, таможенными обременениями, гражданскими исками. Настоящая статья направлена на то, чтобы выявить возможные механизмы и объем обязательств государств по защите прав своих граждан и юридических лиц в условиях обеспечения применения односторонних санкций. Установлено, что государства несут обязанности по защите прав своих граждан, в том числе в случае их нарушения со стороны третьих стран. Имеющиеся в настоящее время механизмы не обеспечивают полноценную защиту, однако отдельные инструменты, в частности дипломатическая защита, вовлечение международных организаций, создание возможностей для переноса юрисдикции, оказание технической и правовой помощи, должны быть активно задействованы.

Ключевые слова: вторичные санкции; гражданские иски; обязательство защиты; овер-комплаенс; односторонние санкции; права человека; принуждение к исполнению односторонних санкций; уголовное преследование.

«The Obligation of States to Protect the Rights of Their Citizens and Legal Entities in the Face of Unilateral Sanctions Enforcement» (Alena Douhan)

Today scope of unilateral sanctions adopted and applied by states without or beyond authorisation of the UN Security Council, means of their enforcement and over-compliance is substantially expanding, affecting therefore the rights of the different and substantial groups of people. Sanctioning states simultaneously coordinate and consolidate efforts for their uniform and join application to ensure that their unilateral sanctions are applied also beyond their borders extraterritorially, inter alia by individuals and companies of third states, and even of states under sanctions. These efforts result in growing over-compliance and increase negative humanitarian effect, impeding inter alia delivery of humanitarian assistance in critical situations. States bear primary responsibility to ensure and protect rights of its nationals also if violated extraterritorially by the third countries. Existing mechanisms do not provide for proper and meaningful protection, at the same time available instruments like diplomatic protection, rising awareness at the international fora, transfer of jurisdiction to ensure access to justice, technical and legal aid, shall be provided.

Keywords: civil charges; criminal charges; enforcement of unilateral sanctions; human rights; over-compliance; responsibility to protect; secondary sanctions; unilateral sanctions.

Текущий период международных отношений характеризуется активизацией применения различных средств принуждения к применению санкционных режимов как к собственным гражданам и компаниям, так и к юридическим и физическим лицам третьих стран, включая государства под санкциями. Такие меры предусматривают вторичные санкции, уголовное, административное преследо-

вание, наложение таможенных ограничений, гражданские иски в отношении конкретных лиц, а также ограничения, вводимые частными компаниями как в рамках санкционного режима, так и вне его в отношении широкого круга субъектов.

Таким образом, односторонними санкциями и мерами принуждения к исполнению оказывается затронутым широкий круг лиц,

Автор:

Довгань Елена Фёдоровна — доктор юридических наук, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Douhan Alena — Doctor of Law, Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: alena.f.douhan@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

включая непосредственно внесенных в санкционные списки, в отношении которых возбуждено уголовное, административное либо гражданское преследование, всех граждан и компании государства под санкциями и иных проживающих на территории либо как-то связанных с государством под санкциями лиц, равно как их партнеров и сотрудничающих с ними акторов [52].

В данном контексте возникают вопросы защиты прав широкого круга лиц в зависимости от применяемых мер принуждения к исполнению санкционных режимов:

- граждан, в отношении которых возбуждены уголовные либо административные дела как инструмент обеспечения исполнения санкционных режимов в вводящих санкции государствах либо в третьих странах, включая вопросы выдачи таких лиц в санкционирующие государства по уголовным делам;

- лиц, которым предъявлены гражданские иски со ссылкой на обход санкционных режимов;

- лиц, в отношении которых применены вторичные санкции за обход/содействие в обходе санкционных режимов;

- физических лиц и организаций, права которых нарушены действиями третьих стран, компаний государств под санкциями, в том числе в результате овер-комплаенса [52, para. 41–46].

С учетом этого тема статьи представляется, несомненно, актуальной. Работы, непосредственно направленные на исследование возможных механизмов защиты граждан и резидентов, затронутых мерами принуждения к исполнению односторонних санкций, в правовой доктрине отсутствуют. Отдельные аспекты механизма обеспечения исполнения односторонних санкций раскрыты в отчете специального докладчика по негативному воздействию односторонних принудительных мер на права человека [52]. Значительное число исследований во вводящих санкции государствах направлено на повышение их эффективности и принуждение к их исполнению [38; 67]. Цель данной статьи состоит в выявлении правовой природы и возможных механизмов защиты государствами прав физических и юридических лиц под их юрисдикцией или контролем от принудительных действий по обеспечению санкционных режимов.

В международном праве широко признается, что государства несут определенные обязанности по отношению к своим гражданам. Так, в частности, в соответствии с принципом должной осмотрительности государства обязаны обеспечить соблюдение их международных обязательств, включая обязательства в области прав человека [34]. Более того, государства обязаны принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы деятельность частных лиц под их юрисдикцией или контролем осуществлялась в полном соответствии со стандартами в области прав человека (para. 3–6)

[34]. Так, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам (далее — КЭСКП) в Замечании общего порядка (далее — ЗОП) № 24 прямо указал, что невыполнение обязанности обеспечить ненарушение хозяйственной деятельностью закрепленных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах прав представляет собой нарушение государством положений данного документа [31, para. 12, 14, 17, 27; 59, p. 25–26] и несоблюдение принципа должной осмотрительности, независимо от того, является это результатом действий или бездействия государства.

Традиционно обязанность государства принимать меры, направленные на защиту прав человека, касаются только деятельности самого государства, равно как обеспечения, чтобы деятельность хозяйствующих и иных субъектов под его юрисдикцией или контролем не нарушала прав человека (Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 2) [2]. Вместе с тем, поскольку односторонние санкции и средства принуждения к их исполнению нарушают права человека экстерриториально, возникает необходимость обеспечить защиту прав своих граждан и компаний от такого нарушения, так как возможности лиц, права которых затронуты односторонними санкциями и овер-комплаенсом, по защите своих прав и интересов весьма ограничены.

Традиционные механизмы деятельности государств по защите прав своих граждан и юридических лиц ограничиваются дипломатической деятельностью, включая обращение в международные судебные или иные органы в рамках реализации механизмов дипломатической защиты. Согласно проекту статей о дипломатической защите, принятому Комиссией международного права в 2006 г., дипломатическая защита включает в себя «использование дипломатических средств и средств мирного разрешения международных споров государством в целях привлечения другого государства к ответственности за ущерб, причиненный его международным противоправным деянием физическим и юридическим лицам первого государства, в целях реализации такой ответственности» (ст. 2) [27]. Обычно признается, что государство может осуществлять дипломатическую защиту, если его физические и юридические лица исчерпали все возможные внутренние средства защиты в государстве, нарушившем их права (ст. 14). Однако, учитывая, что вводящие санкции государства часто не признают наличие достаточной правовой связи с затрагиваемыми лицами, отказывают в доступе к доказательствам и материалам [7, para. 18–19], блокируя тем самым доступ к правосудию [7, para. 22–31], требование об исчерпании внутренних средств защиты в данном случае согласно статье 15 проекта может не применяться.

Необходимо отметить, что практика использования международных судов как средства мирного разрешения международных споров в целях обеспечения дипломатической защиты своих граждан в условиях введения односторонних санкций также весьма ограничена. В отсутствие международных договоров, непосредственно регулирующих рассмотрение споров и ответственность за применение односторонних санкций, международное судебное разбирательство рассматривает исключительно вопросы применения и толкования иных правовых норм. В настоящее время имеющиеся споры касаются нарушения международных договоров, не связанных непосредственно с регулированием прав человека, например Бернской конвенции о создании Международного почтового союза 1874 г. [48], Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности 1994 г. [51], Соглашения о двух свободах воздуха 1944 г. [12], Договора о дружбе, экономических отношениях и консульских правах 1955 г. [9; 20], обычных норм международного права относительно иммунитетов государственной собственности [8].

Вместе с тем следует отметить, что ни решение о временных мерах, ни финальное решение по Договору о дружбе не были выполнены США [9]. В решении по делу об определенной собственности Международный Суд ООН (далее — МС ООН) пришел к выводу о том, что США обязаны компенсировать ущерб, причиненный в связи с замораживанием счетов Ирана в нарушение Договора о дружбе после квалификации Ирана в качестве государства — спонсора терроризма [21]. Несмотря на принятое МС ООН решение, США не разморозили счета, являющиеся предметом спора. Суд Нью-Йорка принял решение об использовании спорных счетов [33], уже в ходе разрешения спора США вышли из Договора о дружбе для того, чтобы не возобновлять исполнение нарушенных обязательств.

С целью дать правовую квалификацию ущерба, причиненного применением односторонних санкций в отношении Венесуэлы лицам, проживающим на ее территории, Венесуэла в 2020 г. обратилась в Международный уголовный суд (далее — МУС) с требованием квалифицировать применяемые односторонние санкции в качестве преступлений против человечности [19]. Однако до настоящего времени МУС не принял решение о приемлемости дела [46]. Полагаем, что такое длительное рассмотрение может быть вызвано как политизацией проблемы односторонних санкций, так и опасениями судей и должностных лиц МУС подпасть под режим односторонних санкций США, как это имело место, например, после попытки возбуждения МУС дел по обвинению в совершении военных преступлений и преступлений против человечности гражда-

нами США и иными лицами, находящимися под контролем США в Афганистане [16; 40], а также угрозами применения таких санкций в отношении граждан Израиля за совершенные ими в Палестине действия [37].

Полагаем, что принятие решения о наличии юрисдикции может послужить важным прецедентом для защиты прав лиц, нарушенных введением односторонних принудительных мер и овер-комплаенсом. Так, например, односторонние санкции в отношении Венесуэлы и Сирии имеют настолько высокий гуманитарный эффект, что оценка возможности их квалификации в качестве преступлений против человечности представляется весьма обоснованной. Полагаем возможной их квалификацию в качестве *«других бесчеловечных деяний аналогичного характера, заключающихся в умышленном причинении сильных страданий, или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба физическому или психическому здоровью»* согласно статье 7(k) Римского статута [65]. Наличие достоверных сведений о гуманитарном воздействии односторонних санкций на права человека в Венесуэле и Сирии, отраженных в страновых визитах и иных источниках, отсутствие попыток минимизировать нанесенный ущерб, объявление кампаний максимального давления в отношении Венесуэлы, принятие Акта против нормализации отношений с Сирией [14] с целью предотвратить любую возможность восстановления поврежденной либо разрушенной инфраструктуры, принятие законодательства, направленного на криминализацию и ужесточение ответственности за обход санкционных режимов, усложнивших работу гуманитарных организаций [52, para. 10–13, 67–71], узкое толкование гуманитарных нужд и гуманитарной помощи, несмотря на неоднократные призывы отмены всех санкций, затрагивающих критическую инфраструктуру либо поставки критически важных товаров [52, para. 78(e); 65], свидетельствуют об умышленном причинении гуманитарного ущерба и, как следствие, соответствующая деятельность может подпадать под критерии статьи 7 Статута [6].

Следует также отметить попытки обращения в орган по разрешению споров Всемирной торговой организации (далее — ОРС ВТО) по спорам, связанным с возможностью применения «оговорок о безопасности» согласно статье XXI(b(iii)) Генерального соглашения по тарифам и торговле в случае применения односторонних санкций как оснований отступлений от требований правового режима ВТО. Значительный период времени такие обращения отражали исключительно отсутствие единообразия подходов государств-членов [13], однако недавняя практика является более системной [66]. Согласно решениям ОРС ВТО (США — товары из стали и алюминия (Китай против США), 2023; США — маркировка, стра-

на происхождения (Гонконг, Китай против США), 2023) государства обязаны соблюдать международные обязательства, связанные с их членством в ВТО, и толковать оговорки о безопасности в соответствии с международным правом [61; 62], а не с национальным законодательством [18, р. 129, 135], что полностью соответствует запрету Венской конвенции о международных договорах ссылаться на нормы национального права как основание невыполнения международных обязательств (ст. 27). Вместе с тем следует признать, что с 2020 г. ОРС ВТО низкофункционален [26] ввиду невозможности заполнения вакансий в апелляционном органе в связи с использованием права вето США [50].

Следует отметить, что права человека часто нарушаются в результате овер-комплаенса со стороны третьих стран и частных субъектов. Однако, поскольку на государствах лежит обязанность принять все необходимые меры для того, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем не нарушала по меньшей мере основополагающие права человека, сам факт овер-комплаенса представляет собой свидетельство невыполнения государствами соответствующих обязательств, т. е. затронутые права человека могут быть защищены в числе прочего путем принятия мер дипломатической защиты государствами.

В условиях недостаточности международных судебных механизмов защиты лиц, права которых затронуты введением односторонних санкций и их чрезмерным исполнением, государства также имеют возможность обратиться **в органы ООН по защите прав человека**. В настоящее время такие обращения возможны во время рассмотрения отчетов о выполнении обязательств по соответствующим международным договорам как государств под санкциями — в части рассмотрения условий, препятствующих в полной мере выполнению обязательств из соответствующих договоров, так и тех, которые вводят санкции, — в рамках имплементации запрета нарушать права человека, закрепленные в соответствующих договорах, в том числе экстерриториально, обязанности сотрудничать [7, пара. 43, 49–50], а также в рамках универсального периодического обзора.

В последние 5 лет государства активно разрабатывают контрсанкционное законодательство, включая так называемые **блокирующие статуты**, для того, чтобы обеспечить защиту прав своих юридических лиц в случае введения односторонних санкций.

Контрсанкционное законодательство направлено в первую очередь на то, чтобы минимизировать ущерб от односторонних санкций в отношении граждан и юридических лиц государства. В качестве наиболее раннего акта следует назвать Блокирующий статут Европейского союза (далее — ЕС), принятый

в 1996 г. для того, чтобы защитить хозяйствующие субъекты ЕС от последствий конкретных (в первую очередь против Кубы и Ирана), прямо прописанных в статуте односторонних санкционных режимов США [22].

Блокирующий статут ЕС предусматривает несколько основных направлений защиты прав хозяйствующих субъектов:

- запрет обеспечивать на территории ЕС санкционные режимы США;

- запрет исполнять иностранные судебные решения в части применения односторонних санкций;

- возможность обратиться в суд ЕС для взыскания в судебном порядке ущерба, причиненного реализацией санкционных режимов США;

- возможность обратиться в Комиссию ЕС за разрешением имплементировать санкционные режимы США [58], если согласно статье 5(2) регламента 2271/96 неисполнение причинит серьезный ущерб их интересам либо интересам союза [30]. В 2021 г. была сделана попытка пересмотра регламента, поскольку эффективность Блокирующего статута ЕС оценивалась как весьма невысокая [11], однако до настоящего времени ситуация не изменилась. ЕС делает упор преимущественно на самостоятельность принятия решений хозяйствующими субъектами и иными компаниями, а в отсутствие механизмов защиты своих хозяйствующих субъектов перед лицом санкций третьих стран перекладывает на них ответственность за любой причиненный ущерб либо принятые решения.

Акты о противодействии иностранным санкциям были приняты и иными государствами, включая Российскую Федерацию и Китай.

Так, Федеральный закон Российской Федерации «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» предусматривает условия принятия принудительных мер для реализации санкций Совета Безопасности ООН (ст. 1(3)), а также специальных принудительных мер как мер *«реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц, представляющие угрозу интересам и безопасности Российской Федерации и (или) нарушающие права и свободы ее граждан»* (ст. 1(2)) [5]. В 2018 г. Российской Федерацией был принят Федеральный закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств», который в первую очередь ограничивает возможности сотрудничества, участия иностранных государств, их граждан и физических лиц в реализации проектов на территории либо от имени России [3]. В Указе «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных

организаций» от 3 мая 2022 г. механизмы принятия таких мер регламентированы более детально [4].

В июне 2021 г. Китаем был принят Закон о противодействии иностранным санкциям [39], который наряду с другими подзаконными нормативными актами направлен на защиту интересов Китайской Народной Республики, ее граждан и юридических лиц [64, para. 60–69]. Фактически китайское законодательство восприняло многие положения Блокирующего статута ЕС в части запрета компаниям Китая и иным хозяйствующим субъектам на территории КНР имплементировать односторонние санкции третьих стран, возможности обращения в суды Китая для защиты своих прав, необходимости получения разрешений от компетентных органов Китая для соблюдения иностранных санкций, если это требуется для защиты прав компаний [64, para. 60–69].

Следует отметить, что государства под санкциями начали принимать ряд иных мер для защиты прав своих граждан и хозяйствующих субъектов, включая предоставление возможности обращения в национальные суды для урегулирования торговых либо экономических споров, если это невозможно либо затруднительно во вводящих санкции государствах [64, para. 66, 71–72], оказание административной, правовой помощи, предоставление налоговых каникул [64, para. 60–61], и, кроме того, вводить ответные санкции с упором на реализацию механизма контрмер (Россия, Китай [64, para. 62–64, 67, 69]).

Несмотря на определенную защиту, которую такие механизмы способны предоставить, ее реализация на практике является довольно проблематичной. Вводящие санкции государства возражают против переноса юрисдикции в государства под санкциями и отказываются признавать и исполнять соответствующие судебные решения даже в нарушение договоров о признании и взаимном исполнении иностранных судебных решений [6; 64], выдают запреты на предъявление исков [49; 63] для того, чтобы «предотвратить обход санкционных режимов судебными средствами» [23, art. 5ab; 26].

Несомненно, традиционным средством защиты нарушенных прав является **судебная защита**. Вместе с тем в условиях введения односторонних санкций возможности такой защиты весьма ограничены. Как следствие, государства под санкциями разрабатывают широкий перечень мер, направленных на то, чтобы позволить урегулировать споры между субъектами хозяйствования, обратиться за защитой нарушенных прав, затронутых односторонними санкциями и овер-комплаенсом. Указанная проблема, однако, является чрезвычайно широкой и требует отдельного рассмотрения.

В настоящее время наблюдается значительная активизация использования механизмов привлечения к гражданской, уголовной и ад-

министративной ответственности своих граждан, граждан государств под санкциями либо граждан третьих стран со ссылкой на их причастность к обходу санкционных режимов. При этом используются различные механизмы уголовного права. Вместе с тем информация достаточно ограничена и нетранспарентна. Так, например, информация относительно уголовных дел такого рода, возбужденных в странах Евросоюза, отсутствует на платформе ЕС по санкциям. Информация и данные весьма лаконичны и фрагментарны и на сайтах компетентных ведомств отдельных государств-членов. Например, Швейцария указывает на 29 «уголовных преступлений административного характера» (без разъяснения сути данного термина) за обход санкционных режимов против России [24]. Фрагментарную информацию можно найти на сайтах ведомств Нидерландов [32; 47], Германии [32; 35; 47], Франции [15, p. 30–31], Дании [47, p. 19–20; 57] и др. [47].

Уголовное преследование является частым механизмом обеспечения применения односторонних санкций США [45]. В частности, для обеспечения санкционного режима в отношении Венесуэлы США был запрошен ордер на арест специального посланника Венесуэлы А. Сааба, который был снят с самолета в 2020 г. на технической остановке в Кабо-Верде и по решению Суда Экономического сообщества стран Западной Африки по правам человека выдан в США, где подвергся длительному (почти три года) содержанию в тюрьме в нарушение положенных ему по статусу дипломатических иммунитетов. Запрос был направлен США по обвинению А. Сааба в восьми эпизодах коррупции в Венесуэле, семь из которых были сняты сразу после его задержания [44]. Показательно, что согласно Конвенции ООН против коррупции юрисдикцией в отношении преступления коррупции обладает только непосредственно затрагиваемое государство, которым США не являются (ст. 4(2)) [1].

Дочь исполнительного директора и одна из высших должностных лиц компании «Хуавей» В. Менг была задержана в 2018 г. в Канаде по обвинению в мошенничестве за деятельность, предположительно создавшую риск нарушения санкционных режимов США против Ирана. После задержания она провела в тюрьме Канады три года, впоследствии после заключения компанией сделки с США была отпущена в Китай, а решение по делу так и не было вынесено [36].

Имеют место случаи возбуждения уголовного преследования со ссылкой на обход санкционных режимов, в том числе в государствах — членах ЕС, даже при отсутствии нарушения санкционного режима [41]. Имеется широкая практика наложения США ареста на имущество граждан третьих стран, в том числе за рубежом, и его доставки в США со ссылкой на обход санкционных режимов либо криминальный характер его использования [10; 42].

Несмотря на неоднократное выражение обеспокоенности криминализацией обхода либо оказания помощи в обходе санкционных режимов в проектах национальных правовых актов, в том числе ЕС [43], последний в апреле 2024 г. принял директиву 2024/1226 об определении преступных деяний и наказании за них за обход ограничительных мер ЕС [25, art. 8 (с)]. Оказание помощи в обходе санкционных режимов само по себе уже рассматривается в качестве преступлений (в отличие от более ранних попыток возбуждения уголовного преследования за иные преступления, если они связаны либо влекут обход односторонних санкций). При этом уголовную ответственность могут влечь даже правовое консультирование лиц под санкциями либо тех, которые затронуты санкционными режимами, а также деятельность гуманитарных организаций, связанная с поставками гуманитарной помощи в государства под санкциями. Как следствие, и юристы в государствах под санкциями, и гуманитарные организации чувствуют себя исключительно уязвимыми и минимизируют связанную с лицами либо государствами под санкциями деятельность для минимизации санкционных рисков [7, para. 34, 39].

Аналогичная ситуация существует в случае предъявления гражданских исков за обход санкционных режимов. Так, в частности, в 2014 г. банк «Парибас» согласился выплатить около 9 млрд дол. США в рамках соглашения об урегулировании, сумма штрафов, наложенных США в 2023 г. по итогам аналогичных соглашений, достигла более 1,5 млрд дол. США [17; 55]. Традиционно частные компании предпочитают заключить соглашение об урегулировании вместо того, чтобы обратиться в суд для защиты прав, в связи с опасениями сохранения более высоких платежей либо возбуждения уголовного преследования. При заключении соглашений об урегулировании сумма изначально требуемого платежа может быть уменьшена в 10–100 раз [53; 54]. При этом компания соглашается полностью уйти с рынков государств под санкциями, разорвать все контакты с гражданами, юридическими лицами государств под санкциями и самими такими государствами, внести изменения в политику компаний на всех уровнях в целях обеспечения реализации режимов односторонних санкций [52, para. 22–24].

Следует отметить, что возможности государств под санкциями защитить своих граждан в случае предъявления им уголовных обвинений, привлечения к административной либо гражданской ответственности весьма ограничены, особенно с учетом того, что, как отмечалось выше, информация зачастую не-транспарентна. Компании и физические лица предпочитают заключить соглашение об урегулировании для того, чтобы минимизировать риски в дальнейшем, третьи страны, исходя из политических либо иных соображений и ссы-

лаясь на наличие двусторонних соглашений о сотрудничестве по уголовным делам либо об экстрадиции, оказывают помощь в задержании и экстрадиции лиц за обход санкционных режимов третьих стран [28; 56]. При этом государство гражданства может быть лишено возможности участвовать в принятии решений о судьбе своих граждан, в отношении которых осуществляется экстрадиция. Так, имеются многочисленные случаи выдачи Великобританией и государствами — членами ЕС граждан ЕС и третьих стран в США за обход санкционных режимов США либо ЕС [29].

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

Введение односторонних санкций и мер по обеспечению их применения затрагивает широкий перечень прав различных групп населения, равно как экономические права действующих на территории государства под санкциями хозяйствующих субъектов.

Согласно принципу должной осмотрительности, все государства обязаны принимать меры с целью обеспечить, чтобы деятельность под их юрисдикцией или контролем не нарушала права человека, в том числе экстратерриториально. Вводящие санкции государства, однако, в настоящее время не обеспечивают реализацию данного принципа, несмотря на наличие многочисленных свидетельств негативного гуманитарного воздействия односторонних принудительных мер.

В соответствии с обычными нормами международного права о дипломатической защите в отсутствие возможности физических и юридических лиц государств под санкциями надлежащим образом защитить нарушенные односторонними санкциями и овер-комплаенсом права в вводящих санкции государствах государства под санкциями имеют право использовать дипломатические меры и различные средства урегулирования споров в целях привлечения вводящих санкции государств к ответственности за причинение ущерба гражданам и хозяйствующим субъектам государств под санкциями действиями, нарушающими международные обязательства (осуществлять дипломатическую защиту), в том числе в случае нарушения прав человека овер-комплаенсом. Поэтому государства обязаны принять все виды мер (законодательные, административные, организационные и пр.) для того, чтобы обеспечивать вышеуказанное законодательство.

В настоящее время страны под санкциями предпринимают активные действия по защите интересов государств, их физических и юридических лиц в условиях введения односторонних санкций. Перечень мер расширился с запрета реализовывать на национальной территории санкции третьих стран либо отказа государств продолжать сотрудничество с такими странами или государственными компаниями до введения ответных контрмер в отношении

различных категорий акторов, переноса юрисдикции по торговым спорам в государства под санкциями, предоставления возможности обращаться в национальные суды для защиты прав, нарушенных введением односторонних санкций, и иных действий.

Вместе с тем в отсутствие сотрудничества с вводящими санкции государствами, в том числе в части получения доказательств за границей, признания и взаимного исполнения иностранных судебных решений, указанные меры остаются недостаточно эффективными и перекладывают ответственность в первую очередь на самих хозяйствующих субъектов, что в свою очередь влечет не только соблюдение, но и чрезмерное соблюдение (овер-комплаенс) односторонних санкций с их стороны.

В настоящее время перечень механизмов принуждения к исполнению режимов односторонних санкций включает возбуждение

уголовных и гражданских дел. Уголовные дела изначально возбуждались США со ссылкой на совершение актов коррупции либо мошенничества. Впоследствии отдельными государствами, в том числе странами ЕС и Великобританией, уже сам обход санкционных режимов либо оказание помощи в обходе санкционных режимов были прямо криминализированы без четкого определения, что представляют собой такие действия. Вместе с тем подобные действия представляют собой нарушение стандартов должного процесса, права не быть судимым за деяния, не представляющие собой преступления на момент их совершения, а также нарушают положения международных договоров, направленных на борьбу с отдельными видами преступлений. Поскольку односторонние санкции сами по себе не являются преступлениями, их обход также не может представлять собой преступление.

Список использованных источников

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: [принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 окт. 2003 г.] // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 03.09.2024).
2. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.] // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 09.09.2024).
3. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: Федеральный закон Рос. Федерации от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ // Система «Гарант». — URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/71958400> (дата обращения: 03.09.2024).
4. О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента Рос. Федерации от 3 мая 2022 г. № 252 // Система «Гарант». — URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/404564292> (дата обращения: 03.09.2024).
5. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: Федеральный закон Рос. Федерации от 30 дек. 2006 г. № 281-ФЗ // Система «Гарант». — URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/12151317> (дата обращения: 03.09.2024).
6. Римский статут Международного уголовного суда // Организация Объединенных Наций. — URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 09.09.2024).
7. Access to justice in the face of unilateral sanctions and overcompliance: note by the Secretary General: UN Doc. A/79/183 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4059045> (date of access: 03.09.2024).
8. Alleged violations of State immunities (Islamic Republic of Iran v. Canada): application instituting proceedings filed in the Registry of the Court on 27 June 2023 // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/189/189-20230628-app-01-00-en.pdf> (date of access: 03.09.2024).
9. Alleged Violations of the 1955 Treaty of Amity, Economic Relations, and Consular Rights (Iran v. USA), Preliminary Objections: Judgment of 3 Febr. 2021 // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/175/175-20210203-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 03.09.2024).
10. Alvarez, P. Exclusive: US seizes Venezuela President Nicolas Maduro's airplane in the Dominican Republic / P. Alvarez // CNN. — 04.09.2024. — URL: <https://edition.cnn.com/2024/09/02/politics/us-seizes-venezuela-president-maduros-airplane/index.html> (date of access: 13.09.2024).
11. Amendment to the Blocking Statute Regulation, 20 May 2022 // European Parliament. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-a-stronger-europe-in-the-world/file-blocking-statute-regulation?sid=5901> (date of access: 03.09.2024).
12. Appeal Relating to the Jurisdiction of the ICAO Council under Article II, SECTION 2, of the 1944 International Air Services Transit Agreement: Judgement of 14 July 2020 // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/174/174-20200714-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 03.09.2024).
13. Article XXI. Security exemptions // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gatt_ai_e/art21_e.pdf (date of access: 03.09.2024).
14. Assad Regime Anti-Normalization Act of 2023: Doc. S.2342, 118th Congress, 1st session // congress.gov. — URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/2342/text/is?overview=closed&format=xml> (date of access: 03.09.2024).
15. Bauer, S. Detecting, Investigating and Prosecuting Export Control Violations. European Perspectives on Key Challenges and Good Practices / S. Bauer, M. Bromley. — Solna: Sipri, 2019. — ix, 38 p. // Stockholm International Peace Research Institute. — URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_sipri_report_prosecuting_export_control_violations_o.pdf (date of access: 03.09.2024).
16. Blocking Property of Certain Persons Associated With the International Criminal Court: Executive Order 13928 of June 11, 2020 // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://ofac.treasury.gov/media/42966/download?inline> (date of access: 03.09.2024).
17. BNP Paribas Agrees to Plead Guilty and to Pay \$8.9 Billion for Illegally Processing Financial Transactions for Countries Subject to U.S. Economic Sanctions // U.S. Department of Justice. — 30.06.2014. — URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/bnp-paribas-agrees-plead-guilty-and-pay-89-billion-illegally-processing-financial> (date of access: 09.09.2024).
18. Boklan, D. The First WTO's Ruling on National Security Exception: Balancing Interests or Opening Pandora's Box? / D. Boklan, A. Bahri // World Trade Review. — 2020. — Vol. 19, N 1. — P. 123—136. — URL: <https://doi.org/10.1017/S1474745619000430> (date of access: 03.09.2024).

19. Carta del presidente de la República Bolivariana de Venezuela N. Maduro, a la Fiscal de la Corte Penal Internacional F. Bensouda. Caracas, 12 de febrero de 2020 // International Criminal Court. — URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/itemsDocuments/200212-venezuela-referral.pdf> (date of access: 03.09.2024).
20. Certain Iranian Assets (Iran v. USA): Judgement of 30 March 2023 // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20230330-jud-01-00-en.pdf> (date of access: 03.09.2024).
21. Certain Iranian Assets (Iran v. USA): Press Release (Unofficial) N 2023/15, 30 March 2023 // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/164/164-20230330-PRE-01-00-EN.pdf> (date of access: 03.09.2024).
22. Council Regulation (EC) N 2271/96 of 22 November 1996 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom // EUR-Lex: Access to European Union law. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A01996R2271-20180807> (date of access: 03.09.2024).
23. Council Regulation (EU) 2024/1745 of 24 June 2024 amending Regulation (EU) N 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine // EUR-Lex: Access to European Union law. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R1745&qid=1737221346916> (date of access: 03.09.2024).
24. Criminal proceedings filed against violations of Russia sanctions // SWI swissinfo.ch. — 08.05.2023. — URL: <https://www.swissinfo.ch/eng/business/criminal-proceedings-filed-against-violations-of-russia-sanctions/48494256> (date of access: 03.09.2024).
25. Directive (EU) 2024/1226 of the European Parliament and of the Council of 24 April 2024 on the definition of criminal offences and penalties for the violation of Union restrictive measures and amending Directive (EU) 2018/1673 // EUR-Lex: Access to European Union law. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2024/1226/oj> (date of access: 03.09.2024).
26. Dispute Settlement: Appellate Body // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/appellate_body_e.htm (date of access: 03.09.2024).
27. Draft articles on Diplomatic Protection 2006: [text adopted by the International Law Commission at its fifty-eighth session, in 2006, and submitted to the General Assembly as a part of the Commission's report covering the work of that session. The report, which also contains commentaries on the draft articles, appears in Official Records of the General Assembly, Sixty-first Session, Supplement N 10 (A/61/10)] // United Nations Office of Legal Affairs. — URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/9_8_2006.pdf (date of access: 03.09.2024).
28. European sanctions enforcement. Tag: US extradition // Duane Morris. — URL: <https://blogs.duanemorris.com/europeansanctionsenforcement/tag/us-extradition/> (date of access: 03.09.2024).
29. Extradition of the Bulgarian citizen Milan Dimitrov in a manner completely bypassing the Bulgarian authorities // European Parliament. — 30.08.2024. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/P-10-2024-001577-EN.html> (date of access: 03.09.2024).
30. Extraterritoriality (Blocking statute): Protecting EU operators, reinforcing European strategic autonomy // European Commission. — URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/open-strategic-autonomy/extraterritoriality-blocking-statute_en#:~:text=The%20blocking%20statute%20prohibits%20compliance,to%20inform%20the%20European%20Commission (date of access: 03.09.2024).
31. General comment N 24 (2017) on State obligations under the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights in the context of business activities: UN Doc. E/C.12/GC/24 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1304491> (date of access: 03.09.2024).
32. GIR Guide to Sanctions Third Edition — EU Sanctions Enforcement Pt. 3, Recent Decisions and Future of Enforcement // STEWARTS. — 19.08.2022. — URL: <https://www.stewartslaw.com/news/eu-sanctions-enforcement-recent-decisions-and-future/> (date of access: 03.09.2024).
33. Godoy, J. U.S. judge orders \$1.68 bln payout to families over 1983 Beirut bombing / J. Godoy // Reuters. — 23.03.2023. — URL: <https://www.reuters.com/world/us-judge-orders-168-bln-payout-families-over-1983-beirut-bombing-2023-03-22/> (date of access: 03.09.2024).
34. Guiding Principles on Business and Human Rights: Implementing the United Nations «Protect, Respect and Remedy» Framework. — New York; Geneva: United Nations, 2011. — iv, 35 p. // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. — URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/publications/guidingprinciplesbusinessshr_en.pdf (date of access: 03.09.2024).
35. Haft für Verstöße gegen Russland-Embargo // Süddeutsche Zeitung. — 04.03.2021. — URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/hamburg-haft-fuer-verstoesse-gegen-russland-embargo-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210303-99-676270> (date of access: 03.09.2024).
36. Huawei's Meng Wanzhou flies back to China after deal with US // BBC. — 25.09.2021. — URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-58682998> (date of access: 03.09.2024).
37. Illegitimate Court Counteraction Act: Doc S.4484, 118th Congress, 2d session // congress.gov. — 06.05.2024. — URL: <https://www.congress.gov/bills/118th-congress/senate-bill/4484/text> (date of access: 03.09.2024).
38. Kimberley, A. E. Evidence on the Costs and Benefits of Economic Sanctions / A. E. Kimberley // Peterson Institute for International Economics. — 23.10.1997. — URL: <https://www.piie.com/commentary/testimonies/evidence-costs-and-benefits-economic-sanctions> (date of access: 03.09.2024).
39. Law on countering foreign sanctions, 10 June 2021 // China Law Translate. — URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/counteringforeignsanctions/#:~:text=Article%201%3A%20This%20Law%20is,our%20nation's%20citizens%20and%20organizations> (date of access: 03.09.2024).
40. Mandates of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers; the Working Group on Arbitrary Detention; the Special Rapporteur on extrajudicial, summary or arbitrary executions; the Special Rapporteur on the implications for human rights of the environmentally sound management and disposal of hazardous substances and wastes; the Special Rapporteur on the situation of human rights defenders; the Independent Expert on the promotion of a democratic and equitable international order; the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Palestinian territory occupied since 1967; the Special Rapporteur on the promotion and protection of human rights and fundamental freedoms while countering terrorism; the Special Rapporteur on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment; the Special Rapporteur on the promotion of truth, justice, reparation and guarantees of non-recurrence; and the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Doc. AL USA 15/2020, 23 June 2020 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=25379> (date of access: 03.09.2024).
41. Mandate of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Doc. AL DEU 1/2024, 27 Febr. 2024 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28799> (date of access: 03.09.2024).

42. Mandate of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Doc. AL USA 24/2020, 4 Sept. 2020 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=25541> (date of access: 03.09.2024).
43. Mandate of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights: Doc. OL OTH 75/2023, 9 June 2023 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28164> (date of access: 03.09.2024).
44. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Working Group on Arbitrary Detention and the Independent expert on the promotion of a democratic and equitable international order: Doc. AL USA 23/2023, 19 Sept. 2023 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28372> (date of access: 13.09.2024).
45. Obligation of foreign based persons to comply with US sanctions and export control laws, 6 March 2024 // U.S. Department of Justice. — URL: <https://www.justice.gov/opa/media/1341411/dl?inline> (date of access: 04.09.2024).
46. Preliminary Examination. Venezuela II: ICC 01/20 // International Criminal Court. — URL: <https://www.icc-cpi.int/venezuela-ii> (date of access: 03.09.2024).
47. Prosecution of Sanctions (Restrictive Measures) Violations in National Jurisdictions: a Comparative Analysis, December 2021 // European Network for Investigation and Prosecution of Genocide. — URL: https://www.eurojust.europa.eu/sites/default/files/assets/genocide_network_report_on_prosecution_of_sanctions_restrictive_measures_violations_23_11_2021.pdf (date of access: 03.09.2024).
48. Qatar's resolution on postal services gets UPU backing // Gulf Times. — 29.02.2020. — URL: <https://www.gulf-times.com/story/657181/Qatar-s-resolution-on-postal-services-gets-UPU-bac> (date of access: 03.09.2024).
49. Renaissance Securities (Cyprus) Ltd v. Chlodwig Enterprises Ltd & Others: Neutral Citation Number [2023] EWHC 2816 // British and Irish Legal Information Institute. — URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2023/2816.html> (date of access: 09.09.2024).
50. Report on the Appellate Body of the World Trade Organization. February 2020 // Office of the United States Trade Representative. — URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/enforcement/DS/USTR.Appellate.Body.Rpt.Feb2020.pdf> (date of access: 03.09.2024).
51. Saudi Arabia — Measures Concerning the Protection of Intellectual Property Rights: report of the Panel: WTO Doc. WT/DS567/R, 16 June 2020 // World Trade Organization. — URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/567R.pdf&Open=True> (date of access: 03.09.2024).
52. Secondary sanctions, overcompliance and human rights: note by the Secretary-General: UN Doc. A/78/196 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4023204> (date of access: 03.09.2024).
53. Settlement Agreement between the U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control and Bittrex, Inc. // Office of Foreign Assets Control. — 11.10.2022. — URL: <https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20221011> (date of access: 03.09.2024).
54. Settlement Agreement between the U.S. Department of the Treasury's Office of Foreign Assets Control and Uphold HQ Inc. // Office of Foreign Assets Control. — 31.03.2023. — URL: https://ofac.treasury.gov/recent-actions/20230331_33 (date of access: 03.09.2024).
55. Settlement Agreement: Doc. COMPL-2013-193659 // Department of the Treasury, Washington // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://ofac.treasury.gov/media/13521/download?inline> (date of access: 03.09.2024).
56. Smith, A. Enforcement of financial sanctions and extradition risk / A. Smith // Corker Binning. — 23.01.2023. — URL: <https://corkerbinning.com/enforcement-of-financial-sanctions-and-extradition-risk/> (date of access: 03.09.2024).
57. Szumski, Ch. Oil billionaire accepts verdict in Dan-Bunkering case / Ch. Szumski // Euractiv. — 03.01.2022. — URL: https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/oil-billionaire-accepts-verdict-in-dan-bunkering-case/ (date of access: 03.09.2024).
58. Template for applications for authorisations under Article 5 paragraph 2 of Council Regulation (EC) N 2271/96 protecting against the effects of the extra-territorial application of legislation adopted by a third country, and actions based thereon or resulting therefrom. — URL: https://finance.ec.europa.eu/document/download/1a5bf6a5-6941-48e9-92ab-f2b4bc31ce35_en?filename=template-applications-authorisations-comply-foreign-laws_en.docx (date of access: 03.09.2024).
59. The Right to Health: Fact Sheet N 31, 2008 / OHCHR and WHO // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://www.ohchr.org/en/publications/fact-sheets/fact-sheet-no-31-right-health> (date of access: 03.09.2024).
60. 2023 Civil Penalties and Enforcement Information // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://ofac.treasury.gov/civil-penalties-and-enforcement-information/2023-enforcement-information> (date of access: 03.09.2024).
61. United States — Certain Measures on Steel and Aluminium Products: Dispute Settlement DS544 // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds544_e.htm (date of access: 03.09.2024).
62. United States — Origin Marking Requirement: Dispute Settlement DS597 // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds597_e.htm (date of access: 03.09.2024).
63. US court grants JPMorgan anti-suit injunction against VTB in sanctions case // Global Sanctions. — 03.05.2024. — <https://globalsanctions.co.uk/2024/05/us-court-grants-jpmorgan-anti-suit-injunction-against-vtb-in-sanctions-case/> (date of access: 03.09.2024).
64. Visit to China: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/57/55/Add.1 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4059973> (date of access: 03.09.2024).
65. Visit to the Syrian Arab Republic: report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/54/23/Add.1 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4016872> (date of access: 03.09.2024).
66. Voon, T. Testing the limits of security exemptions / T. Voon // East Asia Forum Quarterly. — 2023. — Vol. 15, N 2. — P. 13–15. — URL: <https://eastasiaforum.org/quarterlies/an-age-of-sanctions/> (date of access: 03.09.2024).
67. Weber, P. M., How many hands to make sanctions work? Comparing EU and US sanctioning efforts / P. M. Weber, G. Schneider // European Economic Review. — 2020. — Vol. 130. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0014292120302257> (date of access: 03.09.2024).

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2024 г.

ВИДЫ ОДНОСТОРОННИХ САНКЦИЙ

У Цзыцзюнь

В статье рассматривается проблема классификации односторонних санкций в межгосударственных отношениях в связи с множественностью их видов и форм и отсутствием как определения односторонних санкций, так и единого подхода к содержанию конкретных видов санкций. Односторонние санкции все более широко применяются на международной арене в отсутствие согласия относительно их квалификации в целом и отдельных форм одностороннего давления. С учетом расширения их применения и увеличения количества разных новых видов и форм таких мер в данной статье осуществляются классификация односторонних санкций по различным основаниям и их квалификация. В статье односторонние санкции по отрасли наложения и инструментам разделяются на дипломатические, политические, экономические, военные, технические, культурные, научные, спортивные, транспортные, коммуникационные и киберсанкции, а по адресованным объектам — на секторальные, целевые и вторичные санкции.

Ключевые слова: вторичные санкции; контрсанкции; односторонние санкции; секторальные санкции; целевые санкции; экономические санкции.

«Types of Unilateral Sanctions» (Wu Ziqun)

The article examines the challenge of classifying «unilateral sanctions» in international relations, given their diverse types and forms and the lack of a universally accepted definition and typology. Despite the lack of consensus on their classification, both generally and in their specific forms, unilateral sanctions are increasingly prevalent in international relations. In light of the expanding use and evolving forms of unilateral sanctions, this article offers a classification framework and defines their various forms. This article categorises unilateral sanctions based on their application and instruments, distinguishing between diplomatic, political, economic, military, technical, cultural, scientific, sporting, transport, communication, and cyber sanctions. A further distinction is made between sectoral, targeted, and secondary sanctions.

Keywords: countermeasures; economic sanctions; secondary sanctions; sectoral sanctions; targeted sanctions; unilateral sanctions.

В современном международном праве традиционно санкции рассматриваются как один из наиболее важных инструментов поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Статья 39 Устава ООН уполномочивает Совет Безопасности ООН принимать военные и невоенные принудительные меры в ответ на угрозу мира, нарушение мира или акт агрессии [11]. Устав ООН наделяет полномочиями по принятию санкций лишь Совет Безопасности ООН. Ни государства, ни международные организации правом принятия санкций без санкции Совета Безопасности ООН не обладают. Такие меры традиционно называют односторонними санкциями либо односторонними принудительными мерами [44, para. 18; 45, p. 331].

В настоящее время односторонние санкции все более активно применяются на международной арене. По состоянию на сентябрь

2024 г., в санкционном списке США находилось 25 государств и территорий, включая Афганистан, Балканы, Беларусь, Бирму, Венесуэлу, Китай, Кубу, Демократическую Республику Конго, Гонконг, Иран, Ирак, Йемен, Ливан, Ливию, Мали, Никарагуа, Россию, Сомали, Северную Корею, Сирию, Судан, Украину, Центральноафриканскую Республику, Эфиопию, Южный Судан [35]. Европейский союз (далее — ЕС) ввел санкции в отношении 33 государств и территорий [21], Канада применяла санкции против 26 государств и территорий [42], Великобритания — в отношении 24 государств и территорий [40]. Расширяются также виды и круг субъектов односторонних санкций [44, para. 97]. Значительное их число применяется в отношении конкретных физических и юридических лиц как средство обеспечения первичных санкционных режимов (вторичные санкции) либо как контрмеры в ответ на при-

Автор:

У Цзыцзюнь — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: zina.wzq@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Wu Ziqun — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: zina.wzq@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

менение односторонних санкций к государству (например, со стороны Российской Федерации или Китая). Как следствие, тем или иным образом односторонними санкциями затрагиваются все либо почти все государства.

Несмотря на указанные факторы, комплексные исследования, посвященные выявлению различных видов односторонних санкций и их характеристике, не проводились. Ряд научных работ посвящен изучению экономических, торговых либо финансовых санкций [20; 24; 30]. Иные публикации посвящены вторичным санкциям, введенным США против финансовой отрасли Российской Федерации [9], либо оценивают политические аспекты секторальных санкций против России и Ирана в качестве основного инструмента международной политики [25]. Между тем комплексное исследование видов односторонних санкций в правовой доктрине отсутствует, что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблемы. Исходя из этого сформулируем цель статьи — выявление и характеристика различных видов односторонних санкций.

Термин «односторонние санкции» не имеет определения в международном праве и часто используется взаимозаменяемо с термином «односторонние принудительные меры». По мнению специального докладчика по негативному влиянию односторонних принудительных мер на права человека Е. Ф. Довгань, односторонние принудительные меры — это «любой вид мер или деятельности, применяемые государствами, группами государств или региональными организациями без либо в обход санкций Совета Безопасности ООН, которые не соответствуют международным обязательствам санкционирующего субъекта или незаконность которых не исключается на основании права международной ответственности, независимо от объявленной цели или задачи. Односторонние санкции, принятые без или помимо санкций Совета Безопасности ООН, не имеющие оснований в международном праве и не соответствующие критериям реторсий или контрмер, должны быть квалифицированы как односторонние принудительные меры». При этом не все односторонние санкции представляют собой односторонние принудительные меры, а лишь те из них, которые не могут быть квалифицированы в качестве реторсий и контрмер [19, р. 44].

В настоящее время в доктрине и на практике выделяют множество видов односторонних санкций. По отрасли наложения и инструментам использования выделяют дипломатические, политические, экономические, военные, технические, культурные, научные, спортивные, коммуникационные и киберсанкции [44, пара. 25; 45, р. 331], по непосредственному объекту — санкции в отношении государств, секторальные и целевые санкции, а также вторичные санкции, применяемые к физическим

лицам и компаниям третьих стран как инструмент принуждения к выполнению первичных санкций [32, р. 4].

Дипломатические санкции представляют собой политические меры, влекущие запрет или приостановление возможности участия государства в международных организациях или комитетах, отказ от предоставления визовых привилегий для граждан, а также другие действия, сопряженные со снижением уровня дипломатических отношений между правительствами (например, высылка или отзыв сотрудников дипломатических представительств, временное закрытие посольств, прекращение дипломатических контактов и т. д.) [30, р. 47].

Такие санкции наносят дипломатический или политический ущерб положению государства, подвергающегося санкциям, и направлены на понижение его международного авторитета и репутации. Вместе с тем разрыв дипломатических отношений и высылка дипломатов не нарушают международное право и соответственно не составляют односторонние принудительные меры [1, ст. 45]. В настоящее время появилась такая новая форма одностороннего давления, как непризнание результатов выборов. Так, например, после отказа признать результаты президентских выборов в Венесуэле [5] США отказались признать иммунитет специального посланника Венесуэлы А. Сааба, который был арестован на пересадке в Кабо-Верде во время полета в Иран для переговоров о закупке критически важных для Венесуэлы в условиях санкций США товаров, включая продукты питания, лекарства и бензин [27]. Его арест в Кабо-Верде и последующая экстрадиция в США нарушают дипломатический иммунитет и право на свободу передвижения [1, ст.ст. 29, 40]. Более того, арест, экстрадиция и судебное преследование в отношении А. Сааба имели своей целью в первую очередь обеспечение соблюдения односторонних санкций США против Ирана и Венесуэлы, т. е. представляли собой одновременно меры по обеспечению одностороннего санкционного режима. Указанные меры имеют весьма широкие последствия и влекут нарушение прав на адекватный уровень жизни, на здоровье и питание населения Венесуэлы [27]. Ссылаясь на отсутствие признания, суды Великобритании перевели дело относительно доступа к золотому запасу Центрального банка Венесуэлы в Банке Британии в частно-правовой спор о полномочиях в нарушение иммунитетов резервов центральных банков [50].

Экономические санкции — наиболее часто используемый инструмент, считающийся особенно разрушительным с позиции экономического и гуманитарного эффекта. Генеральная Ассамблея ООН ежегодно осуждает применение США экономических и финансовых санк-

ций против Кубы в качестве блокады и детально указывает на существующие гуманитарные последствия [6]. Дж. Фарралл квалифицирует экономические санкции как меры, направленные на пресечение потока всех или некоторых товаров или продуктов в страну или из нее в целом [23, р. 107]. Финансовые санкции тесно связаны с экономическими санкциями, но основное внимание уделяют запрету потока финансовых и экономических ресурсов в страну и из нее, а не товаров, продуктов или поставок. Например, Канада ввела экономические санкции против России в виде импортных и экспортных ограничений на товары и финансовые санкции в форме запрета финансовых транзакций [42].

Торговые санкции могут включать, но не ограничиваться всеобъемлющим торговым эмбарго и нетарифными барьерами. Финансовые санкции в меньшей степени концентрируются на типах товаров, являющихся предметом торговли, но в большей степени — на способах торговли ими, в итоге оказывая значительное влияние на валютные рынки, финансовые потоки и схемы страхования, такие как замораживание активов и банковских счетов, отключение стран или их банков от системы *SWIFT* [39], и т. д. В настоящее время наблюдаются тенденции применения либо угрозы применения односторонних мер давления в отношении финансовых учреждений. Так, например, сенатор США М. Рубио в июле 2024 г. направил в соответствующий комитет акт о предотвращении и снижении эффекта санкций в целях сохранения и повышения контроля США над межбанковскими транзакциями, предусматривающий возможность введения санкций США в отношении любого финансового учреждения, использующего системы межбанковских платежей Китая, России или Ирана [33], и в сентябре 2024 г. — акт о гармонизации санкционных режимов [34].

К. Т. Морган определяет экономические санкции как акты стран для ограничения или прекращения экономических отношений со страной, против которой направлены санкции [30, р. 45]. Полагаем, такое мнение раскрывает лишь один аспект характеристики этих санкций.

В частности, по мнению специального докладчика ООН Е. Ф. Довгань, в связи с множественностью санкционных режимов, средств обеспечения их исполнения и овер-комплаенса под экономическими санкциями можно понимать любые виды односторонних принудительных мер, которые могут оказать экономическое воздействие на все население целевой страны, сектор ее экономики, конкретную компанию или физическое лицо [18]. Довольно часто экономические санкции используют неэкономические или нефинансовые средства. Например, ограничения на поездки для высокопоставленных государственных чиновников

способны помешать сотрудничеству в области торговли либо взаимодействию с конкретными секторами экономики или государством в целом. Значительное число мер применяется со ссылкой на изъятия в области безопасности режима Всемирной торговой организации (далее — ВТО).

Так, например, начиная с 2019 г. орган по разрешению споров ВТО в четырех случаях выносил решения по поводу использования членами ВТО исключений по соображениям безопасности (дела «Россия — транзитные перевозки» [31], «Саудовская Аравия — меры, касающиеся защиты прав интеллектуальной собственности» [36], «США — стальные и алюминиевые изделия» [48], «США — маркировка стран происхождения» [49]).

Орган по разрешению споров ВТО указал, что исключения по соображениям безопасности предоставляют членам ВТО некоторую возможность определять свои собственные существенные интересы безопасности, а также меры, необходимые для защиты этих интересов. Это, однако, не должно влечь нарушение обязательств, принятых на себя государствами в рамках ВТО, и такие изъятия должны применяться и толковаться в полном соответствии с международным правом [12, para. 40].

Секторальные санкции представляют собой санкции в отношении отдельных секторов экономики. Они могут быть нацелены на финансовый и банковский сектор, телекоммуникационные, транспортные, туристические индустрии, промышленность страны и пр. В качестве примера можно привести санкции, введенные против нефтегазовой отрасли России в 2014 г. [4].

Секторальные санкции приводят к значительным экономическим потрясениям и могут затрагивать распределение основных товаров среди нуждающегося населения. Секторальные санкции могут сказаться на доступности продовольствия, особенно для людей с низким уровнем дохода, а также его качество, лишить доступа к чистой воде, услугам в области санитарии или электричеству, воспрепятствовать поставкам медицинского оборудования и лекарственных препаратов, а также товаров для сферы образования.

Примером, в частности, могут служить ограничения, связанные с Синьцзян-Уйгурским автономным районом и специальным административным районом Гонконг. Такие меры содержат запрет осуществлять торговлю в отношении регионов в целом, а также широкого круга товаров, производимых в них, включая сельское хозяйство, строительство, торговлю, новые и зеленые технологии, энергетику, финансы, телекоммуникации, текстиль, хлопок и др. [41]. Дополнительно в августе 2024 г. США запретили импорт продукции еще пяти китайских компаний, которые производят магниево-удобрения и продукцию из магни-

евых сплавов, а также занимаются добычей цветных металлов, со ссылкой на нарушение прав человека [17]. В результате специальный докладчик ООН по санкциям Е. Ф. Довгань по итогам официального визита в Китай отметила спад деловой активности и значительную потерю мировых рынков «либо из-за односторонних санкций как таковых, либо из-за чрезмерного соблюдения таких мер иностранными предприятиями и организациями», что привело «к потере рабочих мест с последующими сбоями в схемах социальной защиты, непропорционально затронув наиболее уязвимые слои населения, особенно в трудоемких секторах, включая женщин, пожилых людей и всех тех, кто занят в неформальном секторе» [13].

Многогранное негативное влияние секторальных санкций проявляется в других областях, таких как образование и академическое/научное сотрудничество, где в список включены несколько известных китайских университетов и исследовательских центров. В результате прерываются программы обмена, стипендии и совместные исследовательские проекты между китайскими и зарубежными (в основном американскими и европейскими) учреждениями, а также расширяется стигматизация китайских студентов и ученых, которым может быть отказано во въездных визах или которые могут быть подвергнуты тщательной проверке биографических данных по соображениям национальной безопасности при продолжении учебы или академической и профессиональной карьеры [13].

Экономические меры на практике нередко являются актами не правового, а скорее политического характера. Вследствие влияния на широкие сферы экономические санкции нарушают международное торговое и экономическое право, право международной ответственности, право международных договоров, право Генерального соглашения по тарифам и торговле и ВТО, международное частное право.

С точки зрения ряда ученых, военные санкции характеризуются угрозой либо применением военной силы [14, р. 16]. В настоящее время получили распространение санкции, направленные на лишение или ограничение доступа к военной технике, товарам двойного назначения, а также технической помощи в военной сфере [26]. Они могут включать в себя прямое глобальное эмбарго на поставку оружия, как, например, эмбарго, введенное Советом Безопасности ООН против Ирака и Ирана [7], а также решения на уровне государств об исключении или прекращении военного сотрудничества, запрет оказания военной помощи или подготовки военнослужащих. Советом Безопасности ООН введено эмбарго на поставку оружия Ливии для урегулирования конфликта внутри страны и поддержания мира и безопасности [8, пп. 5, 6].

США неоднократно использовали этот инструмент в виде отказа в военных поставках на определенный период времени [25]. В связи с неясностью, сложностью и неопределенностью определения товаров двойного назначения санкции существенно повлияли на ряд медицинских дисциплин и секторов в стране, включая ядерную медицину и радиофармацевтику, что непосредственно сказалось на пациентах, получающих такое специализированное лечение, и тем самым повлекло негативные гуманитарные последствия [51, para. 36].

В 2010 г. Совет Европейского союза принял всеобъемлющие экономические, торговые и другие санкции против Ирана, запретив продажу, передачу или экспорт товаров и технологий двойного назначения. В частности, в категорию товаров двойного назначения попали поисково-спасательные вертолеты и машины скорой медицинской помощи. Как сообщает специальный докладчик Е. Ф. Довгань, «закупка поисково-спасательных вертолетов и машин скорой медицинской помощи практически невозможна из-за невозможности обеспечить финансирование и из-за того, что их можно было бы считать товарами двойного назначения» [51, para. 51]. По данным Управления гражданской авиации Ирана, в стране имеется всего пять вертолетов воздушной медицинской службы, которые зачастую являются единственным способом добраться до пострадавших районов и пострадавших [51, para. 50]. Использование даже имеющихся спасательных вертолетов затруднено, так как после рекомендации для отрасли гражданской авиации, связанной с Ираном, выпущенной в 2019 г. Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США, иностранные авиапроизводители прекратили послепродажное обслуживание и поддержку вертолетов, тем самым поставив под угрозу безопасность гражданской авиации и жизнь людей. Аналогичные проблемы испытывает и автомобильная отрасль Ирана [51, para. 53].

Статус такого рода санкций не вполне ясен. Они могут рассматриваться как военные, торговые либо целевые в зависимости от конкретных обстоятельств и содержания применяемых мер.

Категория технологических санкций является достаточно новой и включает в себя ограничение предоставления технической поддержки в целом или получения отдельных услуг и информации, связанных с запрещенным предметом, в частности запрет на предоставление обучения. Цель этого вида санкций — нанести ущерб техническому/технологическому развитию государства в конкретной форме (например, отказ в помощи в развитии важных национальных ресурсов или экономических возможностей). Следует отметить, что данные меры имеют более долгосроч-

ные последствия, чем другие виды санкций. В частности, Канадой введены ограничения на техническую поддержку в отношении КНДР, Беларуси и т. д. [42]. США ввели ряд запретов и санкций в отношении российских исследователей и научных учреждений, в частности ограничения на сотрудничество американских исследователей и научных учреждений с российскими партнерами в ряде областей, особенно в тех из них, которые связаны с обороной и передовыми технологиями. Под санкции попали определенные категории технологий и оборудования, которые могут быть использованы в исследованиях и разработках, связанных с национальной безопасностью. Это затрудняет приобретение российскими исследователями необходимых инструментов и технологий [35]. Запрет на сотрудничество и продолжение обучения был введен США также в отношении магистрантов, аспирантов и ученых Китая [28].

Спортивные, культурные и научные санкции — это социальные меры, направленные на запрет спортивных, культурных и научных отношений между объектом санкций и внешним миром. Типичным примером является дискриминация в осуществлении публикаций. В настоящее время академические исследования, представленные авторами из стран, находящихся под санкциями, дисквалифицируются [47]. Ученым и преподавателям из стран, подвергшихся санкциям, ограничивают пространство для взаимодействия и сотрудничества с международными научными журналами и академическими сообществами, доступными ранее. В результате это негативно влияет на международное академическое и научное сотрудничество в целом.

Несмотря на то, что указанные санкции строятся на использовании инструментов социальной сферы, чаще всего они вводятся государствами либо международной организацией для оказания давления на политику других стран. В таком контексте они носят и политический характер, представляя собой политические меры. Например, российские и белорусские команды были допущены к участию в Олимпийских играх 2024 г. в Париже лишь в нейтральном статусе и при соблюдении ряда иных критериев [2]. Двойкий статус имеет и запрет на поставку спортивного оборудования, который можно рассматривать как спортивные и как торговые санкции.

Транспортные санкции как специфическая форма секторальных санкций включают целый ряд ограничительных мер, связанных с передвижением и транспортом. Запрет на въезд в страну является достаточно распространенной формой коммуникационных санкций. Другие формы, такие как полное или частичное ограничение железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или иных средств сообщения, предусматриваются в частности в Уставе ООН [11, ст. 41]. США и ЕС

ввели санкции в отношении белорусских, российских [21], иранских [29], сирийских [35] и иных перевозчиков.

Санкции в области информационных технологий (киберсанкции) также являются достаточно новыми и вызывают споры в части охвата принимаемых мер. Например, США в отношении Российской Федерации применяется запрет на телекоммуникации и Интернет-связь [22]. Согласно отчету специального докладчика ООН Е. Ф. Довгань по поводу влияния односторонних санкций на отношения в информационном пространстве, киберсанкции включают различные виды санкций с использованием информационно-коммуникационных технологий либо санкции, направленные на киберпространство, ограничение использования отдельных видов программного обеспечения [46, para. 2], в частности путем предотвращения доступа к публичным онлайн-платформам и услугам, блокирования торговли программным обеспечением или информационно-коммуникационным оборудованием, аккаунтов в социальных сетях, включения криптовалют в санкционный перечень и пр. Так, *Zoom* и некоторые другие платформы недоступны для жителей и граждан ряда стран, находящихся под санкциями, в том числе для учебных целей, научного и практического общения между специалистами разных сфер общества [10], что негативно влияет на их экономические и культурные права, включая право на Интернет, информацию, образование, здоровье, жизнь и развитие, а также академические свободы, и представляет собой дискриминацию по национальному признаку.

В документах американского Управления по контролю над иностранными активами и правительства Великобритании используется понятие «киберсанкции» как санкции, уполномочивающие внесение в списки иностранных граждан, юридических лиц и правительственные учреждения третьих стран за различные виды злонамеренной деятельности в информационном пространстве либо с применением информационно-коммуникационных технологий, включая кибератаки, вмешательство в избирательный процесс, подрыв территориальной целостности и другие действия, которые причиняют либо могут причинять ущерб государственным интересам [15; 43]. Такое положение, на наш взгляд, некорректно в свете трактовки данного термина, поскольку традиционно санкции классифицируют исходя из отрасли (экономические, финансовые) либо объекта, к которому их применяют (целевые, секторальные, вторичные), а также ввиду отсутствия права в международном праве на введение подобных санкций [46, para. 4]. Санкции в ответ на злонамеренные действия с использованием информационных технологий начали применять в практике ЕС и Великобритании с 17 мая 2019 г. путем вве-

дения запретов на выдачу виз, разрешений на въезд и заморозки счетов включенных в списки лиц (регламент ЕС 2019/796) [15, para. 14].

С целью ограничить широкое гуманитарное воздействие на население в 2000-е гг. Совет Безопасности ООН заменил всеобъемлющие санкции целевыми, направленными против конкретных физических или юридических лиц [3, с. 92]. Иногда их также называют «умные санкции» либо «адресные санкции» [24, р. 138]. В настоящее время целевые санкции широко применяются государствами и региональными организациями без санкции Совета Безопасности ООН. Например, в список США специально санкционированных лиц входят тысячи юридических и физических лиц [38].

Ввиду узкой направленности такие санкции могут включать ограничения на поездки (визовый и таможенный контроль) и воздушное сообщение. К вышеуказанному также относятся дипломатические, культурные и спортивные ограничения, финансовые/банковские санкции (запреты на финансовые операции, замораживание активов и счетов, ограничения на инвестиции), запреты в целях удовлетворения претензий, связанных с введением санкций. Сюда относится и отказ в выдаче сертификата происхождения товара, который, хотя формально и не является эмбарго на импорт, напрямую создает барьеры для экспорта этого товара государством — объектом санкций.

Такие санкции формально вводятся с целью минимизировать негативное гуманитарное воздействие, исходящее от секторальных санкций однако на практике ввиду их множественности, постоянного изменения списков и ряда иных причин, это не происходит. Как отмечает специальный докладчик ООН Е. Ф. Довгань в своем отчете, «...совокупность применения различных видов санкций, равно как обеспечение применения первичных санкций, делает их менее адресными и приравнивает последствия к всеобъемлющим санкциям» [37, para. 52].

Санкции можно условно назвать первичными, если они осуществляются непосредственно против государств, физических или юридических лиц, налагают на них определенные ограничения [30, р. 165]. Вторичные санкции — это ограничения против физических и юридических лиц третьих стран, которые имеют или подразумевают наличие связи с подсанкционными лицами или организациями [30, р. 7–8].

Вторичные санкции обычно рассматриваются как меры, принимаемые экстерриториально в отношении физических или юридических лиц третьих государств за их торговлю, сотрудничество или связь со странами, подпадающими под первичные санкции, а также за помощь им в обходе подобных санкций [30, р. 7–8].

В 2022 г. США и ЕС ввели санкции против нескольких иностранных банков, включая банки Китая и Турции, которые помогали российским клиентам обходить санкции, проводя операции с валютой или участвуя в схемах по перемещению активов, чтобы избежать финансовых ограничений. Эти банки были подвергнуты вторичным санкциям, включая ограничение их доступа к западным финансовым рынкам [37, pp. 11, 32]. В 2023 г. США ввели вторичные санкции против нескольких китайских компаний, которые поставляли России технологии и оборудование, имеющие двойное назначение (гражданское и военное), в нарушение экспортных ограничений США [52].

Контрсанкции — это меры, которые вводятся в ответ на санкции, наложенные другой страной или группой стран. В ответ на односторонние принудительные меры иностранных государств КНР приняла Закон об иностранных инвестициях 2019 г., Закон об экспортном контроле 2020 г., Закон о противодействии иностранным санкциям 2021 г. и Закон о внешней торговле 2022 г. Все эти законы предусматривают возможности применения контрсанкций в ответ на меры, принятые в конкретных предметных областях [28].

Статья 12 Закона о противодействии иностранным санкциям 2021 г. предоставляет возможность любому китайскому физическому или юридическому лицу, чьи права нарушаются в результате применения «дискриминационных ограничений... любой иностранной страной», добиваться возмещения ущерба и компенсации в национальных судах Китая. Министерство торговли ведет «список ненадежных организаций», позволяющий принимать контрмеры против всех, кто проводит дискриминационные действия и политику в отношении китайских организаций и граждан [28].

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующие выводы.

В настоящее время наблюдается все более активное применение односторонних санкций в международном сообществе, появляются новые виды и формы санкций. В соответствии с применяемыми инструментами односторонние санкции разделяют на дипломатические, политические, экономические, военные, технические, культурные, научные, спортивные, транспортные, коммуникационные и киберсанкции, а по адресованным объектам — на секторальные, целевые, а также вторичные санкции.

Следует отметить, что, несмотря на индивидуальность формы и видов односторонних санкций, каждый их вид оказывает комплексное влияние. Разделение санкционных мер на различные категории необходимо для структурирования теоретического понятийного аппарата, а также для квалификации и глубокого изучения данного термина в современном

международном праве, поскольку лишь в редких случаях санкционные режимы построены таким образом, что их меры четко разделяются только на один или два типа воздействия. Как следствие, квалификация имеющихся от-

дельных санкционных режимов в части конкретной группы необходима для определения применимых правовых норм, квалификации с точки зрения международного права и выявления возможных механизмов защиты.

Список использованных источников

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях: [принята 18 апр. 1961 г.] // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 08.05.2024).
2. В каких видах спорта россияне не смогут выступить на Олимпиаде // РБК. — 02.04.2024. — URL: <https://www.rbc.ru/sport/02/04/2024/65f0b68f9a79474580d6f081> (дата обращения: 15.08.2024).
3. Довгань, Е. Ф. Верховенство права и Совет Безопасности ООН: проблемы применения целевых санкций / Е. Ф. Довгань // Труды факультета международных отношений: науч. сб. Вып. 6. — Минск, 2015. — С. 90—98.
4. Калюков, Е. США ввели санкции против «Газпрома», ЛУКОЙЛа и Сбербанка / Е. Калюков, Л. Подобедова // РБК. — 12.09.2014. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2014/570422179a794760d3d41709> (дата обращения: 15.09.2024).
5. Контактная группа по Венесуэле не признает итоги парламентских выборов в стране // ТАСС. — 09.12.2020. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10205769> (дата обращения: 08.05.2024).
6. Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введенной Соединенными Штатами Америки против Кубы: UN Doc. A/RES/77/7, 3 нояб. 2022 г. // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3993964> (дата обращения: 08.09.2024).
7. Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 г. [Нераспространение]: док. ООН S/RES/2231 (2015) // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/797839> (дата обращения: 15.05.2024).
8. Резолюция 2701 (2023), принятая Советом Безопасности на его 9445-м заседании 19 октября 2023 г. [Ситуация в Ливии (санкции)]: док. ООН S/RES/2701 (2023) // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4024699> (дата обращения: 15.05.2024).
9. Тимофеев, И. Н. «Санкции за нарушение санкций»: принудительные меры Министерства финансов США против компаний финансового сектора / И. Н. Тимофеев // ПОЛИС. Политические исследования. — 2020. — № 6. — С. 73—90. — URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.06> (дата обращения: 15.09.2024).
10. Условия обслуживания Zoom: [дата вступления в силу 11 авг. 2023 г.] // Zoom. — URL: <https://explore.zoom.us/ru/terms/> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter>. (дата обращения: 15.05.2024).
12. Access to justice in the face of unilateral sanctions and overcompliance: note by the Secretary General: UN Doc. A/79/183 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4059045> (date of access: 23.09.2024).
13. China: UN expert says unilateral sanctions must not be used as foreign policy tool and means of economic coercion // Office of the High Commissioner for Human Rights. — 17.05.2024. — URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2024/05/china-un-expert-says-unilateral-sanctions-must-not-be-used-foreign-policy> (date of access: 15.09.2024).
14. Cortright, D. The Sanctions Decade: Assessing UN Strategies in the 1990s / D. Cortright, A. G. Lopez. — Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2000. — 274 p.
15. Council Regulation (EU) 2019/796 of 17 May 2019 concerning restrictive measures against cyber-attacks threatening the Union or its Member States // EUR-Lex: Access to European Union law. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/796/oj> (date of access: 15.05.2024).
16. Cyber Sanctions // U.S. Department of State. — URL: <https://www.state.gov/cyber-sanctions/> (date of access: 15.05.2024).
17. DHS Places Additional PRC-Based Companies on the UFLPA Entity List // dhs.gov. — 08.08.2024. — URL: <https://www.dhs.gov/news/2024/08/08/dhs-places-additional-prc-based-companies-uflpa-entity-list> (date of access: 15.09.2024).
18. Douhan, A. F. Unilateral Coercive Measures: Effects and Legality Issues / A. F. Douhan // Yale Journal of International Law. — 20.06.2023. — URL: <https://yjil.yale.edu/posts/2023-06-20-unilateral-coercive-measures-effects-and-legality-issues> (date of access: 15.09.2024).
19. Douhan, A. F. Unilateral Coercive Measures: Notion and Qualification / A. F. Douhan // Journal of Belarusian State University International Relations. — 2021. — N 2. — P. 26—48.
20. Economic sanctions and international law: law and practice / ed. by M. Happold, P. Eden. — Oxford: Hart Publishing, 2016. — xxxvii, 262 p.
21. EU sanctions map. — URL: <https://www.sanctionsmap.eu> (date of access: 15.09.2024).
22. Fact Sheet: Preserving Agricultural Trade, Access to Communication, and Other Support to Those Impacted by Russia's War Against Ukraine // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://ofac.treasury.gov/media/922206/download?inline> (date of access: 15.05.2024).
23. Farrall, J. United Nations Sanctions and the Rule of Law / J. Farrall. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 542 p. — <https://doi.org/10.1017/CBO9780511494352>.
24. Hufbauer, G. C. Economic Sanctions Reconsidered / G. C. Hufbauer, J. S. Jeffrey, A. E. Kimberly. — 2nd ed. — Washington, DC: Institute for International Economics, 1990. — 298 p.
25. Jaeger, M. D. Sectoral Sanctions: The Long Arm of Coercive Diplomacy: CSS Analyses in Security Policy N 176, June 2015 / M. D. Jaeger // Center for Security Studies. — URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-security-studies/pdfs/CSSAnalyse176-EN.pdf> (date of access: 15.09.2024).
26. Licht, S. The Use of Sanctions in Former Yugoslavia: Can They Assist in Conflict Resolution? / S. Licht // Economic Sanctions: Panacea or Peacebuilding in a Post-cold War World? / ed. by D. Cortright, G. A. Lopez. — Routledge, 2018. — P. 153—160.
27. Mandates of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights; the Working Group on Arbitrary Detention and the Independent expert on the promotion of a democratic and equitable international order: Doc. AL USA 23/2023, 19 Sept. 2023 // Office of the High Commissioner for Human Rights. — URL: <https://spcommreports.ohchr.org/TMResultsBase/DownloadPublicCommunicationFile?gId=28372> (date of access: 23.09.2024).
28. Preliminary findings of the visit to the People's Republic of China by the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights Prof. Dr. Alena Douhan // Office of the High Commissioner

- for Human Rights. — URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/issues/ucm/statements/20240517-eom-statement-sr-ucm-china.pdf> (date of access: 15.05.2024).
29. Psaledakis, D. U.S. imposes new sanctions on Iran airline over proliferation / D. Psaledakis, H. Pamuk // Reuters. — 12.11.2019. — URL: <https://www.yahoo.com/news/u-slaps-sanctions-iranian-airline-141715621.html> (date of access: 24.08.2024).
30. Research Handbook on Economic Sanctions / ed. by P. A. G. van Bergeijk. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. — 465 p.
31. Russia — Measures Concerning Traffic in Transit: Dispute Settlement DS512 // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds512_e.htm (date of access: 15.05.2024).
32. Ruys, T. Secondary Sanctions: A Weapon Out of Control? The International Legality of, and European Responses to, US Secondary Sanctions / T. Ruys, C. Ryngaert // The British Yearbook of International Law. — 2020. — URL: <https://doi.org/10.1093/bybil/braa007> (date of access: 15.05.2024).
33. Sanctions Evasion Prevention and Mitigation Act of 2024: Doc. S.4858, 118th Congress (2023–2024) // congress.gov. — 30.07.2024. — URL: <https://www.congress.gov/bills/118th-congress/senate-bill/4858/text> (date of access: 08.09.2024).
34. Sanctions Lists Harmonization Act: Doc. H.R.5613, 118th Congress (2023–2024) // congress.gov. — 20.09.2024. — URL: <https://www.rubio.senate.gov/wp-content/uploads/2024/09/Sanctions-List-Harmonization-Act.pdf> (date of access: 08.11.2024).
35. Sanctions Programs and Country Information // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://ofac.treasury.gov/sanctions-programs-and-country-information> (date of access: 15.09.2024).
36. Saudi Arabia — Measures Concerning the Protection of Intellectual Property Rights: report of the Panel: WTO Doc. WT/DS567/R, 16 June 2020 // World Trade Organization. — URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/567R.pdf&Open=True> (date of access: 03.09.2024).
37. Secondary sanctions, civil and criminal penalties for circumvention of sanctions regimes and overcompliance with sanctions: report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights, Alena F. Douhan: UN Doc. A/HRC/51/33 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4001792> (date of access: 15.05.2024).
38. Specially Designated Nationals and Blocked Persons List // Office of Foreign Assets Control. — URL: <https://www.treasury.gov/ofac/downloads/sdnlist.pdf> (date of access: 08.05.2024).
39. SWIFT says it «has no authority» to unplug Russia or Israel / PYMNTS. — 08.10.2014. — URL: <https://www.pymnts.com/in-depth/2014/swift-says-it-has-no-authority-to-unplug-russia-or-israel/> (date of access: 08.05.2024).
40. The UK Sanctions List // GOV.UK. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-uk-sanctions-list> (date of access: 15.09.2024).
41. To ensure that goods made with forced labor in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the People's Republic of China do not enter the United States market, and for other purposes: Doc. H.R.6256, 117th Congress (2021–2022) // congress.gov. — 14.12.2021. — URL: <https://www.congress.gov/bills/117th-congress/house-bill/6256/text> (date of access: 15.09.2024).
42. Types of sanctions // Government of Canada. — URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/international_relations-relations_internationales/sanctions/types.aspx?lang=eng (date of access: 15.09.2024).
43. UK sanctions relating to cyber activity // GOV.UK. — URL: <https://www.gov.uk/government/collections/uk-cyber-sanctions> (date of access: 15.09.2024).
44. Unilateral coercive measures: notion, types and qualification: report of the Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures on the Enjoyment of Human Rights, Alena Douhan: UN Doc. A/48/59 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3936670> (date of access: 13.05.2024).
45. Unilateral Sanctions in International Law: collection of scientific articles / ed. by S. P. Subedi. — Oxford: Hart Publishing, 2021. — 364 p.
46. Unilateral sanctions in the cyberworld: tendencies and challenges: Note by the Secretary-General: UN Doc. A/77/296 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3987912> (date of access: 15.05.2024).
47. Unilateral sanctions threaten scientific research and academic freedom: UN experts // Office of the High Commissioner for Human Rights. — 07.07.2022. — URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/07/unilateral-sanctions-threaten-scientific-research-and-academic-freedom-un> (date of access: 15.05.2024).
48. United States — Certain Measures on Steel and Aluminium Products: Dispute Settlement DS564 // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds564_e.htm (date of access: 15.09.2024).
49. United States — Origin Marking Requirement: Dispute Settlement DS597 // World Trade Organization. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds597_e.htm (date of access: 15.09.2024).
50. Visit to the Bolivarian Republic of Venezuela: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/48/59/Add.2 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3946822> (date of access: 24.08.2024).
51. Visit to the Islamic Republic of Iran: report of the Special Rapporteur on the negative impact of unilateral coercive measures on the enjoyment of human rights, Alena Douhan: UN Doc. A/HRC/51/33/Add.1 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4001792> (date of access: 15.05.2024).
52. With Over 300 Sanctions, U.S. Targets Russia's Circumvention and Evasion, Military-Industrial Supply Chains, and Future Energy Revenues // U.S. Department of Treasury. — 19.05.2023. — URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1494> (date of access: 15.09.2024).

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2024 г., доработана в ноябре 2024 г.

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ В ЕВРОПЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ УЛЬТРАПРАВЫХ ПАРТИЙ НА ПОЛИТИКУ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Александр Шарапо

В статье рассмотрены и охарактеризованы важнейшие общественно-политические и социально-экономические предпосылки правого поворота в Европе в XXI в., который привел к значительным изменениям в политике крупнейших европейских стран. Определены потенциальные возможности влияния ведущих ультраправых партий на внутреннюю и внешнюю политику Европейского союза в контексте трансформации международных отношений в Европе и мире и формирования нового мирового порядка. Сделан вывод о том, что ультраправые партии, обладая значительной поддержкой во многих европейских странах и статусом третьей политической силы в Европарламенте, могут оказывать влияние на принятие решений, особенно в тех областях, где их взгляды пересекаются с позициями центристских партий. Внешняя политика Европейского союза действительно требует консенсуса среди его государств-членов, и поддержка крупных стран, таких как Германия и Франция, может существенно повлиять на принятие решений. Ультраправые партии, хотя и демонстрируют растущее влияние в некоторых странах, по-прежнему сталкиваются с ограничениями в тех случаях, когда в крупных государствах они не могут занять ключевые позиции. Их же участие в правительственных коалициях в небольших странах, таких как Нидерланды или Австрия, не может иметь значительного влияния на общую внешнюю политику Европейского союза.

Ключевые слова: европейская политика; Европейский парламент; Европейский союз; правый поворот; ультраправые партии.

«Europe's Rightward Shift and the Potential Impact of Ultra-right Parties on European Union Policy» (Alexandr Sharapo)

This article analyses the key socio-political and socio-economic factors driving Europe's rightward shift in the 21st century and its substantial impact on major European countries' policies. Against the backdrop of transforming European and global international relations, and the formation of a new global order, this article also evaluates the potential influence of leading far-right parties on European Union policy. It is concluded that far-right parties, given their considerable support in many European countries and their status as a third political force in the European Parliament, can influence decision-making, particularly in areas where their views align with those of centrist parties. The foreign policy of the European Union requires consensus among its member states, and the support of large countries such as Germany and France can significantly influence decision-making. Although demonstrating growing influence in some countries, far-right parties still face limitations if they fail to secure key positions in larger states. Their participation in government coalitions in smaller countries, such as the Netherlands or Austria, may not have a substantial impact on the European Union's overall foreign policy.

Keywords: European Parliament; European politics; European Union; far-right parties; rightward shift.

Актуальность изучаемой проблемы правого поворота в Европе в начале XXI в. обусловлена его значительным влиянием на политическую динамику региона и формирование нового мирового порядка в целом. Следует отметить особую многогранность этого политического явления, включающего изменения настроений избирателей, которые,

отходя от центристских убеждений в силу многочисленных экономических и социальных проблем, начинают поддерживать ультраправые лозунги. Важно также смягчение радикальности самих ультраправых партий, к примеру французских или голландских националистов, которые адаптируют свои программы и лозунги, заимствуя элементы цен-

Автор:

Шарапо Александр Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: kir@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Sharapo Alexandr — Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: kir@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

тристской риторики, что делает возможным их дальнейшее участие в правительственных коалициях. Кроме того, центристские партии, стремясь быть привлекательными для правого спектра избирателей, отказываются от своих менее популярных позиций и принимают более радикальные взгляды по таким вопросам, как регулирование миграции и обеспечение безопасности.

В любом случае правящие партии в европейских государствах должны учитывать последствия правого поворота и адаптировать свою политику так, чтобы реагировать на изменения общественного мнения и политического ландшафта. Таким образом, правый поворот в Европе представляет собой важный объект для дальнейшего изучения и всестороннего анализа.

Следует отметить, что тематика деятельности ультраправых и радикальных партий и движений в европейских странах в XX в. получила отражение в работах многих белорусских историков и политологов, которые рассмотрели различные периоды и проблемные аспекты политической истории Германии и других европейских стран. Так, исторические причины правового экстремизма в ФРГ в целом и в отдельных германских регионах были охарактеризованы в докторской диссертации ведущего белорусского исследователя-германиста О. Г. Субботина, которая была успешно защищена в 2015 г. и охватывала широкий круг малоизученных проблем, связанных с трансформацией веймарской модели федерализма в Германии в ноябре 1918 — феврале 1934 гг. [20]. Проблемным аспектам эволюции государственности ФРГ во второй половине XX — начале XXI в., в том числе постоянному присутствию правоэкстремистских настроений в немецком обществе, были посвящены многочисленные публикации таких белорусских исследователей, как И. И. Ковяко [7], В. А. Космач [8], Г. А. Космач [9], М. В. Стрелец [19], В. В. Фрольцов [26]. Последний, в частности, обоснованно предположил в 2002 г., что на смену левым настроениям в восточной части ФРГ, значительная часть населения которой оказалась разочарованной результатами объединения Германии в 1990 г., в новом столетии могут прийти крайне правые на фоне усиливающегося роста недоверия к федеральному правительству [24]. В числе наиболее известных российских исследователей, занимающихся изучением взаимозависимости внутривнутриполитических процессов и внешней политики ФРГ в конце XX — начале XXI в., можно выделить В. Б. Белова [5], И. Ф. Максимычева [11], Н. В. Павлова [13], С. В. Погорельскую [16], В. П. Фёдорова с соавторами [25]. Значительный вклад российские исследователи внесли и в изучение эволюции политической системы Франции на современном этапе [10].

Вместе с тем самые актуальные тенденции и недавние вызовы развития общественно-политического ландшафта Германии и других государств, которые наиболее полно обозначились в первой половине 2020-х гг. в связи с кризисом современных моделей европейской интеграции и однополярного мира, пока еще не получили должного отражения в научных публикациях. Эти сложные и противоречивые процессы требуют отдельного рассмотрения, которое необходимо для оценки роли правого экстремизма в политической жизни крупнейших европейских стран и влияния на их международную политику и деятельность ЕС.

Прошедшие в 2024 г. выборы в Европарламент и парламенты некоторых стран ЕС, отразив этот немаловажный момент в политической жизни современной Европы, подтвердили ее вступление на качественно новую стадию политического процесса европейского сообщества — реальное и ставшее важным влияние на настроения европейцев ультраправых идей.

Важно отметить, что сами эти идеи, как и большинство тезисов ультраправых партийных концепций, с течением времени также претерпели кардинальные изменения, что во многом и стало основной причиной относительного успеха партий этого сегмента на прошедших выборах в Европарламент.

Казалось бы, такие электоральные успехи ультраправых партий позволят предопределить и следующий их шаг на политическом поле Европы — возможность устанавливать новый мейнстрим всей европейской политики. На этом фоне важно оценить, можно ли говорить об уже случившемся «оглушительном правом повороте» в настроениях большинства избирателей и наступлении «новой эры» политики Евросоюза.

Сейчас, когда со дня окончания выборов в Европарламент прошло определенное время и главная электоральная интрига года в Европе завершилась, можно констатировать, что появились реальные аргументы, позволяющие ответить на долгое время занимавший всех основной вопрос: действительно ли проповедники ультраправых идей завоевали в новом парламенте Европы и в парламентах ряда европейских стран такое большинство мест, которое может надежно и надолго обеспечить им возможность диктовать свои условия при решении важнейших внешнеполитических проблем современной Европы?

Хотя эти партии действительно добились определенных успехов на выборах и увеличили свое влияние в рамках Европарламента, их способность формировать внешнюю политику остается под вопросом.

Основные причины такого скептицизма можно свести к нескольким ключевым факторам. Во-первых, это особая природа принятия решений в ЕС. Внешняя политика Европейского союза формируется на основе консенсу-

са государств-членов. Ультраправые партии, даже при получении значительного представительства в Европарламенте, не могут самостоятельно диктовать условия, так как для принятия решений требуется согласие большинства стран. Во-вторых, это разнообразие интересов участников. Каждое государство имеет свои собственные национальные интересы, которые могут не совпадать с программами ультраправых партий. Это создает дополнительные препятствия для реализации их внешнеполитических инициатив. В-третьих, успех на выборах не гарантирует устойчивого влияния. Политические настроения могут быстро меняться, и электоральные достижения могут оказаться временными. Ультраправые партии могут столкнуться с проблемами удержания своей базы поддержки. В итоге успех ультраправых партий в одной области может зависеть от множества других факторов, включая экономическую ситуацию, миграционную политику и общественное мнение. Данные факторы могут как способствовать, так и препятствовать их влиянию.

Таким образом, хотя ультраправые партии демонстрируют растущее влияние на определенные аспекты политики ЕС, их способность существенно изменить внешнеполитический курс остается под сомнением. Политическая динамика в Европе продолжает развиваться, и важно наблюдать за тем, как будут меняться общественные настроения и политические альянсы в будущем.

Сама по себе это масштабная и разноплановая тема, требующая отдельного рассмотрения, поэтому в контексте данной статьи назовем лишь три основных фактора, которые в большей степени способствовали успеху ультраправых партий в прошедшей электоральной кампании:

- падение популярности и доверия избирателей к правящим центристским партиям, особенно в таких ведущих государствах Евросоюза, как Германия, Франция и Италия;
- рост популярности ультраправых идей у большинства избирателей Европы как реакция на неспособность правящей элиты адекватно реагировать на кардинальную смену международной, региональной и внутривнутриполитической обстановки и принимать действенные решения по сохранению на приемлемом уровне благосостояния населения;
- произошедшие политические трансформации в самой идеологии ультраправых партий, видоизменение их партийных концепций с использованием некоторых центристских постулатов.

Особенно наглядно взаимосвязь таких факторов проявилась во Франции на примере истории партии «Национальное объединение», прошедшей путь от пропаганды неофашистских лозунгов движения «Новый порядок» во главе с известным лидером

Ж.-М. Ле Пен до нынешней политики балансирования и трансформации партийной концепции с уклоном к некоторым правотрилистским лозунгам. Начав свой профашистский путь в 1972 г. и не добившись особых успехов на политическом поприще, Ж.-М. Ле Пен начал менять неофашистский тон на более популистскую риторику применительно к требованиям того времени. И уже тогда это принесло «Национальному фронту» первые успехи: избрание самого Ж.-М. Ле Пена в Европарламент, а в 2002 г. его выход во второй тур президентских выборов во Франции, победу на которых одержал Ж. Ширак [2].

Вот почему вполне естественной выглядит и нынешняя политическая позиция его дочери и партийной наследницы М. Ле Пен, которая пошла по проторенному ее отцом пути «и нашим и вашим», т. е. дальнейшему концептуальному преобразованию, но уже с учетом обстановки сегодняшнего дня. Она также взяла за основу партийной деятельности политику балансирования между ультраправыми и центристскими идеями, сопроводив все это понятными для простого обывателя лозунгами о «засилье иммигрантов», «диктате» Евросоюза и ущемлении суверенитета Франции, проведении президентом Э. Макроном политики «для богатых в ущерб бедным», «защите» в условиях глобализации интересов французов среднего и низшего классов и т. д. Свой отказ от прежних профашистских идей она показательно подкрепила даже исключением из рядов партии собственного отца как партийного лидера — проповедника старых идей фашизма и расизма.

Именно подобные, обновленные в зависимости от складывающейся обстановки призывы и лозунги помогли нынешнему «Национальному объединению», как, впрочем, и другим ультраправым партиям Европы, достичь внушительных электоральных успехов. Уже в первом туре досрочных парламентских выборов в 2024 г. «Национальное объединение» получило 33,4 % голосов (39 депутатов), заняв впервые в своей истории первое место и опередив следовавший за ним «Новый народный фронт» с 27,98 % (32 депутата) и, главное, оставив позади даже коалицию президента Э. Макрона (20,76 %). При этом явка избирателей с 2002 г. также стала рекордной [14].

Надо отметить, что итоги этих выборов, помимо подтверждения политической состоятельности самого «Национального объединения» Франции, продемонстрировали и появление на ее политическом поле нового серьезного игрока — партий левого толка, которые на фоне ослабления центристских партий заняли лидирующее положение во Франции и подали пример левому движению в других странах Евросоюза. Французское левое объединение «Новый народный фронт» получило 182 места в парламенте и заставило президен-

та Э. Макрона пересмотреть его отношение к формированию правящей коалиции с участием в ней своих представителей [12].

Возвращаясь к теме влияния различных факторов на успешные электоральные результаты ультраправых партий, важно отметить и ряд других причин их успеха, в частности уже на выборах Европарламента 2024 г. В определенной степени в их пользу сыграла даже особенность электорального законодательства, регулирующего процедуру формирования Европарламента и парламентов стран ЕС. Так, каждое государство Евросоюза обладает в Европарламенте лишь определенным числом мандатов, соответствующим прежде всего численности его населения. Наибольшим числом мест обладают Германия (96 мест), Франция (81 место) и Италия (76 мест). Отметим, что эта квота касается избрания делегатов от всех партий данного государства [3; 6].

Такая процедура выборов играет на руку прежде всего ультраправым, так как в последнее время именно в ФРГ, Франции и Италии ультраправые идеи стали одним из серьезных факторов влияния на настроения все большего числа избирателей. Частично благодаря этому ультраправые обеспечили в ряде стран Европы даже приход представителей своих партий к власти. В Италии, например, премьер-министром стала Дж. Мелони — лидер ультраправой партии «Братья Италии» и ярая поклонница деяний и взглядов Муссолини. Во Франции свои претензии на высший пост страны, а также на большинство в парламенте не без оснований предъявляет ультраправое «Национальное объединение» М. Ле Пен. В Германии партия «Альтернатива для Германии» также стала наиболее ощутимой «головной болью» для правящей коалиции. Ультраправые добились немалых успехов и в ряде других государств Евросоюза.

В этом плане в качестве примера можно опять-таки привести внушительные результаты на выборах Европарламента французского «Национального объединения», которое завоевало 30 мест из 81, закрепленного квотой за Францией. Этот результат вдвое превышает число голосов, поданных за либеральную коалицию президента Э. Макрона, что заставило его принять решение о роспуске парламента и проведении досрочных выборов [3].

На фоне подобных успехов вполне логичными выглядели и надежды ультраправых на создание в новом Европарламенте такой фракции единомышленников, которые были бы способны диктовать свое видение решений важных европейских проблем. Правда, при этом им необходимо учитывать тот факт, что как в старом, так и в новом Европарламенте уже существовал довольно влиятельный и устойчивый конгломерат традиционных центристских фракций, которые также и с не меньшими основаниями претендовали на завоевание большинства.

Характерно, что подобная самонадеянность и надежда на повторный успех одновременно продемонстрировали и немало негативных моментов в выстраиваемой в Европарламенте политике ультраправых партий, в том числе и в главном — неаргументированном убеждении в наличии у них своих достаточных политических сил влияния. Однако результаты прошедших выборов, как и реальные возможности формируемых фракций, во многом расставили все точки над «и», продемонстрировав реальную картину их возможностей влиять на политику Евросоюза. Они показали, что на данном этапе на фоне определенных успехов ультраправые идеи все-таки еще не достигли того уровня поддержки, который бы позволял определять эти успехи как «оглушительные» или «грандиозные», угрожающие устоям политики Евросоюза. Это подтверждает чисто арифметический фактор, а именно число завоеванных голосов правоцентристских и ультраправых фракций.

Как известно, основной оппонент ультраправых — это центристская фракция в составе: правоцентристская Европейская народная партия (ЕНП), левоцентристская Партия европейских социалистов (так называемый Прогрессивный альянс социалистов и демократов), а также их союзники — проевропейская либеральная фракция «Обновляя Европу». Именно ЕНП завоевала наибольшее число мест (188, или 20,4 %) и традиционно стала самой большой фракцией в Европарламенте. 136 мест (18,9 %) в электоральную копилку правоцентристов добавил «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» и 77 мест (11,1 %) — проевропейский либеральный альянс «Обновляя Европу» (всего у них около 400 мест) [21].

Следует отметить, что по многим вопросам этот блок поддерживают и готовы проголосовать в пользу центристской фракции «Европейское объединение “Левые/левозеленые”» и «Зеленые», хотя и они претендуют на свое отдельное представительство в Европарламенте [1].

Противоборствующий блок в новом Европарламенте — фракции ультраправых партий, а также частично поддерживающие их лозунги некоторые представители других партий. Наиболее крупные из партий этой группы, которые уже входили в общую коалицию ультраправых еще до выборов, — это «Европейские консерваторы и реформисты», завоевавшие 78 мест (10,6 %), и блок «Идентичность и демократия» (58 мест, или 8,1 %). Правда, при этом следует отметить, что в новый состав Европарламента вне этих фракций также вошли 15 парламентариев от ультраправой «Альтернативы для Германии», которая у себя в стране обошла все три партии, входившие в коалицию О. Шольца, и заняла второе место после консервативной оппозиции ХДС/ХСС, а

также 10 представителей от венгерской партии «Фидес», 6 членов от польской ультраправой «Конфедерации» и по 3 представителя от партии «Возрождение» (Болгария) и «SALF» (Испания). В общей сложности — около 160 мест по сравнению с 400 голосами центристов [17].

Понятно, что такой очевидный недостаток голосов не мог устраивать руководство крайне правых партий в Европейском парламенте и заставил их пойти на кардинальную трансформацию всей структуры своего представительства в этом органе ЕС. Ее суть — преобразование уже существующей фракции Европарламента «Идентичность и демократия» в новую фракцию с более звучным названием и с более понятной, как считалось, для простого избирателя концепцией — созданную в канун первых заседаний парламента (30 июня) фракцию «Патриоты за Европу» [27]. Следует отметить, что характер провозглашенных данной фракцией целей и политических тезисов, во многом отражающий общее состояние ультраправых движений в Европе и его реальные возможности влиять на политику Евросоюза, заслуживает того, чтобы рассмотреть этот вопрос более подробно.

Первично фракция «Патриоты за Европу» была создана по инициативе премьер-министра Венгрии В. Орбана на базе его партии «Фидес», а также ультраправых партий Чехии и Австрии. Свои взгляды на ситуацию в Европе и пути решения актуальных проблем они изложили в так называемом Патриотическом манифесте, суть которого заключается в необходимости кардинальной реформы Евросоюза, злоупотребляющего своей властью в ущерб интересам отдельных его государств. С такой постановкой вопроса согласились бельгийская партия «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*), ультраправые партии из Нидерландов, Испании, Португалии и, что немаловажно, французская партия «Национальное объединение» М. Ле Пен [18].

Уже в этом составе тезисы манифеста были доработаны и конкретизированы, что придало значение изложению общеевропейской политики партий такого толка. В частности, были заявлены такие цели, как: а) отбор ряда полномочий у Евросоюза и передача их государствам ЕС; б) обвинение руководства ЕС в стремлении создать в Европе «сверхгосударство» в противовес им — «патриотам», борющимся за «Европу наций»; в) защита идентичности стран ЕС, их традиций, греко-римского и христианского наследия; г) противодействие европейскому «зеленому» курсу и защита мелких фермеров. Один из главных пунктов — защита своих границ, остановка нелегальной миграции и сохранение своей культурной идентичности [28].

Уже сам выбор в качестве лидера этой фракции главы «Национального объединения» Ж. Барделлы подтверждает суть будущей политики ее членов. Комментируя задачи новой

фракции, Ж. Барделла заявил: «Наконец-то наши депутаты в Европарламенте будут в полной мере играть свою роль в составе крупной группы, которая повлияет на соотношение сил в Европе, воспротивится нашествию мигрантов, а также откажется от карательной политики защиты окружающей среды и ликвидации нашего суверенитета» [15].

Надо отметить, что подобная риторика представителей новой фракции ультраправых принесла неплохие результаты: «Патриотам за Европу» удалось занять в Европарламенте 84 депутатских места, намного опередив свою предшественницу — фракцию «Идентичность и демократия», которая имела 58 мест. Более того, с учетом голосов фракции «Европа суверенных наций», созданной на базе партии «Альтернатива для Германии», общее число голосов ультраправых возросло до более 180 мандатов. Но и этот показатель явно уступает центристскому блоку (около 400 голосов) [1].

Такое соотношение числа депутатов не в пользу ультраправых фракций не замедлило сказаться на первых результатах голосований в Европарламенте, которые, по оценкам большинства аналитиков, продемонстрировали нынешнюю неспособность этих фракций влиять на принятие важных решений. Одним из них стало голосование по утверждению нового руководства Евросоюза.

Для переизбрания на пост председателя Еврокомиссии У. фон дер Ляйен должна была получить минимум 361 голос из 720, но в итоге за нее проголосовало даже больше — 401 депутат (против — 284, 15 — воздержались). При этом в число проголосовавших против У. фон дер Ляйен вошли не только ультраправые депутаты, но и немало представителей других партий, которые и раньше высказывали несогласие с некоторыми ее политическими предложениями. Правоцентристские фракции нового Европарламента достигли такого же успеха и при утверждении других кандидатур в руководстве ЕС: экс-премьера Португалии А. Кошта на пост главы Евросовета, премьер-министра Эстонии К. Каллас на должность главы дипломатии ЕС и мальтийского политика Р. Метсола — председателя Европарламента. Показательно, что свои претензии на пост вице-председателя предъявлял и глава новой фракции «Патриоты за Европу» Ж. Барделла, но проиграл. В итоге из 14 избранных вице-председателей ни один не принадлежит к ультраправой фракции: пятеро из них от «Прогрессивного альянса социалистов и демократов», трое от «Европейской народной партии». Остальные места достались меньшим по численности фракциям: два либеральной партии «Обнови Европу», один «Зеленым» и три места французскому депутату от левых и двум кандидатам от итальянской партии Дж. Мелони [23].

Однако при всех очевидных негативных аргументах оценки нынешних политических возможностей ультраправых фракций в Европарламенте было бы ошибочно переносить такое же мнение в отношении их влияния на политические процессы отдельных стран Евросоюза, где ультраправые партии добились очевидного роста популярности. Приведем в этом контексте лишь один пример Германии.

Директор Института научной информации по общественным наукам РАН, член-корреспондент РАН, член Российского совета по международным делам А. В. Кузнецов, комментируя результаты выборов в Германии, подчеркнул: «Для ФРГ сложилась очень неприятная история. Причем она неприятна вне зависимости от того, кто и сколько мест занял в новом составе Европарламента. Не успели прозвучать цифры подсчета голосов, как немецкие газеты вышли с картами, на которых четко зафиксировано разделение страны на Западную Германию и бывшую ГДР. Во всех восточных землях победила “Альтернатива для Германии”». Он также отметил, что это довольно серьезный и неприятный вывод для всего будущего федерального устройства Германии. Конечно, реализация подобного сценария, по крайней мере в ближайшей и среднесрочной перспективе, маловероятна, но то, что в этой части ФРГ партия «Альтернатива для Германии» с каждым годом находит все больше политических поклонников — неоспоримый факт [22].

Необходимо отметить, что политические результаты электоральной кампании 2024 г. в Евросоюзе стали предметом острых дискуссий не только в аналитических кругах западных стран, но и среди международных государств постсоветского пространства. Например, в Институте Европы РАН 24 июня 2024 г. этой тематике был посвящен «круглый стол» «Выборы в Европарламент: итоги и перспективы», где были названы некоторые основные выводы. В частности, руководитель отдела исследований Института Европы РАН, директор Центра средиземноморских исследований Высшей школы экономики Е. Г. Энтина выделила три важнейшие тенденции европейской политики, актуальность которых продемонстрировали прошедшие выборы: «Во-первых, продолжился процесс легкого поправления центристских партий, в первую очередь Европейской народной партии. Это связано как с требованиями и ожиданиями избирателей, так и с тем, что в предыдущей легислатуре особое внимание уделялось позициям сторонников “зеленого перехода” в энергетике. Трансформация экономики по лекалам “зеленых” вызвала кризис и закономерную реакцию избирателей, которые не желают оплачивать подобные реформы из своего кармана. Сейчас актуальны идеи протекционизма. В свою очередь, крайне правые партии начали понемногу смещаться к

центру, отказываясь от радикальных идей вроде выхода из Европейского союза по аналогии с *Brexit*.

Во-вторых, серьезно изменилось само понятие евроскептицизм. Евроскептики отличаются от тех, что были 5–7 лет назад: сегодня они работают на общеевропейскую повестку и на укрепление Евросоюза, на укрепление его стратегической автономии. Поэтому они сейчас в большей мере евронационалисты, чем евроскептики.

В-третьих, в среднем в странах ЕС на выборы в Европарламент пришло менее 50 % избирателей. Этот факт ярко свидетельствует об отношении народов отдельных стран и граждан стран ЕС на национальном уровне к своему самому представительному, большому и одному из самых влиятельных органов Евросоюза — Европарламенту. Для граждан стран ЕС общеевропейские политические элиты по-прежнему имеют сомнительное, эфемерное значение» [22].

На «круглом столе» было отмечено, что рост популярности крайне правых партий сигнализирует о разочаровании избирателей в политике мейнстримных партий и это, вероятно, заставит последних по точечным вопросам имитировать политику правых [4].

В заключение следует подчеркнуть, что на данном политическом этапе ультраправое движение в Европе добилось значительных успехов, которые, однако, с одной стороны, не позволяют ультраправым партиям изменить общий внешне- и внутривнутриполитический курс Евросоюза, но с другой — имея статус третьей политической силы в Европарламенте, ультраправые фракции способны повлиять на принятие в своей редакции отдельных решений, совпадающих по своему характеру с предложениями центристских партий, в том числе относящихся к сферам внешней политики, совместной обороны и международной безопасности. Тем не менее для реального воздействия на процесс формирования общей внешней политики ЕС ультраправым нужно, как минимум, прийти к власти в нескольких крупных европейских странах. Это связано с тем, что внешняя политика ЕС формируется на основе консенсуса между государствами-членами и наличие поддержки со стороны ключевых игроков, таких как Германия или Франция, может стать решающим фактором. Пока же речь идет лишь об участии в правительственных коалициях в небольших государствах, к примеру в Нидерландах или Австрии, либо о формировании ультраправых правительств в регионах, которые не имеют возможности оказывать влияние на общенациональную политику.

Таким образом, текущее положение ультраправых партий в Европе демонстрирует их растущее влияние, но также подчеркивает объективные ограничения, с которыми они сталкиваются. В этой связи исследователям-

международникам крайне важно следить за дальнейшим развитием политической ситуации в Европе, прежде всего в крупнейших европейских странах, поскольку изменения

общественного мнения и политического ландшафта могут привести к новым вызовам и возможностям как для ультраправых, так и для других радикальных политических сил.

Список использованных источников

1. Амоева, У. Ультраправые и консерваторы расширяют присутствие в Европарламенте / У. Амоева, Э. Экберова, А. Юсупов // Anadolu Ajansi. — 11.06.2024. — URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/ультраправые-и-консерваторы-расширяют-присутствие-в-европарламенте/3245895> (дата обращения: 12.09.2024).
2. Бадаева, А. Гибридизация французского «Национального объединения» / А. Бадаева // Междунар. жизнь. — 2024. — № 1. — С. 26—35.
3. Во Франции партия «Национальное объединение» получила на выборах в ЕП 34 % голосов // ТАСС. — 10.06.2024. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21055701> (дата обращения: 12.09.2024).
4. Выборы в Европейский парламент: итоги и перспективы // Институт Европы РАН. — 24.06.2024. — URL: <https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/24062024> (дата обращения: 12.09.2024).
5. Германия. 2023 / отв. ред. В. Б. Белов. — М.: Ин-т Европы РАН, 2024. — 194 с.
6. Европейский парламент (ЕП). Энциклопедический справочник // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. — URL: <http://council.gov.ru/services/reference/10911/> (дата обращения: 12.09.2024).
7. Ковяко, И. И. Германский вопрос 1945—1990 гг. в англо-американской историографии: основные аспекты изучения проблемы / И. И. Ковяко // Новая и новейшая история. — 2021. — № 4. — С. 5—17.
8. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919—1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / В. А. Космач; ИВИ РАН. — М., 1995. — 50 с.
9. Космач, Г. А. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики: идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918—1929 гг. / Г. А. Космач. — Минск: Университетское, 1989. — 190 с.
10. Магадеев, И. Э. Франция в мировой политике / И. Э. Магадеев // Страны и регионы мира в мировой политике. В 2 т. Т. 1: Европа и Америка / под ред. В. О. Печатнова, Д. В. Стрельцова. — М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 153—184.
11. Максимычев, И. Ф. Германский фактор в европейской политике России. Конфликт и партнерство, 1914—2004 гг. / И. Ф. Максимычев. — М.: Ин-т Европы РАН; ОГИИ, 2004. — 168 с.
12. «Новый народный фронт» победил на парламентских выборах во Франции // Ведомости. — 08.07.2024. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2024/07/08/1048564-novii-narodnii> (дата обращения: 12.09.2024).
13. Павлов, Н. В. Внешняя политика канцлера А. Меркель (2005—2017) / Н. В. Павлов. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 388 с.
14. Партия Ле Пен «Национальное объединение» победила в первом туре выборов во Франции // Известия. — 01.07.2024. — URL: <https://iz.ru/1720735/2024-07-01/partiia-le-pen-natsionalnoe-obedinenie-pobedila-v-pervom-ture-vyborov-vo-francii> (дата обращения: 12.09.2024).
15. «Патриоты за Европу»: Орбан и ультраправые из Австрии и Чехии создают новую фракцию // Евроньюс. — 30.06.2024. — URL: <https://ru.euronews.com/my-europe/2024/06/30/ru-orban-new-group> (дата обращения: 12.09.2024).
16. Погорельская, С. В. Новый германский популизм / С. В. Погорельская // Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности: монография / Н. К. Капитонова, И. Э. Магадеев, В. О. Печатнов [и др.]. — М.: МГИМО-Университет, 2020. — С. 55—73.
17. СМИ: проевропейские силы пытаются не допустить правых к управлению в Европарламенте // ТАСС. — 10.07.2024. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21322027> (дата обращения: 12.09.2024).
18. Созданный Орбаном альянс получит статус фракции в Европарламенте // РБК. — 08.07.2024. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2024/668b0f829a79471b69e12f83> (дата обращения: 12.09.2024).
19. Стрелец, М. В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика / М. В. Стрелец. — Брест: БрГТУ, 2004. — 410 с.
20. Субботин, О. Г. Трансформация веймарской модели федерализма в Германии (ноябрь 1918 — февраль 1934 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / О. Г. Субботин; БГУ. — Минск, 2015. — 46 с.
21. Топорикова, Я. М. Дебютная сессия Европарламента и взлет правых евроскептиков: изолировать нельзя сотрудничать / Я. М. Топорикова // ИМЭМО РАН. — 30.07.2024. — URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/debyutnaya-sessiya-evroparlamenta-i-vzliot-pravih-evroskeptikov-izolirovaty-nelyzya-sotrudnichaty> (дата обращения: 12.09.2024).
22. Торин, А. Итоги выборов в Европарламент 2024: усиление правых и центристов / А. Торин // Международная жизнь. — 12.06.2024. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/46378> (дата обращения: 12.09.2024).
23. Урсулу фон дер Ляйен переизбрали главой Еврокомиссии на второй срок. За пять лет она обещает превратить ЕС в оборонный союз // РБК. — 18.07.2024. — URL: www.rbc.ru/politics/18/07/2024/6698f3bc9a7947c9a070bbe (дата обращения: 12.09.2024).
24. Фрольцов, В. В. Восточногерманский фактор и его влияние на внутреннюю и внешнюю политику ФРГ в 1990-е годы / В. В. Фрольцов. — Минск: БГУ, 2002. — 121 с.
25. Экономика и политика Германии: через год после выборов / В. П. Фёдоров, В. Б. Белов, Н. К. Меден [и др.]; отв. ред. Е. П. Тимошенко. — М.: Ин-т Европы РАН, 2019. — 134 с.
26. Froltsov, V. V. The Eastern and Southeastern European countries in the pre-election programs of the key German parties 2017 / V. V. Froltsov // Journal of the Belarusian State University. International Relations. — 2017. — N 2. — P. 24—30.
27. Grier, M. Patriots for Europe swallows Identity and Democracy: Here's what's happening / M. Grier // Euractiv. — 04.07.2024. — URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/patriots-for-europe-swallows-identity-and-democracy-heres-whats-happening/> (date of access: 12.09.2024).
28. Patriot's Manifesto for Europe // Association of Accredited Public Policy Advocates to the European Union. — 07.04.2024. — URL: <https://www.aalep.eu/patriot%E2%80%99s-manifesto-europe> (date of access: 12.09.2024).

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2024 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УВКБ ООН В АФРИКЕ В 1970-е гг.

Андрей Селиванов

Проанализированы доклады Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев за 1970-е гг. Выделены основные направления международного сотрудничества Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) в Африке: взаимодействие в рамках ООН, с Организацией африканского единства (ОАЕ), международными организациями, местными неправительственными организациями (НПО), а также освободительными движениями юга Африки. Сделан вывод о первостепенной роли взаимодействия Управления в рамках ООН и важности местных НПО для реализации проектов.

Ключевые слова: Африка; беженцы; миграция; УВКБ ООН.

«International Cooperation of the United Nations High Commissioner for Refugees in Africa in the 1970s» (Andrey Selivanov)

The reports of the United Nations High Commissioner for Refugees from the 1970s are analysed. The main directions of international cooperation of the UNHCR in Africa are identified: interaction within the United Nations system, the Organisation of African Unity, international organisations, local non-governmental organisations (NGOs), as well as liberation movements in Southern Africa. It is concluded that cooperation within the United Nations system played a primary role, and that local NGOs were of particular importance for the implementation of projects.

Keywords: Africa; migration; refugees; UNHCR.

Проблема вынужденной миграции на Африканском континенте, возникшая в середине 1950-х гг., приобрела новое звучание и значение в 1960-е гг., когда процесс деколонизации вступил в свою завершающую стадию в этой части света. Результатом стало принятие Протокола, касающегося статуса беженцев в 1967 г., которым были сняты временные и географические ограничения для Конвенции 1951 г. о статусе беженцев. В 1969 г. была принята Конвенция по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке под эгидой ОАЕ.

Автор уже описывал в своих работах международное сотрудничество по вопросам миграции в Африке в 1960-е гг., подчеркивая ключевую роль УВКБ ООН [12; 13]. Поэтому после упомянутых выше знаковых событий важно рассмотреть следующее десятилетие в данном контексте. Среди авторов работ по этой тематике можно выделить А. Беттса [14], Дж. Криспа [15], Г. Лёшера [16]. Однако они рассматривают данную проблематику в контексте международных политических процессов.

Целью статьи является характеристика международного взаимодействия УВКБ ООН по решению проблемы вынужденной миграции в Африке в 1970-е гг. Для достижения цели статьи автор проанализировал доклады Верховного комиссара ООН по делам беженцев на

26—36-й сессиях Генеральной Ассамблеи, детально рассмотрев как части, касающиеся международного сотрудничества, так и конкретные мероприятия на континенте, изложенные в соответствующих пунктах докладов [1—11].

Рассмотрим взаимодействие Управления со структурами системы ООН. Как отмечено в докладе Верховного комиссара на 26-й сессии, после утверждения Генеральной Ассамблеей рекомендаций Совета управляющих Программы развития ООН (ПРООН) по укреплению потенциала системы ООН УВКБ ООН начало активный поиск новых форм партнерства по вопросу укрепления поселений [1, п. 255]. Так, в Бурунди началось планирование мер по укреплению поселений в рамках совместных с ПРООН проектов [1, пп. 89—92, 255]. Отметим также, что 31 мая 1971 г. закончился проект ПРООН и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) комплексного развития сельской местности в Бурунди [1, п. 92]. С октября 1970 г. реализовывался проект развития в префектуре Верхнее Мбому (Центральноафриканская Республика (ЦАР)) [1, п. 255]. В рамках проекта ПРООН и ФАО в Кении беженцы получили возможность поступить в Ветеринарный институт [1, п. 257]. Представители ПРООН начали выполнять функции Управления в тех странах, в которых последнее не было представлено [1, п. 258].

Автор:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: selivanych@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Selivanov Andrey — Candidate of History, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: selivanych@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Продолжалось сотрудничество с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), в том числе в рамках Программы ООН в области образования и профессиональной подготовки для Южной Африки. Так, УВКБ ООН начало оказывать помощь беженцам «включительно по первый уровень среднего образования», более высокие уровни оставались за рамками программы [1, пп. 83, 256]. При финансировании ЮНЕСКО в Эфиопии было «закончено строительство постоянного медицинского центра и составлены планы для начальных школ» [1, п. 128]. Кроме того, УВКБ ООН принимало участие в «миссии ЮНЕСКО, которая посетила штаб-квартиру ОАЕ и Дар-эс-Салам (Танзания) в целях изучения возможности расширения помощи беженцам из колониальных территорий, как это было рекомендовано Генеральной конференцией ЮНЕСКО на ее шестнадцатой сессии» [1, п. 251].

Помимо консультаций по созданию мелких промышленных предприятий силами беженцев, Международная организация труда (МОТ) оказывала техническую помощь, например в Демократической Республике Конго для укрепления кооперативов [1, пп. 106, 253]. Всемирная продовольственная программа (ВПП) выделила продовольствие для районов, пострадавших от засухи и наплыва беженцев [1, п. 254], в частности для беженцев в Кала-эн-Нахале и Реджафе (Судан), Ниимбе (Замбия) [1, пп. 128, 130, 159].

В докладе на 27-й сессии отмечалось, что, опираясь на резолюцию 2688 (XXV) Генеральной Ассамблеи, Управление приняло решение о необходимости включения поселений беженцев в программу помощи ПРООН для развития районов, лучшим при этом стало бы появление новых поселений беженцев в тех регионах, где ПРООН проводила программы развития. Была внедрена концепция «программирования по странам», что позволило УВКБ ООН интегрировать нужды беженцев в национальные планы развития. Программы помощи начали работать в ЦАР, Танзании и Заире [2, пп. 179—181].

Продолжались проекты ПРООН и ФАО по оказанию помощи общинам в Бурунди и ЦАР [2, пп. 79—82]. В Уганде представителями ПРООН, ФАО и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) было проведено исследование поселений в Накапирипирите, Агаго (Аколпи) и Ониго: сделан вывод о необходимости перемещения избыточного количества беженцев в другие регионы (это затруднялось увеличением количества беженцев и природными катаклизмами) [2, п. 102].

По вопросу взаимодействия с ВПП в докладе отмечалось, что именно благодаря программе поставлена основная часть продовольствия для беженцев в Африке, при этом указывалось, что данная помощь не всегда поступала в срок

и УВКБ ООН приходилось принимать оперативные меры для предоставления продуктов нуждающимся [2, пп. 53, 60, 82]. Так, из-за несвоевременных поставок продовольствия от ВПП в места размещения суданских беженцев в Заире помощь им оказывали УВКБ ООН и Католическая служба помощи беженцам [2, п. 116].

ВПП была оказана помощь эфиопским беженцам в Токаре (Судан) [2, п. 97]. Для их нужд на востоке Реджафа (Судан) Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) предоставил медицинское оборудование [2, п. 98].

Кроме того, посредством консультаций с УВКБ ООН, ВОЗ и другими заинтересованными учреждениями Ассоциацией африканских психиатров были разработаны руководящие принципы по вопросам консультирования, лечения и восстановления трудоспособности умственно отсталых беженцев в городских районах [2, п. 72].

Отмечалось, что программа помощи УВКБ ООН в области образования в Африке проводилась в сотрудничестве со специалистами ЮНЕСКО [2, п. 68]. В Заире совместно с ЮНЕСКО началось строительство восьми классных помещений [2, п. 114].

В докладе на 28-й сессии отмечалось укрепление роли представителей ПРООН как связующих звеньев между правительствами и УВКБ ООН в африканских странах, в которых Управление не было представлено [3, п. 163]. В Судане ПРООН и ФАО провели исследование района Эш Шовак для создания поселения на 22 000 эфиопских беженцев, подтвердив пригодность территории для скотоводства [3, пп. 93, 160]. В ЦАР ПРООН и ФАО осуществляли проект по оказанию помощи беженцам и местному населению в целях развития префектуры Верхнее Мбому [3, п. 77]. В ряде стран Западной Африки проекты помощи беженцам осуществлялись ПРООН [3, п. 124].

В Уганде, Замбии и других странах Африки ВПП предоставляла продовольствие для тех, кто получил недостаточные урожаи ввиду небольшого количества земли или неблагоприятных климатических условий [3, пп. 40, 98, 118].

В Руанде и Танзании ЮНИСЕФ оказал помощь бурундийским беженцам [3, п. 86].

Специалисты ЮНЕСКО проводили техническое консультирование. В поселении Кала-эн-Нахал (Судан) при поддержке ЮНЕСКО были спроектированы и в начале 1973 г. построены начальные школы, заменившие временные здания, в которых ранее обучались дети [3, пп. 67, 94, 162].

Доклад Верховного комиссара на 29-й сессии Генеральной Ассамблеи свидетельствовал о контактах с ПРООН «для обеспечения координированного подхода на уровне стран к развитию районов расселения беженцев» [4, п. 164]. При этом конкретных примеров в документе немного. Интересен факт, что

суданские беженцы покинули территорию ЦАР в 1973 г., а объекты и оборудование этого поселения, в котором осуществлялся проект ПРООН и ФАО по оказанию помощи развитию префектуры Верхнее Мбому, были переданы правительству ЦАР. Кроме того, после закрытия представительства Управления в г. Банги представитель ПРООН в ЦАР принял на себя функции УВКБ ООН [4, пп. 77, 78]. Отметим также Программу срочной помощи в Южном Судане, которую координировало УВКБ ООН, а среди участников были ЮНИСЕФ, ПРООН, МОТ, ФАО, ЮНЕСКО, ВОЗ и Международный союз электросвязи [4, п. 161].

В докладе отмечалась помощь ВПП в Сенегале, Судане и Танзании [4, пп. 91, 98, 106, 109]. В документе выделялся тот факт, что даже с учетом недостаточного снабжения ВПП и ФАО удалось поставить значительное количество продовольствия беженцам, пока они не начали получать первые урожаи [4, п. 56]. Аналогичные процессы происходили и в отношении ангольских и намибийских беженцев в Замбии [4, п. 118].

ЮНИСЕФ обеспечил оборудованием и медицинскими препаратами новый медицинский центр в поселении Реджаф, где проживали беженцы из Заира, а также образовательным оборудованием школы для детей-беженцев в Сенегале [4, пп. 97, 166]. В докладе упомянуты консультации ВОЗ по вопросам санитарных и медицинских потребностей: отдельно выделены Замбия и Танзания [4, п. 164].

ЮНЕСКО по-прежнему по просьбе УВКБ ООН занималась анализом необходимых потребностей в регионах Казаманс (Сенегал) и Киву (Заир). Упомянут факт выделения стипендий Программой ООН в области образования и профессиональной подготовки для Южной Африки [4, п. 166].

В Сенегал через ФАО было направлено 10 000 дол. США из средств Чрезвычайного фонда на оказание помощи беженцам, пострадавшим от засухи [4, п. 92].

По данным доклада на 30-й сессии Генеральной Ассамблеи, в Центральной и Западной Африке проекты расселения, переселения и репатриации беженцев финансировались УВКБ ООН и имплементировались ПРООН [5, пп. 139, 141]. Помимо этого, в докладе сказано о помощи ПРООН в странах, где реализовывались проекты Управления, но само агентство представлено не было, например в странах Центральной Африки. Отмечена также важность выделяемых ПРООН средств для проектов [5, п. 223].

В 1974 г. ВПП оказывала неотложную помощь продовольственными пайками новопривышим беженцам в Мозамбике и Эфиопии, а также намибийцам в Замбии. В Замбии была достигнута самообеспеченность теми, кто проживал в поселении более одного полного сельскохозяйственного сезона. В 1975 г. в Гвинее-

Бисау для репатриантов и перемещенных лиц до завершения процесса их самообеспеченности продовольствием ВПП выделила 1 млн дол. США на поставку продовольствия. ВПП оказывала основную помощь в обеспечении продовольствием беженцев в Танзании и Замбии [5, пп. 86, 120, 121, 133, 198, 220, 221].

В январе 1974 г. в Зигиншоре (Сенегал) была открыта школа «Теранга», построенная на средства УВКБ ООН и оборудованная ЮНИСЕФ [5, п. 105]. ЮНИСЕФ в этой же стране предоставил и медицинское оборудование для передвижных медицинских служб провинции Казаманс (для беженцев из Гвинеи-Бисау) [5, п. 220].

ВОЗ проводила исследование случаев заболевания сонной болезнью в поселении Мехеба (Замбия), обеспечивала водой места размещения беженцев из Бурунди в Танзании. Оказывались услуги экспертов, направленные на предоставление кредитов сельским поселениям для беженцев, по линии ВОЗ, а также ФАО для беженцев из Судана в Гондэре (Эфиопия) [5, пп. 220, 221].

ЮНЕСКО продолжила техническое и консультативное содействие обеспечению получению начального и среднего образования гражданами стран убежища. В вопросах оказания помощи для получения среднего и высшего образования беженцами УВКБ ООН сотрудничало с Программой ООН в области образования и профессиональной подготовки для Южной Африки [5, пп. 83, 222].

Доклад на 31-й сессии Генеральной Ассамблеи свидетельствовал, что ПРООН осуществляла руководство многоцелевыми проектами УВКБ ООН в Центральной и Западной Африке, помогая в расселении на местах, переселении и репатриации. Часто в этих процессах помощь оказывали местные добровольные организации [6, пп. 164, 169].

ВПП занималась поставками продовольствия для беженцев в африканские государства. Так, в 1975 г. «были утверждены проекты ВПП для групп беженцев в различных странах Африки на общую сумму свыше 15 млн дол. США» [6, п. 256]. Например, ВПП оказывала содействие беженцам, возвращающимся в Гвинею-Бисау, и внутренне перемещенным лицам (было выделено 2,6 млн дол. США), эфиопским беженцам в Судане и беженцам из Анголы в Замбии [6, пп. 102, 105, 130, 158].

ЮНИСЕФ осуществлял поставки продовольствия, оказывал содействие в медицинской помощи вновь прибывшим беженцам из Судана в Эфиопии и из Бурунди в Заире [6, п. 256]. Помощь ВОЗ особого характера включала меры по обеспечению медицинского обслуживания беженцев из Бурунди, находящихся в регионе Букаву (Заир): руководство работой передвижного медпункта. ВОЗ выступала также в качестве учреждения-исполнителя по ряду медицинских проектов, финансируемых УВКБ ООН в Южном Судане [6, п. 257].

Управление продолжало получать консультативную поддержку ЮНЕСКО для обеспечения беженцев возможностями получения образования для их трудоустройства в целях самообеспечения [6, п. 86].

ФАО продолжала действовать, предоставляя консультации для укрепления возможностей самообеспечения беженцев (выбор земли, сельскохозяйственных культур, видов деятельности). Так, в 1975 г. ФАО оказала содействие суданским беженцам в Хумере (Эфиопия) [6, п. 257].

В следующем докладе (на 32-й сессии) отмечался визит в Анголу межучрежденческой миссии ООН из представителей ЮНИСЕФ, ПРООН, УВКБ ООН, ВПП и ВОЗ для оценки и решения проблем почти 1 млн человек, «насилу изгнанных со своих мест лиц, включая возвращающихся ангольских беженцев и перемещенных лиц внутри страны» [7, п. 103]. Следует выделить ситуацию в Мозамбике, где реализовывались программы правительства «по превращению бывших центров по приему беженцев в коммунальные деревни», в том числе при финансовом участии ЮНИСЕФ, ВПП и ПРООН [7, п. 129]. В документе отмечалась роль ПРООН в управлении проектами УВКБ ООН в странах Центральной и Западной Африки [7, пп. 166, 173].

Была выделена помощь ВПП и ЮНИСЕФ беженцам в Эфиопии (продовольствие, медицинские препараты и оборудование), Гвинее-Бисау, Замбии, Мозамбике, Танзании (продовольствие) [7, пп. 109, 114, 122, 126, 145, 160]. При этом для беженцев в Танзании помощь планировалось прекратить в октябре 1977 г. в связи с ожидаемым достижением самообеспечения [7, п. 146] (подтверждено в следующем докладе [8, п. 106]). Отмечалось также выделение средств для реализации упомянутой выше программы в Анголе, в частности ВПП и ЮНИСЕФ [7, п. 104].

В докладе на 33-й сессии Генеральной Ассамблеи выделялось значительное сотрудничество в Мозамбике (совместные миссии ПРООН, ЮНИСЕФ, ВПП, ВОЗ и УВКБ ООН в целях укрепления инфраструктуры поселений беженцев и репатриантов). Однако отмечались лишь незначительные успехи, что было обусловлено большими расстояниями, плохими дорогами, недостаточностью транспортных средств и строительных материалов. При этом позитивным моментом было развитие сельского хозяйства в целях размещения данных категорий лиц. ВПП предоставляла продовольствие, ЮНИСЕФ — медикаменты, учебные материалы и оборудование для профессиональной подготовки, ВОЗ проводила прививки для беженцев и репатриантов [8, пп. 115, 118, 123, 125]. В документе также констатировался факт завершения программы репатриации в Мозамбике и проведения новых программ преобразования «центров

по приему беженцев в общинные деревни» при содействии ЮНИСЕФ, ВПП и ПРООН [8, п. 126].

Кроме того, надо отметить помощь ВПП и ЮНИСЕФ в Анголе и Эфиопии, предоставление ВПП продовольствия новоприбывшим беженцам в Джибути и Замбии [8, пп. 95, 99, 106, 156, 240].

Что касается ЮНЕСКО, то в докладе упомянуто лишь выделение данной структурой двух экспертов, ответственных за оценку возможностей помощи по получению образования в провинции Кассала (Судан) [8, п. 141].

В документе обращалось внимание на то, что в 1977 г. «система Организации Объединенных Наций занималась проблемами беженцев из Намибии, Южной Африки и Зимбабве»: две межучрежденческие миссии подготовили рекомендации для проведения программ помощи беженцам в Ботсване, Лесото и Свазиленде. УВКБ ООН выступало координатором помощи южноафриканским студентам из числа беженцев, в декабре 1977 г. было проведено заседание по координации помощи беженцам в южной части Африки и совместных мероприятий [8, п. 238].

Как свидетельствует доклад на 34-й сессии Генеральной Ассамблеи, в 1978 г. бюджет программы помощи намибийцам в Анголе был несколько раз увеличен (почти до 1 млн дол. США к концу года). В документе был выделен важный вклад ПРООН, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. Кроме того, подчеркивалась необходимость «отдать должное представителям других органов системы Организации Объединенных Наций за проявленный ими дух сотрудничества, в особенности в отношении совместных миссий, которые были предприняты, с тем чтобы провести оценку потребностей, избежать дублирования усилий и определить меры по оказанию помощи» [9, п. 81]. Отмечалась помощь вынужденным мигрантам в Эфиопии, которая координировалась ЮНИСЕФ, ПРООН, ВПП и ФАО. Так, объем помощи только в регионе Огаден (Эфиопия) составил более 4 млн дол. США [9, п. 91]. Продолжалось оказание помощи через представителей ПРООН в африканских странах, в которых не было представлено УВКБ ООН [9, п. 151]. В Мозамбике, Заире, Сомали, странах южной части континента ЮНИСЕФ включался в программы УВКБ ООН помощи вынужденным мигрантам [9, пп. 106, 111, 138, 263]. ВПП предоставляла продукты питания в Заире, Замбии, Мозамбике, Сомали [9, пп. 103, 106, 132, 138, 141, 263]. ЮНЕСКО оказывала содействие «группам городских студентов-беженцев в зачислении в академические и профессионально-технические учреждения» [9, п. 263].

Следует отметить попытку помощи заирским беженцам в Анголе (в начале 1978 г. их было около 220 000 человек). Миссия, куда входили представители государства, УВКБ

ООН, ФАО и ВОЗ, исследовала участки проживания беженцев и признала их пригодными для сельскохозяйственной эксплуатации. Однако по разным причинам данная программа не была реализована [9, п. 80].

В докладе в 1979 г. (на 35-й сессии) отмечалось продолжение программы помощи УВКБ ООН намибийцам в Анголе. ПРООН, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ внесли в нее значительный финансовый вклад. Упоминалась важность подхода по координации усилий в рамках данной программы [10, п. 76]. По инициативе Генерального секретаря ООН в декабре 1979 г. межучрежденческая миссия ООН (ЮНИСЕФ, ПРООН, УВКБ ООН, ВПП, МОТ, ФАО, ЮНЕСКО, ВОЗ и Всемирный банк) посетила Сомали. Потребности в помощи для проживающих в лагерях в этой стране на 1980 г. были оценены в размере немногим более 40 млн дол. США. 4 марта 1980 г. Верховный комиссар обратился к международному сообществу с просьбой о выделении этих средств [10, п. 110]. Продолжалось оказание помощи через представителей ПРООН в африканских странах, в которых не было представлено УВКБ ООН [10, п. 166].

ВПП предоставляла продукты питания в Анголе, Джибути, Заире, Мозамбике, Эфиопии [10, пп. 77, 81, 91, 143]. В докладе были отмечены межучрежденные миссии УВКБ ООН, ВПП и ВОЗ по вопросам помощи беженцам в Анголе в контексте репатриации заирцев на родину [10, пп. 77, 147]. Верховный комиссар выделил роль ЮНИСЕФ по оказанию помощи беженцам в Африке, например в Кении и поселении Дукве (Ботсвана) в вопросах сельского хозяйства, образования и здравоохранения [10, п. 360]. В 1979 г. два эксперта ЮНЕСКО продолжали помогать УВКБ ООН в Африке. Консультант ЮНЕСКО по просьбе Управления совершил оценочный визит в Джибути [10, п. 362].

В докладе также отмечалось взаимодействие УВКБ ООН, МОТ и Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) при разработке небольшого промышленного проекта в регионе Аддис-Абебы для трудоустройства некоторого количества беженцев [10, п. 90].

В докладе на 36-й сессии указывалось, что ПРООН продолжала содействовать Управлению в странах, не имевших его представительств, оказанию помощи в Уганде перемещенным угандийцам и репатриантам. Чадские беженцы также получали финансовую поддержку от ПРООН [11, п. 363].

ВПП продолжала оказывать продовольственную помощь в Ботсване, Джибути, Свазиленде, Сомали, Уганде, Эфиопии [11, пп. 89, 93, 104, 128, 144, 149]. ЮНИСЕФ в Свазиленде закупил две машины скорой помощи и медикаменты [11, п. 144], в Камеруне принимал участие в программе помощи беженцам из Чада [11, п. 153].

В Сомали отмечалось взаимодействие УВКБ ООН, ВПП, МОТ, ЮНИСЕФ и ВОЗ по оказанию помощи вынужденным мигрантам [11, п. 131]. УВКБ ООН сотрудничало с ЮНЕСКО при разработке программ обучения в Заире и Замбии [11, п. 365].

В этом документе также шла речь о подготовке небольшого промышленного проекта УВКБ ООН, МОТ и ЮНИДО в Эфиопии для трудоустройства беженцев [11, п. 104]. При этом о факте его реализации никакая информация в документе не приведена.

Описание сотрудничества с другими международными межправительственными организациями следует начать с ОАЕ. В первых докладах рассматриваемого десятилетия показан серьезный интерес данной организации к решению проблемы беженцев на континенте: Бюро ОАЕ по устройству и обучению беженцев проводило семинары для своих национальных корреспондентов по улучшению методов работы с подмандатной категорией лиц, визиты в самые проблемные регионы. УВКБ ООН поддерживало активные контакты с Бюро, в частности в области общественной информации [1, п. 261; 2, п. 186; 3, п. 165]. В последующем отмечалось, что ввиду появления новых потоков беженцев контакты между Управлением и ОАЕ усиливались, например путем участия в заседаниях структур. Так, Организация приняла участие в работе 23-й сессии Исполкома УВКБ ООН, а Верховный комиссар присутствовал на совещании на высшем уровне ОАЕ в мае 1973 г. в Аддис-Абебе. В рамках осуществления резолюций 3300 (XXIX), 3421 (XXX) и др. система ООН расширяла связи с ОАЕ в вопросах оказания помощи беженцам с колониальных территорий. Во взаимодействии ООН и ОАЕ значительное внимание уделялось беженцам на юге континента [4, п. 170; 5, п. 225; 6, п. 261; 7, п. 253; 8, п. 250; 9, п. 272; 10, п. 364]. Безусловно, основным мероприятием десятилетия стала Панафриканская конференция по положению беженцев в Аруше (Танзания) в мае 1979 г., организованная ООН, Экономической комиссией ООН для Африки и ОАЕ, способствовавшая активизации взаимодействия ООН и ОАЕ [10, п. 364; 11, п. 368]. Во всех докладах отмечалось сотрудничество международной и региональной структур в вопросах переселения, размещения и образования африканских беженцев [1—11].

В докладах Верховного комиссара взаимодействие с другими международными организациями зафиксировано в меньшей степени. Так, Межправительственный комитет по миграции в Европе показан лишь в процессе ликвидации кризиса с азиатскими беженцами в Уганде в 1972 г. [3, п. 148] (далее он не участвовал в решении проблемы вынужденной миграции в Африке). Выделен вклад Европейского экономического союза в решение проблемы вынужденной миграции в Африке (на юге Су-

дана, в Анголе, Заире, Мозамбике, регионе Африканского Рога) [4, п. 172; 7, п. 255; 8, пп. 95, 251; 9, пп. 106, 274; 10, пп. 91, 105; 11, п. 373].

Управлением осуществлялось сотрудничество с Международным комитетом Красного Креста (МККК) при решении проблемы азиатских беженцев в Уганде, а также вынужденной миграции в Зимбабве и Мозамбике [3, п. 148; 8, пп. 117, 119; 9, п. 104; 10, п. 162]. В докладах отмечалось взаимодействие с Лигой обществ Красного Креста (ЛОКК) в Анголе, Кении и Руанде [3, п. 86; 4, п. 86; 8, п. 96; 10, п. 98]. Среди партнеров международных НПО в докладах показаны Всемирная федерация лютеранской церкви, Международная католическая организация «Каритас» и др. Верховным комиссаром отмечена важная роль местных НПО — партнеров-исполнителей Управления, в первую очередь национальных комитетов Красного Креста и религиозных структур [1—11]. Так, в качестве примера в докладе приведено «их участие в проекте сельского развития в Бурунди, в котором впервые некоторые организации участвовали с УВКБ ООН в общем финансировании проекта» [2, п. 190]. Кроме того, в документах показано взаимодействие УВКБ ООН с Международным советом добровольных учреждений [1—11].

Южноафриканской спецификой являлось взаимодействие УВКБ ООН с освободительными движениями, признанными ОАЕ. К таковым относились Африканский национальный конгресс Южной Африки, Панафриканский конгресс Азании, Организация народов Юго-Западной Африки, Африканский национальный союз Зимбабве и Союз африканского на-

рода Зимбабве, которые принимали участие в заседаниях Исполкома УВКБ ООН. Среди прочего две последние организации оказывали содействие репатриации зимбабвийских беженцев из стран региона [7, п. 257; 8, п. 255; 10, п. 370; 11, п. 375].

Таким образом, следует отметить, что основным элементом международного сотрудничества УВКБ ООН в Африке в 1970-е гг. являлось межучрежденческое взаимодействие в рамках Организации. В системе ООН было понимание того, что центральным элементом по решению проблемы вынужденной миграции являлось Управление, а другие структуры в рамках своих мандатов и выделяемых ресурсов оказывали ему содействие. Так, ПРООН занималась реализацией проектов и поддержкой УВКБ ООН в странах, в которых последнее не было представлено. Большую роль в обеспечении продуктами питания в чрезвычайных ситуациях играла ВПП, ФАО помогала в разработке проектов для самообеспечения беженцев, ЮНИСЕФ принимал участие в проектах помощи детям, ВОЗ старалась помочь в обеспечении медицинским обслуживанием. К концу десятилетия система ООН начала реализацию совместных проектов с широким участием. Увеличение количества беженцев на континенте, с одной стороны, и консолидация международного сообщества — с другой, содействовали проведению Панафриканской конференции по положению беженцев в Аруше (Танзания) в мае 1979 г. Надо отметить также большую роль ОАЕ, МККК, ЛОКК и, безусловно, НПО, которые активно работали на местах в реализации совместных проектов.

Список использованных источников

1. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/8412 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/722824> (дата обращения: 11.08.2024).
2. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/8712 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/730941> (дата обращения: 11.08.2024).
3. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/9012 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/725104> (дата обращения: 11.08.2024).
4. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/9612 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/720383> (дата обращения: 11.08.2024).
5. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/10012 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/706932> (дата обращения: 11.08.2024).
6. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/31/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/703860> (дата обращения: 11.08.2024).
7. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/32/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/697695> (дата обращения: 11.08.2024).
8. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/33/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/438895> (дата обращения: 11.08.2024).
9. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/34/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/9733> (дата обращения: 11.08.2024).
10. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/35/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/15211> (дата обращения: 11.08.2024).
11. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев: док. ООН А/36/12 // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/23447> (дата обращения: 11.08.2024).
12. Селиванов, А. В. Международное сотрудничество по вопросам миграции в Африке в 1960-е гг. / А. В. Селиванов // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 12. — Минск: БГУ, 2024. — С. 76—101.
13. Селиванов, А. В. Мероприятия ООН в сфере миграции в Африке в 1960-е гг. / А. В. Селиванов // Беларусь в современном мире: материалы XXIII Междунар. науч. конф., посвящ. 103-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 24 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. — Минск: БГУ, 2025. — С. 133—136.
14. Alexander Betts // University of Oxford. — URL: <https://www.rsc.ox.ac.uk/people/alexander-betts> (date of access: 30.08.2024).
15. Crisp, J. Africa's refugees: patterns, problems and policy challenges: UNHCR Working Paper N 28 / J. Crisp // UNHCR. — URL: <https://www.unhcr.org/media/africas-refugees-patterns-problems-and-policy-challenges-jeff-crisp> (date of access: 12.08.2024).
16. Loescher, G. The UNHCR and World Politics: a Perilous Path / G. Loescher. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — xiv, 431 p.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

СОВРЕМЕННАЯ БЕЛОРУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Сергей Лашкевич

В статье рассматривается современная белорусская историография международных отношений и внешней политики государств Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) в постбиполярный период. Автор отмечает, что интерес к изучению данного региона среди белорусских исследователей совпал с началом внешнеполитической активности Республики Беларусь в отношении государств «дальней дуги» в середине первого десятилетия XXI в. и продолжается по настоящее время. Наиболее популярными латиноамериканскими государствами среди белорусских исследователей являются Аргентина, Бразилия, Венесуэла и Куба, а вопросы торгово-экономического характера между Республикой Беларусь и латиноамериканскими странами имеют первостепенное значение для изучения. Делается вывод, что в следующие десятилетия научный интерес среди белорусских исследователей в отношении данной проблематики будет только возрастать, а под пристальным вниманием ученых окажутся вопросы региональной проблематики.

Ключевые слова: внешняя политика; дипломатия; кафедра международных отношений БГУ; Латинская Америка и Карибский бассейн; международные отношения; научно-исследовательские центры; Республика Беларусь; современная белорусская историография.

«*Belarusian Perspectives on Latin American Foreign Policy in the Post-Cold War Era*» (Sergey Lashkevich)

The article examines modern Belarusian historiography concerning the international relations and foreign policy of Latin America and the Caribbean in the post-Cold War period. It notes that interest in the study of this region among Belarusian researchers began with the Republic of Belarus's foreign policy engagement with the «far arc» countries in the mid-2000s and continues to this day. The most studied Latin American countries among Belarusian researchers are Argentina, Brazil, Venezuela, and Cuba, with trade and economic relations between the Republic of Belarus and Latin American countries being of paramount importance for research. It is concluded that scientific interest among Belarusian researchers in this area will only increase in the coming decades, and regional issues will remain under the close attention of scholars.

Keywords: Department of International Relations of Belarusian State University; diplomacy; foreign policy; international relations; Latin America and the Caribbean; modern Belarusian historiography; Republic of Belarus; research centres.

Белорусская историография международных отношений и внешней политики за последние три десятилетия внесла значительный вклад в изучение и разработку многих вопросов межгосударственного взаимодействия применительно как к различным историческим эпохам, так и к многочисленным регионам мира. К наиболее популярным направлениям исследований относятся научные работы по истории международных отношений и внешней политики стран Европы, в том числе и Беларуси, преимущественно в XX—XXI вв. В то же время исследования по внешней политике государств ЛАКБ в постби-

полярный период малочисленны и эпизодически отражают весь спектр актуальных проблем латиноамериканского региона.

В настоящее время как в отечественной, так и в зарубежной историографии отсутствуют комплексные и специальные исследования по анализу белорусской историографии внешней политики латиноамериканского региона в постбиполярный период. Исключение составляют общие историографические работы по международным отношениям без привязки к региону Латинской Америки, краткие обзоры источников и литературы во введении в рецензируемых статьях, а также малочисленные

Автор:

Лашкевич Сергей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: laschkevich.s@yandex.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Lashkevich Sergey — Candidate of History, Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: laschkevich.s@yandex.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

тезисы и доклады на конференциях. Целью данной статьи является характеристика современной белорусской историографии международных отношений и внешней политики стран ЛАКБ в период с 1991 г. по настоящее время. Для достижения поставленной цели автором определены следующие задачи: выделить и проанализировать основные этапы процесса изучения международных отношений стран Латинской Америки среди белорусских исследователей, выявить приоритетные, а также перспективные области в рамках изучения данной проблематики, проанализировать количественные и содержательные параметры научных работ.

Хронологические рамки статьи охватывают постбиполярный период международных отношений, который совпал с качественными внутривнутриполитическими преобразованиями в государствах ЛАКБ и одновременным повышением их роли на международной арене. В то же время в 1991 г. Республика Беларусь провозгласила свою независимость и начала процесс установления дипломатических отношений с государствами данного региона, тем самым открыв новый период в двусторонних отношениях.

Следует отметить, что на данный момент специальных и комплексных историографических обзоров по проблеме белорусской латиноамериканистики в постбиполярный период не существует. Однако стоит упомянуть несколько научных работ, в которых среди прочих проблем историографического анализа предпринята попытка провести такой анализ.

В 2021 г. в статье А. В. Тихомирова в обзоре источников и историографии по теме исследования сделан краткий анализ научных трудов четырех белорусских авторов по Латинской Америке. Отмечалось, что А. А. Челядинский был одним из первых белорусских исследователей данной проблематики, а также указывалось, что торгово-экономическое сотрудничество Республики Беларусь и государств Латинской Америки преобладает над другими сферами взаимодействия [30, с. 119–120].

С. Ф. Свилас и К. И. Ткачук в материалах по итогам научно-практической конференции проанализировали монографию отечественного ученого А. А. Челядинского [27].

Поверхностный анализ латиноамериканского направления белорусской историографии сделан в монографии А. В. Гурина, в которой рассмотрены вопросы исследования международных отношений и внешней политики в 1980–2005 гг. Автор отмечает, что кафедра международных отношений БГУ первой в нашем государстве начала исследовать внешнюю политику государств ЛАКБ, а также двусторонние отношения Беларуси с государствами региона в рамках учебной дисциплины «Региональные подсистемы международных отношений/Латинская Америка» [11].

Надо отметить, что на данный момент в Республике Беларусь отсутствуют полноценные научно-исследовательские центры по изучению внешней политики стран Латинской Америки, в которых бы на постоянной основе осуществлялась публикационная активность, проводились научно-практические конференции, а также существовала научная школа латиноамериканистики, как, например, в Институте Латинской Америки РАН. Как правило, исследованиями по указанному направлению занимаются отдельные ученые, которые представляют разные образовательные и научные учреждения Республики Беларусь.

Тем не менее за последние два десятилетия в нашем государстве проведена определенная работа в этом направлении. Так, в 2015 г. на базе Белорусского государственного экономического университета был открыт первый в Республике Беларусь центр латиноамериканских исследований, который занимается изучением различных аспектов и проблем Латинской Америки, включая и международную проблематику. На базе данного центра на регулярной основе проводится «круглый стол» «Латиноамериканский вектор в международном сотрудничестве: экономические и социокультурные аспекты», в котором принимают участие послы латиноамериканских стран, известные ученые и политики, а также студенты высших учебных заведений [32].

В 2009 г. в соответствии с указом Президента Венесуэлы У. Чавеса в Минске был открыт Латиноамериканский центр культуры имени Симона Боливара для популяризации латиноамериканской культуры среди белорусских и иностранных граждан [20].

Важную исследовательскую работу в этом направлении проводит центр всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси [31]. Среди специалистов центра можно выделить А. А. Челядинского, занимающегося данной проблематикой.

Большой вклад в развитие отечественной латиноамериканистики внесли сотрудники кафедры международных отношений факультета международных отношений БГУ. На кафедре впервые в Республике Беларусь для студентов был разработан курс лекций по актуальным проблемам международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки. Студенты и аспиранты факультета международных отношений принимают активное участие в ежегодных научно-практических конференциях, где выступают с научными докладами по важнейшим вопросам международных отношений и внешней политики латиноамериканского региона. Изучение испанского и португальского языков способствует и облегчает исследовательскую работу обучающихся. Латиноамериканской проблематикой на кафедре занимаются

С. А. Лашкевич, С. Ф. Свилас, А. В. Тихомиров и А. А. Челядинский (работал на кафедре до 2018 г.).

Вопросами истории международных отношений и внешней политики государств ЛАКБ занимаются специалисты кафедры новой и новейшей истории исторического факультета БГУ. Сотрудник кафедры Д. Г. Ларионов первым в Республике Беларусь опубликовал исследования о месте и роли католической церкви в странах Латинской Америки [17].

Белорусско-латиноамериканские отношения. Следует отметить, что импульсом для начала изучения проблем международных отношений стран Латинской Америки стал интерес отечественных исследователей к вопросам двустороннего сотрудничества. Первая публикация в рамках отношений Республики Беларусь и государств данного региона появилась в 2007 г. [43]. Именно в это время было открыто посольство нашего государства в Венесуэле, а также состоялись первые обоюдные визиты глав государств. Таким образом, можно констатировать, что установление тесных отношений с Венесуэлой послужило хорошим импульсом для начала исследований латиноамериканской проблематики среди белорусских ученых.

На сегодняшний день в исследованиях двусторонних отношений можно выделить три основных направления, которые отличаются друг от друга сферой взаимодействия: политические отношения и взаимодействие на международной арене, а также экономическое сотрудничество и гуманитарные отношения. Следует отметить, что во многих публикациях анализируются одновременно несколько сфер взаимодействия, но в целом преобладают исследования по изучению экономического сотрудничества. Наиболее востребованными странами с точки зрения научного интереса среди отечественных исследователей являются Аргентина [40–42], Бразилия [19; 27; 36; 42], Венесуэла [10; 14; 24; 25; 30; 37; 43], Куба [2; 7; 39], Эквадор [12; 25].

Политические отношения и сотрудничество на международной арене. Особенностью данного направления в белорусской латиноамериканистике является анализ взаимодействия Республики Беларусь с государствами, в которых открыты белорусские дипломатические представительства и с которыми совпадают интересы на международной арене. В этой связи можно назвать исследования К. Д. Ананько [2], К. П. Андриевского [3; 4], Т. Б. Бирика [7], И. И. Ганчерёнка [10], Ф. Ф. Гусмана Гомеса [12], Б. Л. Залесского [13], С. А. Кизимы [14], И. И. Полуяна [23], С. В. Решетникова [25], А. В. Солода [28], А. В. Тихомирова [29; 30], А. А. Челядинского [34–36] и др.

Следует отметить, что одним из первых белорусских исследователей белорусско-латиноамериканских отношений был аспирант

кафедры международных отношений БГУ К. П. Андриевский, который изучал двусторонние отношения Республики Беларусь с государствами данного региона в конце XX — начале XXI в. Он, в частности, отмечал, что Беларусь и Кубу объединяют общее историческое прошлое, а также единая позиция на международной арене [2; 4].

Значительный вклад в развитие белорусской латиноамериканистики, в том числе в рамках исследования политических отношений с Республикой Беларусь, внес А. А. Челядинский, который стоял у истоков становления кафедры международных отношений БГУ, долгие годы там работал, читал лекции для студентов факультета международных отношений в рамках дисциплины «Региональные подсистемы международных отношений», предметом изучения которой выступал именно регион ЛАКБ. В своих работах автор делал акцент на анализ двусторонних отношений с наиболее важными для Республики Беларусь государствами региона, такими как Венесуэла, Бразилия, Эквадор и Куба [33–35; 38].

Интересным исследованием с точки зрения всестороннего подхода к изучению внешней политики Беларуси в отношении стран Латинской Америки является статья А. В. Тихомирова, в которой проанализированы основные этапы взаимодействия нашего государства с обозначенным регионом. Автор справедливо отмечал, что в первой половине 1990-х гг. страны Латинской Америки не входили в число важнейших внешнеполитических партнеров Беларуси [30, с. 121].

Вопросы политического взаимодействия Беларуси и Венесуэлы на международной арене, а также перспективные векторы сотрудничества рассмотрены в статье С. А. Кизимы. Автор, упоминая о взаимодействии двух государств в рамках Движения неприсоединения, отмечает, что данная инициатива перспективна и экономически целесообразна для Республики Беларусь [14, с. 25].

Экономическое сотрудничество. Проблематика экономического взаимодействия в рамках исследования двусторонних отношений имеет важнейшее значение для понимания места и роли государств ЛАКБ во внешней политике Республики Беларусь. Выход нашего государства на новые международные рынки благоприятно сказывается на росте национальной экономики и повышении благосостояния белорусского народа. Стоит отметить, что торгово-экономическая и инвестиционная проблематика исследований значительно преобладает над другими направлениями. Первые публикации по данным вопросам появились в конце 2000-х гг. и охватывали преимущественно экономическое сотрудничество с Аргентиной, Бразилией, Венесуэлой и Кубой [1; 3; 23; 43]. Так, К. П. Андриевский проанализировал торгово-экономические отношения Беларуси

с вышеперечисленными странами региона, дал оценку договорно-правовой базе сотрудничества, определил проблемные вопросы двустороннего взаимодействия [3]. Многими белорусскими исследователями государства Латинской Америки, в которых были открыты белорусские дипломатические представительства, рассматривались как отправные точки для проникновения на рынки других латиноамериканских государств. В этой связи стоит упомянуть беседу с В. Шейманом в Вестнике внешнеэкономических связей в 2007 г. [43].

В 2010-е гг. в белорусской историографии появились новые научные исследования по данному аспекту сотрудничества. П. С. Петровский проанализировал вопросы двустороннего сотрудничества в свете подписания Транстихоокеанского договора о свободной торговле [21]. Д. В. Береснев, изучив торгово-экономические отношения Беларуси и исследуемого региона, констатировал значительное снижение объемов торговли в первой половине 2010-х гг. и выраженный «калийный характер» белорусского экспорта [6]. Опыт взаимодействия Республики Беларусь с Венесуэлой, Кубой и Эквадором в политической и экономической областях проанализировал С. В. Решетников [25]. Е. М. Бабосов выдвинул тезис о политической и экономической целесообразности и прямой выгоде для Республики Беларусь сотрудничества со странами Латинской Америки в разрезе качественных интеграционных процессов, которые происходят в этом регионе в XXI в. [5].

Исследования последних четырех лет по данному направлению существенно не отличаются от научных работ предыдущих периодов. Так, П. Шведко и Е. Тавень, проанализировав состояние национальных экономик Аргентины и Бразилии в целях прогноза возможных рисков для белорусских экспортеров, сделали вывод о том, что бразильская экономика более устойчивая к неблагоприятным сценариям развития, чем аргентинская [42]. В 2023 г. была опубликована монография А. А. Челядинского «Беларусь — Венесуэла: взаимный приоритет отношений (успехи и проблемы) (1997—2021 гг.)», в которой был проанализирован весь спектр экономических взаимоотношений двух государств [34].

Гуманитарные отношения. Исследования данного направления в двусторонних отношениях малочисленны и сосредоточены на изучении культурного взаимодействия, научно-технического сотрудничества и деятельности белорусской диаспоры в Латинской Америке. Так, научно-техническое сотрудничество Национальной академии наук Беларуси с государствами Латинской Америки было подробно проанализировано в работе В. В. Подкопаева [22]. Вопросы культурного взаимодействия занимается К. С. Разуванова [24]. С. В. Шабельцев является специалистом по изучению белорусской диаспоры в Аргентине в XIX — начале XXI в. [40; 41].

Таким образом, можно констатировать, что тематика двусторонних торгово-экономических связей между Республикой Беларусь и государствами ЛАКБ значительно преобладает над другими направлениями двустороннего сотрудничества среди белорусских исследователей. Активизация белорусско-венесуэльских отношений в середине первого десятилетия XXI в. способствовала росту интереса белорусских ученых к латиноамериканской проблематике.

Глобальная и региональная политика государств ЛАКБ. По нашему мнению, данное направление в белорусской историографии является весьма перспективным, что связано со стремительным ростом роли региона как в международной политике, так и в международном разделении труда. Отличительной особенностью внешней политики государств региона в XXI в. является ее многовекторность, сбалансированность, стремление укреплять внутрирегиональные связи через интеграционные объединения, уход от внешнеполитической зависимости от США. Одним из важнейших компонентов внешнеполитической деятельности государств Латинской Америки является наличие устойчивых экономических связей с КНР.

Несмотря на то, что белорусские работы по глобальной и региональной политике государств ЛАКБ малочисленны и отражают незначительное количество актуальных вопросов региона, сегодня прослеживается положительная динамика в исследованиях. Появление первых научных трудов по данному направлению приходится на 2000—2001 гг. Так, Д. Г. Ларионов проанализировал католицизм в странах Латинской Америки в 1960—1990-е гг., а также исследовал социальный аспект участия стран Латинской Америки в деятельности Движения неприсоединения [15—17].

Следующим этапом исследования обозначенной проблематики был выход из печати в 2012 г. первой в белорусской историографии монографии по Латинской Америке А. А. Челядинского «Бразилия в современном мире», где автор проанализировал в числе прочего международные отношения и внешнюю политику этого государства в постбиполярный период. В исследовании большое внимание уделяется внутривнутриполитическим трансформациям в Бразилии, которые способствовали росту международного влияния государства, а также отмечается активизация сотрудничества по линии «Юг — Юг» [36]. В последующие годы А. А. Челядинский опубликовал несколько монографий, в которых отражена внешнеполитическая деятельность государств Латинской Америки в постбиполярный период [34; 37; 40].

Актуальной тенденцией в изучении латиноамериканской проблематики среди белорусских исследователей являются вопросы региональной интеграции. Данной проблематикой занимаются В. Н. Ватыль, А. А. Володькин и Д. Г. Ларионов [8; 9; 16]. В исследовании

В. Н. Ватыль справедливо отмечает, что в Латинской Америке в начале XXI в. произошли глобальные преобразования, которые изменили конфигурацию региональной интеграции, что способствовало формированию более сбалансированной внешней политики государств [8, с. 62]. А. А. Володькин провел сравнительный анализ европейской, латиноамериканской и постсоветской моделей интеграции и сделал вывод о том, что Организация американских государств, созданная в 1948 г., послужила стимулом для развития современных интеграционных процессов в Латинской Америке [9, с. 75].

И. Ю. Рублевский исследовал внутрирегиональные отношения в свете венесуэльского кризиса, а также специфику взаимодействия стран региона с Республикой Беларусь. По мнению автора статьи, с уходом с политической арены в середине 2010-х гг. прогрессивных политических партий наблюдается свертывание политических и экономических связей между государствами региона [26, с. 336].

С. А. Лашкевич занимается исследованием международных отношений и внешней политики стран Латинской Америки на современном этапе. Автор утверждает, что росту международного влияния стран Центральной Америки способствовало геополитическое положение, а также внешнеэкономическая конкуренция между США и КНР в данном регионе [18, с. 17]. В исследовании, посвященном современной внешней политике Бразилии, особое внимание акцентируется на региональном векторе сотрудничества применительно к государствам Южной Америки. Автор утверждает, что региональное лидерство Бразилии дает государству полномочия представлять интересы стран региона на международных площадках [19, с. 36].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что глобальная и региональная внешнеполитическая проблематика стран региона в современных белорусских исследованиях уступает тематике двусторонних отношений, хотя является весьма перспективным направлением для отечественных ученых.

Таким образом, можно констатировать, что белорусская историография международных отношений и внешней политики стран ЛАКБ в постбиполярный период является новым и одновременно малоизученным направлением в современной науке. Все исследования можно разделить на два периода: с 1991 до 2007 г. и с 2007 г. по настоящее время. Поворотным моментом для начала изучения международных отношений стран Латинской Америки была активизация белорусско-венесуэльских отношений в середине 2000-х гг. В исследованиях обозначенной проблематики можно выделить два основных направления изучения: 1) двусторонних отношений Республики Беларусь с государствами Латинской Америки и 2) проблем глобальной и региональной политики государств региона. Первое направление является наиболее развитым в современной белорусской историографии.

Среди перспективных направлений белорусской историографии международных отношений стран Латинской Америки можно назвать исследование интеграционных процессов в регионе, межгосударственных конфликтов, проблем региональной безопасности, а также анализ двусторонних отношений стран региона с ведущими государствами мира. Наиболее весомый вклад в изучение международных отношений и внешней политики государств Латинской Америки в постбиполярный период внесли ученые Национальной академии наук Беларуси и Белорусского государственного университета.

Список использованных источников

1. Абдулла, А. Экономическое сотрудничество Республики Беларусь со странами Латинской Америки / А. Абдулла // Экономика и управление. — 2010. — № 3. — С. 117–125.
2. Ананько, К. Д. Политическое взаимодействие Республики Беларусь и Республики Куба на современном этапе / К. Д. Ананько // XIII Машеровские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 18 окт. 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. — Витебск, 2019. — С. 101–102.
3. Андриевский, К. П. Белорусско-кубинские связи (1992–2007 гг.) / К. П. Андриевский // Латин. Америка. — 2009. — № 12. — С. 85–95.
4. Андриевский, К. П. Торговые отношения Республики Беларусь со странами Латинской Америки (1992–2008 гг.) / К. П. Андриевский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 2. — С. 50–57.
5. Бабосов, Е. М. Конкуренция моделей мироустройства в контексте сотрудничества и интеграции Беларуси с государствами Латинской Америки / Е. М. Бабосов // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 69–73.
6. Береснев, Д. В. Перспективы торгово-экономического сотрудничества Республики Беларусь с государствами Латинской Америки / Д. В. Береснев // Там же. — С. 163–166.
7. Бибиц, Т. Б. Сотрудничество Республики Беларусь и Республики Куба / Т. Б. Бибиц // Интеграция Республики Беларусь в международные экономические и политические процессы: перспективы и проблемы сотрудничества Республики Беларусь со странами дальнего зарубежья: сб. науч. тр. / Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. — Минск, 2020. — С. 83–90.
8. Ватыль, В. Н. Латиноамериканская интеграция как модель изучения объединительных тенденций в ЕАЭС / В. Н. Ватыль // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 60–68.
9. Володькин, А. А. Сравнительный анализ развития интеграционных процессов в Европе, Латинской Америке и на постсоветском пространстве / А. А. Володькин // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 74–78.
10. Ганчерёнок, И. И. О неизменном стратегическом партнерстве Беларуси и Венесуэлы / И. И. Ганчерёнок // Там же. — С. 138–140.

11. Гурын, А. В. Даследаванне гісторыі міжнародных адносін у Беларусі (1980—2005 гг.) / А. В. Гурын // Мінск: Беларус. навука, 2022. — 162 с.
12. Гусман Гомес, Ф. Ф. Эквадор — Беларусь: курс на стратегическое партнерство (2007—2016 гг.): Ecuador — Belarús: camino hacia la cooperación estratégica (2007—2016) / Ф. Ф. Гусман Гомес, А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2017. — 288, [1] с.
13. Залесский, Б. Л. Латиноамериканский вектор сотрудничества как актуальная тематика в белорусских медиа / Б. Л. Залесский // Журналістыка-2022: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 24-й Міжнарод. навуц.-практ. канф., Мінск, 3 ліст. 2022 г. / Беларус. дзярж. ун-т. — Мінск: БДУ, 2022. — С. 416—420.
14. Кизима, С. А. Белорусско-венесуэльская интеграция / С. А. Кизима // Беларус. думка. — 2010. — № 2. — С. 25—29.
15. Ларионов, Д. Движение неприсоединения и Латинская Америка (социальный аспект) / Д. Ларионов // Вопросы внешней политики Республики Беларусь: сб. ст. — Минск: БГУ, 2001. — С. 9—14.
16. Ларионов, Д. Г. Интеграционные процессы в странах Латинской Америки: идейные основы и современные тенденции / Д. Г. Ларионов // Гісторыя і грамадазнаўства. — 2017. — № 4. — С. 3—7.
17. Ларыёнаў, Д. Г. Каталіцызм у Лацінскай Амерыцы (60—90-я гг. XX ст.) / Д. Г. Ларыёнаў // Беларус. гіст. часопіс. — 2000. — № 3. — С. 33—39.
18. Лашкевич, С. А. Особенности международного положения стран Центральной Америки в XXI веке / С. А. Лашкевич // Суверенитет — безопасность — интеграция как константы устойчивого государственного развития: международный опыт и национальные реалии. К 30-летию Института Президентства Республики Беларусь. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы X Международ. науч.-практ. конф., Гродно, 31 мая — 1 июня 2024 г. В 2 ч. Ч. 2 / Гродн. гос. ун-т имени Янки Купалы. — Гродно: ГрГУ, 2024. — С. 16—20.
19. Лашкевич, С. А. Южноамериканский вектор внешней политики Бразилии в первые месяцы президентства Л. И. Лулы да Силвы (1 января 2023 г. — 1 сентября 2023 г.) / С. А. Лашкевич // Беларусь в современном мире: материалы XXII Международ. науч. конф., посвящ. 102-й годовщине образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 26 окт. 2023 г. / Белорус. гос. ун-т. — Минск: БГУ, 2023. — С. 34—40.
20. Островок Латинской Америки в центре Минска // СБ — Беларусь сегодня. — 15.05.2009. — URL: <https://www.sb.by/articles/ostrovok-latinskoj-ameriki-v-tsentre-minska.html> (дата обращения: 23.08.2024).
21. Петровский, П. С. Белорусско-латиноамериканские отношения в свете подписания Транстихоокеанского договора о свободной торговле / П. С. Петровский // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Международ. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 167—168.
22. Подкопаев, В. В. Научно-техническое сотрудничество Национальной академии наук Беларуси с государствами Латинской Америки: перспективные направления и механизмы развития / В. В. Подкопаев // Там же. — С. 151—162.
23. Полуян, И. И. Состояние и перспективы белорусско-кубинских отношений / И. И. Полуян // Проблемы управления. — 2008. — № 1. — С. 58—60.
24. Разуванова, К. С. Латиноамериканский культурный центр имени Симона Боливара в Минске и его вклад в развитие белорусско-венесуэльских культурных связей / К. С. Разуванова // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Международ. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 182—188.
25. Решетников, С. В. Всестороннее сотрудничество Республики Беларусь со странами Латинской Америки в условиях многополярного мира (на опыте Венесуэлы, Кубы, Эквадора) / С. В. Решетников // Там же. — С. 141—144.
26. Рублевский, И. Ю. Особенности политического развития стран Латинской Америки в условиях венесуэльского кризиса и специфика внешнеполитического сотрудничества с Республикой Беларусь / И. Ю. Рублевский // Беларусь в современном мире: материалы XVI Международ. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2017. — С. 335—337.
27. Свилас, С. Ф. Публичная дипломатия Бразилии в историографических источниках / С. Ф. Свилас, К. И. Ткачук // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VII Международ. науч.-практ. конф., Витебск, 27—29 апр. 2023 г. В 2 т. Т. 1 / Витебск. гос. ун-т. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. — С. 166—167.
28. Солод, А. В. Перспективы сотрудничества Республики Беларусь с ведущими странами — участниками блока «АЛБА» / А. В. Солод // Труд. Профсоюзы. Общество. — 2011. — № 4. — С. 90—94.
29. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991—2011 гг. / А. В. Тихомиров. — Минск: Право и экономика, 2014. — 278 с.
30. Тихомиров, А. В. Латинская Америка как приоритет внешней политики Республики Беларусь (1992—2021 гг.) / А. В. Тихомиров // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития: сб. науч. ст. Вып. 9 / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2021. — С. 117—141.
31. Центр всеобщей истории, международных отношений и геополитики // Институт истории Национальной академии наук Беларуси. — URL: https://history.by/struktura-institutu/center_of_world_history_international_relations_and_geopolitics/ (дата обращения: 23.08.2024).
32. Центр латиноамериканских исследований. — URL: <http://celbe.bseu.by/> (дата обращения: 23.08.2024).
33. Челядинский, А. А. Белорусско-кубинские отношения (1962—2018 гг.) / А. А. Челядинский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2018. — № 1-2 (84-85). — С. 46—56.
34. Челядинский, А. А. Беларусь — Венесуэла: взаимный приоритет отношений (успехи и проблемы) (1997—2021 гг.) / А. А. Челядинский, И. К. Рута Эстарита. — Минск: Право и экономика, 2023. — 228 с.
35. Челядинский, А. А. Беларусь открывает окно в Латинскую Америку / А. А. Челядинский // Латинская Америка. — 2008. — № 4. — С. 55—65.
36. Челядинский, А. А. Бразилия в современном мире / А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2012. — 335 с.
37. Челядинский, А. А. Венесуэла: от Боливара до Чавеса. В 2 ч. / А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2013—2014. — 2 ч.
38. Челядинский, А. А. Информационно-аналитическая политика Республики Беларусь в Латинской Америке: проблемы становления / А. А. Челядинский // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Международ. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 28—30.
39. Челядинский, А. А. Куба: от Марти до Кастро. В 2 ч. / А. А. Челядинский. — Минск: Право и экономика, 2016—2018. — 2 ч.
40. Шабельцев, С. В. Белорусы в Аргентине в орбите деятельности посольства Российской Федерации в Буэнос-Айресе / С. В. Шабельцев // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (вторая половина XX — начало XXI в.): материалы Международ. науч.-практ. конф., Витебск, 25—26 апр. 2013 г. — Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. — С. 266—269.
41. Шабельцев, С. В. Проблемы идентификации белорусов в Аргентине / С. В. Шабельцев // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы Международ. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 209—213.
42. Шведко, П. Выход белорусских экспортеров на рынки Аргентины и Бразилии / П. Шведко, Е. Тавень // Наука и инновации. — 2021. — № 5. — С. 64—68.
43. Шейман, В. Венесуэла: мост в Латинскую Америку / В. Шейман // Вестн. внешнеэкон. связей. — 2007. — № 3. — С. 26—31.

Статья поступила в редакцию 9 сентября 2024 г.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ВАТИКАНА В 1994—2000 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «AVE MARIA»)

Татьяна Кресс-Романова

Взаимодействие Республики Беларусь и Ватикана на международной арене является недостаточно исследованной темой. В статье отображаются события и факты, характеризующие взаимоотношения двух стран, которые были освещены на страницах католического издания «Ave Maria». Показан взаимный диалог, который поддерживается по различным вопросам. Сотрудничество двух государств играет немаловажную роль во внешней политике Республики Беларусь. Взаимоотношения между Республикой Беларусь и Святым Престолом оказывают влияние на деятельность Римско-католической церкви в стране, распространение христианских ценностей, межконфессиональные отношения.

Ключевые слова: Ватикан; журнал «Ave Maria»; конфессия; международные отношения; нунций; папа римский; Республика Беларусь; Римско-католическая церковь; Святой Престол.

«Relations between the Republic of Belarus and the Holy See in 1994—2000 (based on Materials from Ave Maria Magazine)» (Tatiana Kress-Romanova)

The interaction between the Republic of Belarus and the Holy See in the international arena remains an under-researched topic. The article presents events and facts characterising the relationship between the two entities, as covered in the Catholic magazine Ave Maria. It highlights the mutual dialogue maintained on various issues and demonstrates the important role this cooperation plays in the foreign policy of the Republic of Belarus. Furthermore, the relationship between the Republic of Belarus and the Holy See is shown to influence the activities of the Roman Catholic Church within the country, the dissemination of Christian values, and interfaith relations.

Keywords: Ave Maria magazine; confession; Holy See; international relations; nuncio; Pope; Republic of Belarus; Roman Catholic Church; Vatican.

Отношения Республики Беларусь и Святого Престола на протяжении всего периода существования независимого белорусского государства имеют положительную динамику. Как отметил первый заместитель министра иностранных дел С. Ф. Алейник на торжественном мероприятии по случаю 30-летия установления дипломатических отношений: «Ватикан всегда был и остается надежным партнером Республики Беларусь» [14]. Международная деятельность двух независимых государств основывается на взаимном невмешательстве и заинтересованности в сотрудничестве.

Политика Республики Беларусь акцентирует внимание на межконфессиональном диалоге, мире среди религий и консолидации белорусского общества. Религиозный вопрос всегда являлся актуальным и важным для нашего общества, поэтому к нему требуется тщательный и корректный подход исходя из исторического опыта нашего государства.

Тематика отношений Беларуси и Ватикана рассматривалась как в белорусской, так и в российской историографии. В работах белорусских авторов анализировались следующие аспекты. Например, один из наиболее авторитетных исследователей истории Католической церкви на территории Беларуси Э. С. Ярмусик рассматривал исторические предпосылки установления отношений между Святым Престолом и Республикой Беларусь, начиная с СССР [20], а также раскрыл сущность отношений двух стран [19]. Н. М. Кожич проследила эволюцию взаимоотношений Православной церкви и государства, а также их состояние [5]. Д. Г. Ларионов показал развитие взаимоотношений Республики Беларусь и Святого Престола [7]. Г. Н. Михалькевич рассмотрел тенденции развития сотрудничества между Беларусью и Ватиканом и вопрос конкордата [11]. Д. С. Шниткова осветила вопрос дипломатической службы Ватикана, рас-

Автор:

Кресс-Романова Татьяна Васильевна — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: Lisica.1994@mail.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Kress-Romanova Tatiana — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: Lisica.1994@mail.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

смаатривая ее функции и направления, а также затрагивая тему диалога с Республикой Беларусь [18].

В данных статьях не использовались официальные белорусские католические публикации. Вместе с тем государственные взаимоотношения Республики Беларусь и Святого Престола излагались в числе прочего и в периодических изданиях. Одним из важнейших среди них является журнал «*Ave Maria*» [21].

Цель данной статьи — раскрыть межгосударственные отношения Республики Беларусь и Святого Престола, основываясь на материалах католического издания «*Ave Maria*». Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: показать особенности развития отношений Беларуси и Ватикана с 1994 г. (год основания журнала «*Ave Maria*») по 2000 г. (завершился первый Синод как отдельный этап возрождения католичества в Беларуси), выявить влияние на их динамику конфессионального фактора, в частности возрождение костела в Республике Беларусь в постатеистический период.

Начало взаимоотношений белорусского государства и Святого Престола было положено еще до объявления независимости Республики Беларусь. Предпосылки межгосударственных отношений Республики Беларусь со Святым Престолом зарождались в конце эпохи существования СССР. Территория Республики Беларусь входила в состав СССР, поэтому все дипломатические отношения существовали между СССР и Святым Престолом. Одно время межгосударственных связей между упомянутыми странами практически не было. Это объясняется, во-первых, тем, что не существовало государство Ватикан (образовано 11 февраля 1929 г.), во-вторых, желанием СССР создать атеистическое государство.

Перестройка создала условия для установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Святым Престолом. Впервые об этом заговорил в присутствии властей Беларуси представитель Ватикана, архиепископ Ф. Коласуонно в 1990 г. [3]. 15 марта 1990 г. СССР и Ватикан установили официальные отношения, обменявшись нотами между дипломатическими ведомствами и учредив представительства стран в Ватикане и Москве [12]. Стоит отметить, что в соответствии с рекомендациями Ф. Коласуонно 13 апреля 1991 г. Папа Иоанн Павел II издал буллы об образовании в СССР самостоятельных структур Католической церкви: архиепископства Минско-Могилевского, епископств Гродненского и Пинского в Беларуси [6].

В декабре 1991 г. Святой Престол признал Российскую Федерацию, выказав желание продолжить официальные отношения [3]. После объявления независимости Беларусь менее чем через год также установила дипломатические отношения с Ватиканом (11 ноября

1992 г.). Этим Ватикан продемонстрировал готовность к развитию дружественных отношений с суверенным белорусским государством. Первым представителем Святого Престола (нунцием) в нашей стране стал Г. М. Игера, назначенный 17 апреля 1993 г. [2].

После образования независимого государства Республики Беларусь как «голос Католической церкви» при поддержке Минско-Могилевской архиепархии начали издаваться журналы «Каталіцкія навіны» (публикуются официальные документы Католической церкви в Беларуси, послания понтифика и папские, информация Святого Престола, главные новости католического мира), «Наша вера» (размещаются теологические статьи, исследования по истории Беларуси, поэзия и проза белорусских и зарубежных авторов и др.). Кроме того, издаются журналы «Дар жыцця» (основная цель которого защищать и сохранять жизнь нерожденных детей), «Любите друг друга» (молодежный журнал, призванный возродить христианские и моральные ценности в обществе) и «Маленькі рыцар Беззаганнай» (детский журнал, состоящий из рассказов и интересной информации для детей) [16].

Основным официальным католическим изданием является журнал «*Ave Maria*», выпускаемый на белорусском языке с 1994 г. В нем содержатся католические новости из белорусских епархий и из-за рубежа (от посланий папы римского к католическому народу до встреч религиозных деятелей на самом высоком уровне), а также материалы, посвященные жизни католиков в Беларуси. Кроме того, публикуются различные статьи о главных католических праздниках, интервью со священниками, актуальные события и др. Основателем журнала является Минско-Могилевская архиепархия [16].

Для Республики Беларусь 1992—1996 гг. были переломными в развитии, так как после обретения независимости (в 1990 г.) страна остро нуждалась не только в высокоэффективном содействии социально-экономическому развитию, но также и в скорейшем признании ее государствами на международной арене. Фактом признания со стороны Ватикана является основание Апостольской нунциатуры (постоянного дипломатического представительства) в нашем государстве посредством издания понтификом Апостольской грамоты *Quantam Tandem* [2].

Следует заметить, что нунциатуру из Ватикана перенесли в столицу Республики Беларусь и назначили нунция А. Маркетто (18 мая 1994 г.) лишь после принятия Конституции Республики Беларусь (15 марта 1994 г.), регулирующей все сферы жизнедеятельности государства. Таким образом, принятие Основного Закона является важным моментом не только для нашей страны, но и для Католической церкви в Беларуси. Возможно, для папы рим-

ского было крайне важно, чтобы в стране, куда направляется нунций, внутренние отношения (в том числе и религиозные) регулировались на законодательном уровне. После избрания Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко состоялась первая встреча с нунцием при вручении верительных грамот 25 августа 1994 г. [21, 1994, № 1, с. 5].

А. Маркетто в одном из своих интервью отмечал: «Нунций является своеобразным мостом между местной церковью и Апостольской столицей, образно говоря, он — глаза, уши и руки Святого Отца в конкретной стране. Представлять Папу в местной церкви в пастырском контексте является самым важным аспектом задачи нунция». Кроме того, он подчеркнул: «представитель Папы в своей деятельности должен заботиться о контактах и диалоге с братьями и сестрами иных церквей, особенно с их епископами» [21, 1995, № 4, с. 4].

История возрождения костела независимой Республики Беларусь, описанная в первом выпуске журнала «*Ave Maria*», началась с важной новости в истории католичества — 30 октября 1994 г. Папа Иоанн Павел II возвел архиепископа Беларуси митрополита Минско-Могилевского К. Свёнтека в сан кардинала. Таким образом, в белорусском государстве появился первый кардинал Святого Престола, что имело большое значение, так как кардинал является высшим после понтифика духовным лицом Католической церкви. В круг его обязанностей вошли в числе прочего избрание понтифика на конклаве и помощь в руководстве Римско-католической церковью [4], т. е. это был не только сан, но и должность. Как отмечалось в журнале, назначение не было неожиданно, а лишь «справедливой и закономерной наградой» за заслуги и «самоотверженное служение» архиепископа перед Римско-католическим костелом [21, 1994, № 1, с. 3].

20 декабря 1994 г. в Архиепископальном соборе Пресвятой Имени Пресвятой Девы Марии собрались множество верующих, священнослужителей, дипломатов и представителей правительства, а также нунций Апостольской столицы А. Маркетто, чтобы поздравить первого кардинала в истории существования Беларуси. А. Маркетто в своей речи подчеркнул: «Пурпур — это не только цвет кардинальской мантии, это — символ мученичества и крови, а поэтому и цвет костела на Беларуси, и цвет самой Беларуси, историческая жизнь которой — это путь тяжелых испытаний и страданий» [21, 1995, № 1-2, с. 6].

Стоит отметить, что впервые появилась предпосылка межконфессионального диалога в Республике Беларусь — присутствие на мероприятии митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси. Он лично поздравил кардинала, выразив пожелания, что отношения «двух великих конфессий» — православных и католи-

ков — будут и далее упрочняться для пользы всего христианского народа. В знак уважения Патриарший Экзарх всея Беларуси подарил кардиналу К. Свёнтеку символический подарок — икону Николая Чудотворца, почитаемого святого обеих конфессий [21, 1995, № 1-2, с. 7]. Межконфессиональный диалог и мир в стране очень важны, как не раз отмечал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Мы должны сделать все, чтобы главное наше достоинство — межконфессиональный мир — сохранить в Беларуси» [8].

Декан дипломатического корпуса, обращаясь к кардиналу, отметил, что для всего мира факт назначения белорусского кардинала — это в первую очередь гарантия прав человека в Республике Беларусь. Председатель Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Беларусь А. И. Жильский утверждал, что новая Конституция гарантирует свободу совести и религии не на словах, а на практике, о чем свидетельствовал бурный рост количества религиозных сообществ [21, 1995, № 1-2, с. 7].

Важное событие для католичества в Беларуси было проведено 10 декабря 1994 г. — международный симпозиум в Барановичах. Так как 1994 г. был объявлен Годом семьи, то организаторы выбрали темой симпозиума: «Семья — домашний храм». Мероприятие проходило в Барановичском доме офицеров и собрало около 700 гостей и участников — священников, ученых, врачей, журналистов и др. Открывал мероприятие отец Е. Мазур, были представлены несколько рефератов профессоров и сестер разных сообществ из Беларуси и Польши. После выступлений по программе симпозиума в зале Дома офицеров прошла месса за семьи Беларуси, которую проводил митрополит Минско-Могилевский, кардинал К. Свётек. Присутствовали также нунций Апостольской столицы архиепископ А. Маркетто, епископ А. Кашкевич, отец Е. Мазур и священники — участники симпозиума. Вторая часть мероприятия включала дискуссию по темам: помощь семьям, зависимым от алкоголя и наркотиков; образование в школе как помощь образования в семье; экуменическое образование через семью и для семьи; движения и организации на службе современной семьи [21, 1994, № 2, с. 6—10].

В заключение симпозиума выступил Апостольский нунций в Республике Беларусь А. Маркетто. Поблагодарив организаторов, он подчеркнул: «Каждый гражданин отвечает за общество, в котором он живет. Семья — это микромодель общества. Жить в семейном союзе и дать жизнь — это акт веры, надежды и любви. Это три базовых принципа, на которых должна основываться наша жизнь на пороге третьего тысячелетия. В Беларуси началось возрождение жизни костела, и я уверен, что возрождение костела произойдет только тогда, когда произойдет возрождение семьи...» [21, 1994, № 2, с. 10].

С приходом нового нунция в 1994 г. совпало возвращение католикам древнего кафедрального костела — «Матери костелов всея Беларуси» в Минске. В 1948 г. постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР собор был передан спортивному товариществу «Спартак», поэтому там размещался Дом физкультуры. Но уже в сентябре 1994 г. началась реставрация костела, а к Рождеству 1995 г. верующие спели «*Gloria In excelsis Deo!*» (Слава в вышних Богу) в своем соборе — «сердце католичества в Беларуси» [21, 1995, № 1-2, с. 8]. Кроме того, летом 1994 г. началось строительство костела в Полоцке, так как власти отдали верующим здание старого кинотеатра. Это подтверждает, что на смену атеизму пришла власть, ориентированная также и на конфессиональную политику в стране [21, 1995 г., № 1-2, с. 8—11].

В 1995 г. в журнале «*Ave Maria*» опубликовали послание Папы Иоанна Павла II детям от 13 декабря 1994 г. Это первый документ такого типа «в истории костела и человечества» [21, 1995, № 1-2, с. 20]. Послание стало «своеобразной сенсацией в мире» [21, 1995, № 1-2, с. 20—25]. Впервые объявлялись права детей, так как конкретно к ним был обращен официальный документ. К детям понтифик обращался как к полноценным собеседникам. Послание Иоанн Павел II писал перед католическим Рождеством Христовым, в конце года, объявленного Годом семьи. В католическом издании «*Ave Maria*» отмечалось, что «этот уникальный документ» стоит «над временем, он актуален и нужен будет всегда» [21, 1995, № 1-2, с. 20]. Множество газет, журналов во всем мире опубликовали не только послание Иоанна Павла II, но и полный выпуск журнала «*Ave Maria*», в котором рассказывалось о Рождестве Христовом, велась беседа с детьми на религиозную тему [21, 1995, № 1-2, с. 20—25].

Еще одним важным моментом для установления межконфессионального диалога послужила дата 16 сентября 1995 г. Экзарх всея Беларуси Филарет передал Священный огонь архиепископу Минско-Могилевскому кардиналу К. Свёнтеку, который паломники несли из Иерусалима три года, посещая все славянские страны. Митрополит Филарет передал Священный огонь со словами: «Пусть этот огонь свидетельствует о Божьей любви для всех христиан». Это был знак уважения и добрых намерений основной конфессии в стране к католической религии. Соответственно был сделан еще один серьезный шаг к межконфессиональному диалогу между религиями. Однако это не означало движение к экуменизму, как полагали некоторые христиане. Как свидетельствует история, моноконфессиональные страны были более сплоченными и устойчивыми к внешним угрозам. Беларуси как поликонфессиональной стране для устойчивости на международной арене важно сохранять вну-

треннюю стабильность, в том числе и с точки зрения религии, так как конфессиональный фактор также имеет влияние на внешнюю политику. Особенно важно это было для нашей молодой страны в 1990-е гг. Таким образом, главы Белорусской православной церкви и Римско-католического костела обеспечивали установление и сохранение межрелигиозного мира [21, 1995, № 11-12, с. 6].

25—29 сентября 1995 г. в Риме проходила международная конференция, посвященная проблемам посткоммунистического общества в Беларуси, Литве, Украине и Польше. В рамках конференции впервые граждане Республики Беларусь смогли побывать на аудиенции у Папы Римского Иоанна Павла II, отметившего: «Все время молюсь за Беларусь. За всех вас в Беларуси. Помните про это...» [21, 1995, № 11-12, с. 5]. Такое высказывание отражает хорошее отношение главы Ватикана к нашему государству и намерение продолжать сотрудничество [21, 1995, № 11-12, с. 4—5].

Следующее событие исторического значения, описанное журналом «*Ave Maria*», происходило 20 октября 1995 г. на факультете теологии в Минске, открытом митрополитом Филаретом 1 октября 1993 г. (в дальнейшем — Институт теологии БГУ). Беларусь стала первой из постсоветских республик, где обучались теологи на базе светского вуза [10]. При поддержке факультета теологии и оргкомитета Христианского образовательного фонда прошла презентация выставки книг издательства «Христианская Россия» (Милан, Италия). Вниманию посетителей была представлена литература (книги, журналы) на русском и итальянском языках теологической, философской и культурологической тематики. Основной задачей издательства на тот момент являлось религиозное и культурное знакомство Запада и Востока. На презентации выставки присутствовали Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Филарет, нунций Апостольской столицы А. Маркетто, директор издательства «Христианская Россия» Р. Скальфи. Со вступительной речью обратился декан богословского факультета Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Филарет, затем с приветствием выступил нунций А. Маркетто, подчеркнув историческую важность мероприятия: «Чтобы показать миру, что мы братья и сестры, нужно знать друг друга, так как невозможно любить, не зная друг друга... И на этом пути познания очень важной является работа представителей издательства...» [21, 1995, № 11-12, с. 8—9]. Работа издательства была очень важна для людей Западной Европы и представителей Востока в рамках знакомства с особенностями каждого направления [21, 1995, № 11-12, с. 8—9].

Молодежь — это будущее всех стран, поэтому с 1995 г. Католическая церковь начала организовывать встречи для молодежи. В таких

мероприятиях принимали участие молодые люди в возрасте от 15 лет до 21 года из разных уголков Беларуси. На встречах читали евангелический курс, знакомящий с основами католической веры, проводили концерты, спектакли, просмотры кинофильмов, встречи с православным священником и др. Кроме того, молодежь имела возможность встретиться с нунцием Апостольской столицы А. Маркетто [21, 1996, № 1, с. 14]. Полтора года нунций участвовал в многочисленных поездках по Беларуси и службах, встречался с верующими, молодежью. К 1996 г. количество католических религиозных общин достигло 372 [17].

8 июня 1996 г. в Минском соборе встречали третьего Апостольского нунция в Беларуси, архиепископа Д. Грушевского, назначенного папой римским 15 апреля 1996 г. (вручение верительных грамот официальным посланником Ватикана состоялось в резиденции Президента Республики Беларусь 22 мая 1996 г.) [21, 1996, № 6—7, с. 9], что отмечалось в общественно-политической газете «Советская Белоруссия». Как подчеркнул А. Г. Лукашенко в своей приветственной речи: «Моя цель как Президента республики состоит в том, чтобы объединять нацию вне зависимости от вероисповедания» [9, с. 1], добавив, что власти республики никогда не выделяли какую-либо из существующих в стране религий как главенствующую — все церкви действуют на равных правах, независимо от количества верующих, идентифицирующих себя с той или иной конфессией. Обращаясь с ответным словом к Главе белорусского государства, посланник Папы Иоанна Павла II выразил глубокое уважение всему белорусскому народу [9, с. 1].

15 августа 1996 г. префект Ватиканской конгрегации Восточных церквей кардинал А. Сильвестрини освятил в Могилеве греко-католическую часовню — первую униатскую святыню в городе. Приезд кардинала в Беларусь был связан с 400-й годовщиной заключения Брестской унии. 16 августа в Минске кардинал встретился с митрополитом Минско-Могилевским кардиналом К. Свёнтеком и Апостольским нунцием Д. Грушевским [21, 1996, № 8-9, с. 10]. Непосредственно в день 400-летия Брестской унии (18 октября) в маленькой приходской часовне в Минске служили мессу священники униатской (греко-католической) церкви. На службе также присутствовали нунций Святого Престола в Беларуси Д. Грушевский, президент Библейского общества Г. Родов, заместитель председателя Совета по делам религии В. Г. Павличенко и др. Апостольский нунций обратился к присутствующим с приветственной речью, поздравив всех верующих и духовенство с праздником. Юбилейное празднование продолжалось 9—10 ноября в Полоцке, Витебске и Лиде, 30 ноября — в Бресте [21, 1996, № 8-9, с. 10].

Подробнее можно остановиться на событии, произошедшем 28 сентября 1996 г. в Минском соборе Пресвятой Богородицы, — инаугурации синода Минско-Могилевской архиепархии и Пинской епархии [21, 1996, № 10, с. 5—11]. Это знаковый акт возрождения Католического костела в Беларуси, так как последний синод собирався в 1929 г. в Пинской епархии, после чего начался период атеизации. Впервые за долгие десятилетия в стенах старинного Минского собора собрались множество священников и гостей [21, 1996, № 10, с. 5—11]. Синод стал ярким свидетельством возрождения костела и подтверждением возрождения религиозной жизни в Беларуси [21, 1996, № 10, с. 5—11]. Среди обсуждаемых вопросов синода были проблемы Унии, образования и возрождение церкви.

Свое благословение всем участникам синода выслал Папа Иоанн Павел II. К присутствующим с приветственным словом обратился Патриарший Экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Слуцкий Филарет. Присутствующие расценили слова главы Православной церкви как еще один серьезный шаг к межконфессиональному диалогу. С приветственным словом обратился и папский нунций архиепископ Д. Грушевский, который привез послание из Рима от понтифика, отметив сам факт открытия работы синода. Вторым ярким моментом нунций отметил присутствие православного владыки Филарета как факт сближения Католического костела и Православной церкви, которые работают над формированием моральности человека. Кроме того, нунций обратился с наилучшими пожеланиями к белорусскому костелу. Приветствовали участников данного мероприятия кардинал К. Свёнтек, епископ Гродненской епархии, ксендз А. Кашкевич и апостольский визитер для греко-католиков Беларуси, архимандрит С. Гаек [21, 1996, № 10, с. 5—11].

В 1997 г. начался период подготовки к юбилею 2000 г. Надо отметить, что этот год не был богат на совместные мероприятия Беларуси и Ватикана. Вместе с тем состоялся визит кардинала К. Свёнтека и епископа Гродненской епархии А. Кашкевича в Рим для совершения паломничества к гробницам святых апостолов. Это обязательство имеет многовековую традицию и предусмотрено Кодексом канонического права. Епископы всегда прибывали в Рим, чтобы своей молитвой возле гробницы святых апостолов выказать единство с костелом. Визит епископов из Беларуси особенный, так как он являлся первым за всю историю Минско-Могилевской архиепархии и Гродненской епархии. Как отметил К. Свёнтек, суть визита — это знак единства и сплоченности местной католической церкви отдельной страны с общим костелом [21, 1997, № 11-12, с. 5—11].

В своем послании от 23 марта 1997 г. папа римский вновь обратился к кардиналу К. Свёнтеку в связи с отправлением фигуры

Фатимской Божией Матери в приходы Пинской и Гродненской епархии и Митрополии Минско-Могилевской. По обыкновению Иоанн Павел II передал всему белорусскому народу Апостольское благословение [21, 1997, № 11-12, с. 3].

Символом возрождения католичества в Беларуси и событием исторического значения можно назвать повторное освящение Собора Пресвятого Имени Пресвятой Девы Марии — 21 октября 1997 г. в Минске, когда в нем служили первую мессу. Архиепископ Минско-Могилевской архиепархии К. Свёнтек приветствовал гостей: кардинала Э. К. Шока — специального посланника Папы Иоанна Павла II на повторное освящение Минского собора, кардиналов Ю. Глемпа, Предстоятеля Польши, митрополита Вроцлавского Г. Гульбиновича, Апостольского нунция в Республике Беларусь, архиепископа Д. Грушевского, архиепископов и епископов из Беларуси и России, Апостольского администратора для католиков Европейской части России П. Джила, Апостольского визитатора Греко-католической церкви в Беларуси, архимандрита С. Гаека, представителя митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, протоиерея Г. Дичковского, представителя государственной власти А. Билыка [21, 1997, № 11-12, с. 3-7].

Историческое значение события глава Святого Престола подчеркнул в своем послании, которое прочитал на белорусском языке кардинал Э. К. Шока. Кардинал также передал подарки от папы римского для обновленного собора — золотую чашу и ризу «как знак духовного единства Святого Отца с костелом в Беларуси, со всеми его верующими» [21, 1997, № 11-12, с. 4-7].

В 1997 г. после инаугурации синода Минско-Могилевской архиепархии и Пинской епархии 29—30 сентября в Минске состоялась первая пленарная сессия Синода с участием 51 делегата из 57 выбранных. Все участники первой сессии синода разделялись на пять тематических секций, на которых детализировано рассматривали подготовленные проекты, формулировали предложения к ним. После завершения работы на семантических секциях прошло голосование, в результате которого были приняты два синодальных устава [21, 1998, № 12, с. 18-19].

2—3 марта 1998 г. в Барановичах прошла вторая пленарная сессия синода Минско-Могилевской архиепархии и Пинской епархии. В работе сессии принимали участие кардинал К. Свёнтек, священники, участники синода, верующие и нунций Апостольской столицы Д. Грушевский [1].

Важным аспектом отношений Беларуси и Святого Престола является паломничество обычных верующих. «Историческое паломничество» [21, 1998, № 12, с. 1] в Ватикан состоялось 17—18 октября 1998 г. по случаю

20-летия понтификата Иоанна Павла II. Почти 1000 верующих и священников из Беларуси приняли в нем участие, попав на специальную аудиенцию к папе римскому и поучаствовав в папской мессе на площади Святого Петра. На аудиенции понтифик тепло приветствовал кардинала К. Свёнтека, священнослужителей и всех паломников: «С большой радостью и волнением приветствую вас, дорогие паломники из Беларуси» [21, 1998, № 12, с. 1]. На аудиенции также присутствовали кардинал Э. К. Шока, кардинал А. Д. Мэйда из США, отмеченные благодарностью Иоанна Павла II: «За то, что они почувствовали себя как бы объединенными с этим первым белорусским паломничеством в Ватикане» [21, 1998, № 12, с. 1]. Папа римский вспомнил о тяжелых временах СССР для верующих и костела, благословил всех присутствующих и их семьи. Глава Ватикана выразил свои добрые пожелания нашему государству: «Я желаю вашей стране всего доброго, а прежде всего успешного духовного и материального развития» [21, 1998, № 12, с. 1-2]. Кроме того, он отметил, что не против визита в Республику Беларусь: «Получаю от вас множество писем, в которых вы приглашаете меня посетить Беларусь... Возможно, Божье Провидение позволит мне когда-нибудь ответить на дорогое мне приглашение. Будем надеяться, что это произойдет» [21, 1998, № 12, с. 2]. Кардинал К. Свёнтек, обратившись с приветственным словом к Иоанну Павлу II, просил признать паломничество как «знак возрождения костела в Беларуси» [21, 1998, № 12, с. 2].

1999 г. был юбилейным для кардинала К. Свёнтека, который отмечал свою 60-ю годовщину священнического рукоположения. Этот юбилей был объединен с профессиональным Конгрессом, который начался в Пинской епархии, а завершил свою работу в Минске [21, 1999, № 5-6, с. 6-9].

Поздравить кардинала 10 апреля 1999 г. в Минский собор прибыли Т. Кондрусевич, Апостольский нунций Д. Грушевский и католическое священство [21, 1999, № 5-6, с. 6-7].

В связи со своим юбилеем кардинал К. Свёнтек передал послание папе римскому, в котором благодарил главу Святого престола в том числе «за назначение на пастырское служение в костеле в Беларуси» и пожалование сана кардинала. Письмо кардинала К. Свёнтека нунций Апостольской столицы Д. Грушевский лично передал понтифику. В ответ на письмо Иоанн Павел II передал свое послание, в котором он поздравлял кардинала [21, 1999, № 5-6, с. 9].

В очередном номере журнала была опубликована речь Апостольского нунция архиепископа Д. Грушевского в связи с трагедией, случившейся 30 мая в центре Минска. Вечером в подземном переходе на станции метро «Немига» погибли 52 человека и около 400 были ранены. В своей речи Д. Грушевский описал все произошедшее 30 мая, заверил: «Католиче-

ский костел вместе со всем народом разделил боль трагедии» [21, 1999, № 7, с. 6], и молился о погибших. Так, 1 июня (а также и весь месяц) в Минском соборе совершалась траурная месса, что свидетельствует об искреннем сочувствии белорусскому народу [21, 1999, № 7, с. 6].

Кроме того, была опубликована речь Государственного секретаря, кардинала А. Садано о том, что папа римский с болью воспринял драматическую новость о массовой гибели людей, доверив нунцию передать родным и близким жертв трагедии слова сочувствия. Глава костела в «горячей молитве за множество погибших» выразил благодарность всем, кто «не жалея себя, спасал потерпевших», посылая всем «специальное Апостольское благословение» [21, 1999, № 7, с. 7].

В 2000 г. мир проживал историческое воспоминание Рождества Христова. Это великое событие для всех христиан отмечалось в каждой конфессии. Католики начали празднование 24 декабря 1999 г., когда понтифик открыл врата в базилике Святого Петра и еще в трех патриархальных базиликах Рима [21, 2000, № 1-2, с. 12].

В Республике Беларусь отмечали этот праздник в каждом костеле. Так, например, открытие юбилея состоялось в четырех кафедральных костелах (в Минске, Гродно, Пинске и Витебске) мессой 25 декабря и вручением делегациям приходов юбилейных крестов.

К 2000-летию христианства в Республике Беларусь банк выпустил памятные монеты, в том числе и для католической церкви: серебряные монеты номиналом 20 руб. до 5000 шт., а также медно-никелевую монету номиналом 1 руб. С одной стороны на монете изображен Государственный герб Республики Беларусь с выведенными по кругу надписями: в верхней части — «Республика Беларусь», в нижней — «Дваццаць рублёў», с другой стороны изображены три белорусских костела: Пинский, Гродненский и Минский, а также надпись «2000-годдзе Хрысціянства» [15].

В праздновании принимало участие также руководство нашей страны. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 4 июня 1998 г. № 292 «О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства» был образован национальный организационный комитет. Кроме того, была поставлена задача республиканским органам государственного управления, местным исполнительным и распорядительным органам оказывать содействие национальному организационному комитету по подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства [13].

В рамках празднования юбилейного 2000 г. в Риме состоялся Международный день молодежи (15–20 августа), на который отправились около 600 паломников из Беларуси. Программой было предусмотрено знакомство с Италией и ее жителями, посещение всемирно известных религиозных центров и встреча с понтификом. Целью Международного дня молодежи была общая месса, возглавляемая Иоанном Павлом II. На Международный день молодежи приехали 2,5 млн паломников с пяти континентов, а присутствие делегации нашей страны свидетельствовало о хороших взаимоотношениях Ватикана с Республикой Беларусь [21, 2000, № 9-10, с. 6–7].

Завершение великого юбилея 2000-летия христианства происходило 6 января 2001 г. в Ватикане на площади Святого Петра перед мессой. В костелах Беларуси прошли мессы, посвященные завершению юбилея 5 января 2001 г. [21, 2001, № 1, с. 5].

Таким образом, межгосударственные отношения Беларуси и Ватикана с 1994 г. до начала нового тысячелетия развивались достаточно умеренно. Этот период можно назвать первым этапом в истории дипломатических отношений Святого Престола и Республики Беларусь. На данном этапе в Беларуси появился «голос католической церкви» — журналы, издаваемые при поддержке Минско-Могилевской архиепархии, основным из которых является журнал «*Ave Maria*», выпускаемый в целях популяризации католической веры и формирования социальных и нравственных идеалов общества. Кроме того, была перенесена из Ватикана в Минск нунциатура и состоялась первая встреча Президента Республики Беларусь с нунцием при вручении верительных грамот. В Беларусь прибыл первый кардинал, который совместно с Экзархом всея Беларуси Филаретом помогал установлению межконфессионального диалога. Нередкими стали визиты специальных посланников Ватикана и совместные международные конференции. С 1996 по 2000 г. проходил первый Синод как наиболее яркое свидетельство возрождения костела в Беларуси. Иными словами, начали выстраиваться отношения взаимопонимания и сотрудничества между странами, важным аспектом которых является также взаимодействие глав двух государств посредством обмена посланиями с выражением добрых пожеланий и приглашением для посещения. Одним из основных источников не только католических новостей, но и новостей о межгосударственных взаимоотношениях Беларуси и Ватикана являлся в вышеуказанный период журнал «*Ave Maria*».

Список использованных источников

1. Аднова сям'і — неабходная ўмова адраджэння веры і Касцёла // Каталіцкія навіны. — 1998. — № 3-4. — С. 8–9.
2. Выступление Нунция Йозича по случаю 30-летия установления дипломатических отношений между Святым Престолом и Республикой Беларусь // Каталіцкі Касцёл у Беларусі. — URL: <https://catholic.by/3/news/belarus/15205->

3. slova-nuntsyya-jozicha-z-nagody-30-goddzya-z-chasu-stalyavannya-dyplamatychnykh-adnosin-pamizh-svyatym-pasadam-i-respublikaj-belarus-by-ru (дата обращения: 06.05.2024).
3. Даклад кс. Віктара Гайдукевіча SDB на тэму гісторыі дыпламатычных адносін Святога Пасаду і Рэспублікі Беларусь // Официальный католический сайт. — 08.10.2017. — URL: <https://catholic.by/3/news/belarus/6676-daklad-ks-viktara-gajdukevicha-sdb-na-temu-gistoryi-dyplamatychnykh-adnosin-svyatoga-pasadu-i-respubliki-belarus> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Казакова, Т. С. Православно-католический диалог в конце XX века / Т. С. Казакова // Вестн. Волжск. ун-та им. В. Н. Татищева. — 2011. — № 7. — С. 203—209.
5. Кожич, Н. М. Церковно-государственные отношения: история и современность / Н. М. Кожич // Труды БГТУ. Серия: История, философия. — 2011. — № 5. — С. 117—119.
6. Коласуонно Франческо // Православная энциклопедия. — URL: <https://www.pravenc.ru/text/1841730.html> (дата обращения: 29.04.2024).
7. Ларионов, Д. Г. Развитие отношений между Ватиканом и Республикой Беларусь / Д. Г. Ларионов // Пічэтаўскія чытанні — 2019: універсітэцкая навука і гістарычная адукацыя ў Беларусі XX — пачатку XXI ст. Да 85-годдзя стварэння гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 23—24 кастр. 2019 г. — Мінск: БДУ, 2019. — С. 185—190.
8. Лукашенко: мы должны сделать все, чтобы сохранить в Беларуси межконфессиональный мир // БЕЛТА. — 25.06.2021. — URL: <https://belta.by/president/view/lukashenko-my-dolzhny-sdelat-vse-chtoby-sohranit-v-belarusi-mezhkonnatsyonalny-mir-447628-2021/> (дата обращения: 25.04.2024).
9. Милицин, В. Посланик Святого Престола вручил верительные грамоты Президенту / В. Милицин // Сов. Белоруссия. — 23.05.1996. — С. 1.
10. Митрополит Филарет — Апостол новейшего времени // Агентство «Минск-Новости». — 20.03.2015. — URL: <https://minsknews.by/mitropolit-filaret-apostol-noveyshego-vremeni/> (дата обращения: 24.04.2024).
11. Михалькевич, Г. Н. Диалог между Беларусью и Ватиканом: пересечение интересов и мнений / Г. Н. Михалькевич // Труды фак. междунар. отношений БГУ. Вып. 4. — 2013. — № 4. — С. 7—11.
12. Об истории отношений России (СССР) и Ватикана // РИА новости. — 04.07.2019. — URL: <https://ria.ru/20190704/1556112718.html> (дата обращения: 20.04.2024).
13. О подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию 2000-летия христианства: Указ Президента Респ. Беларусь от 4 июня 1998 г. № 292 // КонсультантПлюс. Беларусь (дата обращения: 10.04.2024).
14. О торжественном мероприятии по случаю 30-летия установления дипломатических отношений между Беларусью и Ватиканом // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. — 11.11.2022. — URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/d075c285b41d7879.html (дата обращения: 10.04.2024).
15. Памятные монеты, посвященных 2000-летию Христианства (для католической конфессии) // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: <https://www.nbrb.by/coinsbanknotes/coins/commemorative/20> (дата обращения: 29.04.2024).
16. Пресса // Pro-christo: вытворчае унітарнае прадпрыемства Мінска-Марілёўскай архідыяцэзіі. — URL: <https://pro-christo.catholic.by/ru/press.htm> (дата обращения: 10.04.2024).
17. Сведения о количественном росте религиозных общин в Республике Беларусь (1996—2024 годы) // Уполномоченный по делам религий и национальностей. — URL: <https://belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kolichestvennom-roste-religioznyh-obshhin-v-respublike-belarus-1996-2020-gody> (дата обращения: 06.05.2024).
18. Шниткова, Д. С. Дипломатическая служба Ватикана на современном этапе / Д. С. Шниткова // Дипломатические чтения: материалы науч.-практ. конф., Минск, 20 окт. 2022 г. — Минск: БГУ, 2023. — С. 100—105.
19. Ярмусик, Э. С. Римско-католическая церковь в новейшей истории Беларуси / Э. С. Ярмусик // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава: зб. навук. арт. — Гродна: ГрДУ імя Янкі Купалы, 2021. — С. 360—364.
20. Ярмусик, Э. С. Советско-ватиканские отношения: от конфронтации к диалогу / Э. С. Ярмусик // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». — 2004. — № 6. — С. 8—12.
21. Ave Maria: католический религиозный журнал. — 1994—2000.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2024 г., доработана в декабре 2024 г.

КИТАЙСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2014—2021 гг.

Ван Ифу

В статье анализируется развитие китайско-афганских отношений с 2014 по 2021 г. Определяются роль и политическая позиция Китая по «афганскому вопросу» на основании анализа развития китайско-афганских политических отношений, многостороннего политического сотрудничества с участием Китая и Афганистана, а также китайско-афганского торгово-экономического и культурного сотрудничества. В рассматриваемый период Китай активизировал стратегическое партнерство с Афганистаном в целях достижения нормализации ситуации в стране и решения проблем безопасности, что также отразилось на росте товарооборота и развитии культурных связей. Китайское правительство руководствовалось принципами равенства, инклюзивности и взаимовыгодных отношений, не вмешивалось во внутренние дела Афганистана, оказывало помощь стране в достижении поэтапного стабильного развития и мирного восстановления, что, по мнению автора, является долгосрочной проблемой для дипломатии Китая и заслуживает дальнейших исследований и анализа.

Ключевые слова: Афганистан; двусторонние отношения; Китай; китайская дипломатия; политические отношения.

«China-Afghanistan Relations in 2014—2021» (Wang Yifu)

The article analyses the development of China-Afghanistan relations between 2014 and 2021. It defines China's role and political stance on the «Afghan issue» by analysing Sino-Afghan political relations, multilateral political cooperation involving the two countries, and Sino-Afghan trade, economic, and cultural exchanges. During the period under review, China intensified its strategic partnership with Afghanistan to promote stability and address security concerns within the country. This also facilitated the growth of trade and cultural ties. The Chinese government, guided by the principles of equality, inclusiveness, and mutually beneficial relations, refrained from interfering in Afghanistan's internal affairs and supported the country's pursuit of gradual, stable development and peaceful reconstruction. This, the author argues, presents a long-term challenge for Chinese diplomacy and warrants further research and analysis.

Keywords: Afghanistan; bilateral relations; China; Chinese diplomacy; political relations.

Афганистан является традиционным дружественным соседом Китая, гармоничные обмены между двумя странами развивались более 2000 лет. После провозглашения Китайской Народной Республики 1 октября 1949 г. Афганистан был одной из стран, признавших ее и установивших с ней дипломатические отношения. На протяжении 70 лет добрососедство и дружба всегда были важными в развитии и укрепления китайско-афганских отношений. Будучи «перекрестком» Азии, Афганистан является исторически важным узлом древнего Шелкового пути и ключевым районом торговых и культурных обменов в Евразии. Значение Афганистана для Китая определяется, прежде всего, следующими факторами: безопасность и стабильность в регионе и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР), экономические интересы, в том числе связанные с богатыми месторождения-

ми полезных ископаемых, и инвестиции. Особо можно отметить инициативу «Один пояс, один путь», с выдвижением которой в 2013 г. геополитический статус Афганистана стал еще более заметным. Участие в данной инициативе могло содействовать реинтеграции страны в региональную торговлю.

Эволюция ситуации в Афганистане неизбежно оказывает влияние на китайско-афганские отношения и ситуацию в регионе. В связи с этим важными являются изучение опыта двусторонних отношений и их среды, оценка ситуации и мер эффективного реагирования на возможности и вызовы на новом этапе восстановления Афганистана.

В связи с этим в последние годы отношения между Китаем и Афганистаном стали актуальной темой для изучения экспертами и учеными всего мира. Политика Китая в отношении Афганистана в XXI в. отражена в некоторых

Автор:

Ван Ифу — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: vesselness@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Wang Yifu — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: vesselness@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

научных публикациях китайских авторов. Лю Сюй оценил ожидания Афганистана в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в новую эпоху [13], Чэнь Юйсинь проанализировал возможности китайско-афганского экономического и торгового сотрудничества в контексте национального восстановления Афганистана [30], Шэнь Дэчан изучил новые политические изменения в Афганистане и контрмеры Китая [34]. Многие российские ученые также пришли к важным выводам в изучении китайско-афганских отношений. А. Ф. Клименко изучил новые реалии Китая, России и других членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Афганистане [11], Г. А. Сизов оценил изменение роли Китая в Афганистане и безопасности в Центральной Азии [20], С. В. Черняева и Е. В. Журавлёва рассмотрели роль ШОС в контексте «афганского вопроса» [23].

При подготовке данной статьи были использованы различные категории источников: официальные документы, отражающие состояние и развитие китайско-афганских отношений (декларации, совместные заявления и др.) [1; 7; 8; 10; 24], а также материалы официальных сайтов государственных органов и информационных агентств, касающиеся внешнеполитической деятельности КНР [2–5; 12; 15–19; 25; 26; 29; 31; 35; 36], официальные документы Генеральной Ассамблеи ООН по Афганистану [14; 38] и др.

Цель данной статьи — охарактеризовать двустороннее и многостороннее сотрудничество Китая и Афганистана в период 2014–2021 гг., его содержание и тенденции на основе исследования ключевых событий, документов и концепций Китая в отношении Афганистана.

Нижняя граница исследования (2014 г.) обусловлена официальным завершением боевой операции «Несокрушимая свобода» Международных сил содействия безопасности НАТО в Афганистане, что привело к значительному сокращению воинского контингента США и их союзников и, как следствие, к росту политической и экономической неопределенности. Это, в свою очередь, стало причиной активизации китайско-афганских отношений. Верхняя граница исследования (2021 г.) определяется сменой власти в Афганистане и возвращением талибов.

Развитие политических отношений между Китаем и Афганистаном. Политическое значение Афганистана для Китая возросло в 2013 г., когда Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь» [35]. Будучи важным регионом маршрута древнего Шелкового пути и транспортным узлом, Афганистан занимает стратегическое место в совместном строительстве инициативы «Один пояс, один путь». Афганское руководство неоднократно заявляло о своей поддержке этой инициативы Китая и демонстрировало готовность участвовать в ней [9, с. 12]. В связи с этим в сентябре 2013 г. во время визита президента Афганистана Х. Карзая в Ки-

тай стороны опубликовали Совместное заявление об углублении стратегического партнерства между Китаем и Афганистаном и подписали ряд документов о сотрудничестве [24].

В июле 2014 г. Министерство иностранных дел КНР впервые назначило специального посланника по Афганистану, что свидетельствовало о большом значении для Китая ситуации в Афганистане и китайско-афганских отношений. Таким образом, можно говорить о выходе отношений между двумя странами на новый уровень.

Ежегодно проходили встречи на высшем уровне, в рамках которых принимались важные политические решения.

3 ноября 2015 г. президент Исламской Республики Афганистан А. Гани встретился с заместителем председателя КНР Ли Юаньчао в Кабуле. Ли Юаньчао передал А. Гани послание от председателя КНР Си Цзиньпина, а также гуманитарную помощь в дополнение к решению правительства КНР предоставить 1 млн дол. США в качестве чрезвычайной денежной помощи для ликвидации последствий землетрясения и стихийного бедствия. Было отмечено, что Китай будет поддерживать усилия афганского правительства по продвижению внутреннего мира, стабильности и развития, укреплять практическое сотрудничество между двумя странами в различных областях и способствовать дальнейшему развитию китайско-афганского стратегического партнерства [3].

В мае 2016 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании между Китаем и Афганистаном по совместному продвижению строительства инициативы «Один пояс, один путь», направленный на укрепление сотрудничества в области координации политики, развития инфраструктуры, экономики, торговли и инвестиций, энергетики и других областях, а также обеспечение институциональной основы для сотрудничества между двумя странами в рамках инициативы. Стоит отметить, что Генеральная Ассамблея ООН в 2016 г. приняла резолюцию 71/9 по Афганистану с призывом к международному сообществу укреплять консенсус по оказанию помощи этой стране. Резолюция приветствовала инициативы экономического сотрудничества, такие как инициатива «Один пояс, один путь», и настоятельно призвала все стороны обеспечить безопасную среду для ее строительства и совместно содействовать безопасности, стабильности, развитию и процветанию Афганистана [14].

8 июня 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин встретился с президентом Исламской Республики Афганистан А. Гани в Астане. Си Цзиньпин подчеркнул, что китайско-афганские отношения сохраняют хорошую динамику развития. Две страны часто осуществляли обмены на всех уровнях, углублялось сотрудничество в различных областях, был достигнут позитивный прогресс в совместном строительстве

инициативы «Один пояс, один путь». Отмечалась необходимость активно реализовывать Меморандум о взаимопонимании по совместному продвижению строительства инициативы (май 2016 г.) и другие соглашения о практическом сотрудничестве и неуклонно продвигать китайско-афганские проекты. Кроме того, предусматривалось, что стороны будут укреплять сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. Китай одобрял усилия афганского правительства по поддержанию внутренней безопасности и был готов продолжать помогать афганской стороне в укреплении соответствующего потенциала [18].

10 июня 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин встретился с президентом Исламской Республики Афганистан А. Гани в китайском городе Циндао. Си Цзиньпин подчеркнул, что основой долгосрочного мира и стабильности в Афганистане является поддержание процесса политического примирения, «возглавляемого афганцами и принадлежащего афганцам»: «Китай поддерживает афганское правительство в продвижении процесса примирения и решении афганской проблемы путем политического диалога» [17].

Данные принципы были подтверждены и на следующей встрече председателя КНР Си Цзиньпина с президентом Исламской Республики Афганистан А. Гани в Бишкеке 13 июня 2019 г. Китай поддерживал инклюзивный процесс примирения «под руководством и принадлежностью афганцев» и был намерен продолжать активно содействовать миру и переговорам по различным каналам, чтобы помочь афганскому народу осуществить внутренний диалог [19]. На встрече особо отмечалось, что Китай продолжит поддерживать Афганистан и Пакистан в улучшении отношений, укреплении взаимного доверия и сотрудничестве, а также углубленном продвижении трехстороннего сотрудничества между Китаем, Афганистаном и Пакистаном.

В августе 2020 г. государственный советник и министр иностранных дел КНР Ван И провел беседу с исполняющим обязанности министра иностранных дел Исламской Республики Афганистан М. Х. Атмаром и подробно изложил позицию Китая по вопросу о мире в Афганистане. Ван И отметил, что, будучи самым надежным соседом Афганистана, Китай больше, чем любая другая страна, надеется на мир, стабильность, восстановление и развитие Афганистана. Китайская сторона отметила принципы внутриафганского урегулирования: ответственность афганского народа в решении будущего страны, приоритет мира в политическом урегулировании, инклюзивность для стабильности и единства, мирную и дружественную внешнюю политику, борьбу с терроризмом. Китай также выразил готовность продолжать играть активную роль в посредничестве для реализации внутриафганского диалога [4].

В июле 2021 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент Исламской Республики Афганистан А. Гани провели телефонный разговор. Главы двух государств отмечали сотрудничество и помощь друг другу после вспышки эпидемии коронавируса, а также решимость защищать национальный суверенитет, независимость и территориальную целостность [15]. Важно отметить, что в том же месяце глава политического комитета афганских талибов А. Г. Барадар возглавил делегацию в КНР, с которой встретился государственный советник и министр иностранных дел КНР Ван И. В рамках данной встречи китайская сторона подтвердила, что Китай уважает суверенитет, независимость и территориальную целостность Афганистана, придерживается позиции невмешательства во внутренние дела этой страны и выступает за укрепление сотрудничества в борьбе с терроризмом. Позиция Китая по вопросам примирения в Афганистане была оценена талибами как справедливая и позитивная [5]. Данная встреча продемонстрировала прагматичное отношение китайского руководства к урегулированию конфликта в Афганистане на широкой основе и с учетом интересов различных политических сил. Подобный подход открывал возможность более активного участия Китая в будущем восстановлении страны после возвращения к власти движения «Талибан» 15 августа 2021 г.

Таким образом, после 2014 г. Китай начал играть все более важную роль в афганском мирном процессе, а китайско-афганские политические отношения заметно интенсифицировались. В связи с концепцией построения «общей судьбы человечества» отношения с соседями стали одним из ключевых стратегических направлений китайской дипломатии. В период с 2014 по 2021 г. Китай и Афганистан продолжали углублять политические отношения. Китай выражал готовность содействовать мирному процессу в качестве посредника, оказывать политическую, экономическую и гуманитарную помощь, опираясь на принцип невмешательства во внутренние дела Афганистана. Позиция Китая по Афганистану была неизменной на протяжении рассматриваемого периода и позитивно воспринималась афганцами [34].

Участие Китая и Афганистана в укреплении многостороннего политического сотрудничества в решении проблем. Политическое взаимодействие Китая и Афганистана укреплялось и углублялось также через механизмы многостороннего сотрудничества.

В рассматриваемый период Китай и Афганистан осуществляли сотрудничество в рамках ООН и других международных организаций. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН, Китай активно участвовал в мирном процессе в Афганистане, продвигаемом ООН. Постоянный представитель КНР при ООН Чжан Цзюнь в своих выступлениях не-

однократно всесторонне излагал позицию страны по «афганскому вопросу», заявляя, что Китай твердо поддерживает мирный процесс в Афганистане, ускорение восстановления и интеграцию в региональное сотрудничество. С учетом того, что Афганистан находился на критическом этапе развития, Китай выступал за то, чтобы ООН играла более активную роль в решении «афганского вопроса» (заявление от 16 апреля 2020 г.) [26], а международное сообщество более энергично продвигало процесс мира и примирения в Афганистане (заявление от 23 июня 2021 г.) [28].

Укрепление многостороннего сотрудничества в области безопасности и борьбы с терроризмом приобрело большую актуальность. Ситуация в Афганистане влияла на внутривнутриполитическую стабильность самого Китая, особенно СУАР. Пекин опасался, что «нестабильная ситуация в Афганистане позволит боевикам шире использовать афганскую территорию для планирования нападений на территорию Китая и активизации наркотрафика в стране» [23, с. 537]. Районы проживания национальных меньшинств в Западном Китае имеют много общего с Афганистаном с точки зрения этнического состава, культуры и религии. Экстремистские религиозные течения в Афганистане оказали определенное влияние на Западный Китай: уйгурские экстремисты проходили подготовку в лагерях талибов в Афганистане, в стране осуществляла деятельность террористическая организация «Исламская партия Туркестана» [21, с. 18]. В Афганистане частые террористические инциденты, такие как вооруженные нападения, ракетные обстрелы, убийства и похищения, совершенные различными антизападными и антиправительственными вооруженными группами и неизвестными, приводили к большому количеству жертв, включая американские войска, «коалиционные силы» и гражданское население.

После 2014 г. боевая миссия Международных сил содействия безопасности НАТО в Афганистане во главе с США официально завершилась. Осталась лишь небольшая часть солдат для оказания поддержки и помощи афганским национальным силам безопасности, и ситуация с безопасностью в Кабуле, крупных городах и соседних провинциях начала резко ухудшаться. Постоянно совершались теракты против иностранцев, иностранных учреждений, военных объектов и важных правительственных ведомств. По соображениям безопасности Миссия ООН по содействию Афганистану (МООНСА) в 2015 г. вывела свой персонал из четырех провинций и одновременно оценила более половины административных районов страны как подверженных высокому или очень высокому риску, что стало самой масштабной эвакуацией и самым высоким уровнем риска за всю историю [37]. Помимо террористической угрозы, нелегальная

иммиграция и трансграничная контрабанда наркотиков и оружия также являлись важными вопросами, затрагивающими безопасность двух стран. Китай выступал против терроризма во всех его формах и предлагал устранить его симптомы и коренные причины, а также укрепить международное сотрудничество в деле борьбы с терроризмом.

Китай позитивно воспринимал желание Афганистана расширять участие в международных, региональных и субрегиональных организациях. 7 июня 2012 г. Афганистан был принят в качестве государства — наблюдателя в ШОС, что было высоко оценено ООН [38]. Этот шаг свидетельствовал о расширении диалога и сохранении открытости ШОС, что позволяло еще больше укрепить способность организации участвовать в региональных международных делах [31]. Деэскалация ситуации вокруг Афганистана как государства — наблюдателя ШОС была возможна лишь при содействии со стороны России, Китая и других участников Организации в восстановлении экономики и стабилизации обстановки в стране [11, с. 163]. В декабре 2015 г. Афганистан вступил во Всемирную торговую организацию, что также приветствовало китайское правительство [22].

Китай принимал участие в Стамбульском процессе — региональной инициативе, предложенной Афганистаном и Турцией в 2011 г. в качестве площадки для политического диалога и регионального сотрудничества по установлению мира в Афганистане и регионе. В октябре 2014 г. в Пекине состоялась четвертая встреча министров иностранных дел Стамбульского процесса по Афганистану, по результатам которой была опубликована Пекинская декларация. В документе подчеркивалась роль Афганистана в концепции континентального моста «азиатского центра», соединяющего Южную и Центральную Азию, Европу и Ближний Восток. Декларация поддерживала новое правительство национального единства Афганистана в реализации его видения как регионального торгового и транзитного узла и играла роль конструктивного инструмента по укреплению региональной безопасности и стабильности [1].

Китай и Афганистан сотрудничали и на других площадках. К числу основных организаций регионального сотрудничества с участием Афганистана относятся Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии, зона свободной торговли стран Южной Азии, Организация экономического сотрудничества, Центральнаяазиатская программа регионального экономического сотрудничества, Форум по транспорту и торговле Центральной и Южной Азии и др. Китай является членом или наблюдателем всех вышеуказанных организаций.

Активно развивался трехсторонний диалог министров иностранных дел КНР, Исламской Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан.

В феврале 2015 г. Китай, Афганистан и Пакистан провели углубленный обмен мнениями по ситуации в Афганистане и регионе, обсудили трехстороннее практическое сотрудничество, договорились о совместной работе по поддержанию мира и стабильности в Афганистане и регионе при ключевой роли афганского правительства. Стороны также подтвердили, что терроризм, экстремизм и сепаратизм представляют серьезную угрозу безопасности и стабильности, договорились продолжать и углублять сотрудничество в области борьбы с терроризмом и безопасности [32].

Первая встреча министров иностранных дел КНР, Исламской Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан прошла 26 декабря 2017 г. в Пекине. Китай выразил готовность рассматривать Афганистан и Пакистан в качестве важных партнеров по сотрудничеству и прилагать активные усилия для стабильности, безопасности и развития Афганистана, Пакистана и региона в целом [33]. 15 декабря 2018 г. в Кабуле был проведен второй трехсторонний диалог министров иностранных дел КНР, Исламской Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан. Было принято решение о развитии таких механизмов, как стратегический диалог и консультации по вопросам безопасности в борьбе с терроризмом на уровне заместителей министров иностранных дел и диалог о практическом сотрудничестве на уровне департаментов и бюро [10].

7 сентября 2019 г. в Исламабаде состоялся третий диалог министров иностранных дел КНР, Исламской Республики Афганистан и Исламской Республики Пакистан. Главы МИД трех стран договорились содействовать достижению прочного мира и стабильности в Афганистане в рамках процесса примирения под руководством афганцев, сотрудничать со Всемирным банком и другими международными финансовыми учреждениями в реализации проектов по соединению трех стран, а также развивать сотрудничество в борьбе с терроризмом [9, с. 12].

3 июня 2021 г. Китай, Афганистан и Пакистан провели четвертый трехсторонний диалог министров иностранных дел по видеосвязи. Три стороны подчеркнули, что безопасность Афганистана прямо повлияет на стабильность и экономическое процветание всего региона, а также отметили поддержку многосторонних усилий (в том числе в рамках ООН и ШОС) по продвижению процесса примирения в Афганистане [8].

В рамках этих встреч китайское руководство придерживалось своей линии поддержки процесса политического примирения, который «принадлежит афганцам и возглавляется афганцами», и играло активную роль в содействии улучшению отношений между Афганистаном и Пакистаном, в том числе в сфере экономики [7]. Так, Соглашение о транзитной

торговле между Афганистаном и Пакистаном, подписанное в октябре 2010 г. и направленное на углубление торговых отношений, по мнению китайского руководства, косвенно позволило улучшить отношения Китая с Пакистаном и Индией путем снижения напряженности в регионе. В 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин и премьер-министр Республики Индия Н. Моди в ходе встречи в Ухане отметили, что совместное участие в экономических проектах Афганистана имеет стратегическое значение, не только укрепит доверие между Индией и Китаем, но и внесет значительный вклад в мирное развитие пострадавшего от войны Афганистана [16].

Таким образом, в рассматриваемый период Китай и Афганистан в полной мере использовали многосторонние механизмы ООН, ШОС, других субрегиональных организаций, трехсторонний китайско-афгано-пакистанский механизм для дальнейшего укрепления связей и сотрудничества в борьбе с террористическими организациями, содействия социально-экономическому развитию Афганистана и улучшения жизни афганского народа.

Развитие торгово-экономического и культурного сотрудничества между Китаем и Афганистаном. С начала XXI в. торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и Афганистаном непрерывно углубляется.

В 2015 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Афганистаном составил 376 млн дол. США, из них экспорт Китая в Афганистан — 364, а импорт из Афганистана — 12 млн дол. США. В последующие годы динамика торгово-экономического сотрудничества Китая и Афганистана показывала практически постоянный рост (снижения наблюдались в 2020 и 2021 гг., что во многом было связано с ограничительными мерами в период пандемии коронавируса). В 2021 г. товарооборот составил 530 млн дол. США, из них экспорт Китая в Афганистан — 480, а импорт из Афганистана — 50 млн дол. США [25].

Китай экспортировал в Афганистан в основном продукты питания, текстиль и одежду, машины и оборудование, а импортировал из Афганистана лакицу, шерсть и кедровые орехи. Например, в 2015–2016 гг. самым экспортируемым товаром из Китая в Афганистан были полиэфирные ткани (17,3 % общего объема экспорта Китая в Афганистан), вторым по значению товаром — электронные устройства (5,3 %), третьим — машины и оборудование (4,6 %). В импорте Китая из Афганистана преобладали товары сырьевого характера: в 2015–2016 гг. наибольший объем импорта Китая из Афганистана пришелся на лакицу (35,3 %) и шерсть (33,7 %) [9, с. 37]. Структура экономики Афганистана и обеспеченность ресурсами значительно дополняют экономику Китая. Таким образом, китайско-афганская торговая связь в основном ориентирована на будущее и

в долгосрочной перспективе потенциал торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Афганистаном значителен.

В рассматриваемый период расширилось присутствие китайских компаний в Афганистане. По данным Центрального статистического управления Афганистана, только в 2018 г. китайские предприятия подписали семь новых контрактов на подрядные работы в Афганистане на сумму 470 тыс. дол. США, с оборотом 47,64 млн дол. США [9, с. 41].

Стратегическое значение в этот период приобрели вопросы развития инфраструктуры и логистики. Первый грузовой поезд из Китая прибыл в Афганистан 7 сентября 2016 г. через Алашанькоу и Узбекистан. Эта трансграничная железнодорожная линия была частью северной системы снабжения международных сил в Афганистане. В январе 2017 г. Китайская корпорация по строительству дорог и мостов выиграла тендер на строительство 178-километрового участка дороги, соединяющего район Якуоланг в центральной части Афганистана с районом Дарасуф на севере. Общий объем инвестиций в проект составил 205 млн дол. США [36].

Большое значение имели вопросы содействия многостороннему торгово-экономическому сотрудничеству. Это касалось, прежде всего, стыковки инициативы «Один пояс, один путь» с проектом «Лазуритовый коридор». Все страны, не имеющие выхода к морю, тем не менее осуществляют внешнюю торговлю и транспортировку грузов. Внешняя торговля Афганистана долгое время зависела от портов Пакистана, Ирана и России. В ноябре 2017 г. в ходе VII конференции по региональному экономическому сотрудничеству Афганистан, Туркменистан, Азербайджан, Грузия и Турция подписали соглашение о строительстве проекта транспортного коридора «Лазурит» от Северного Афганистана до Стамбула. Бюджет проекта составлял около 2 млрд дол. США [37]. После завершения проекта коридор станет самым коротким трансевразийским транспортным сообщением между Южной, Центральной Азией и Европой. Важно отметить, что 80 % грузов, отправляемых в Европу из Южной Азии, перевозятся железнодорожным транспортом, а затем морским путем через Каспийское и Черное море. Проект способен облегчить транзитную логистику и упростить таможенные процедуры, что поможет улучшить региональную экономику и увеличить масштабы торговли. При улучшении ситуации в Афганистане его транзитная торговля, а также способность взаимодействовать с рынками Восточной, Южной, Центральной Азии, Ближнего Востока и Европы смогут полностью реализоваться.

Из приведенных данных следует, что, несмотря на быстрое развитие китайско-афганского торгово-экономического сотрудни-

чества, существует ряд проблем, требующих решения: малые масштабы торговли, сложности инвестиций, а также логистики и т. д. Правильное решение этих проблем имеет жизненно важное значение для расширения торгово-экономического сотрудничества между двумя сторонами.

Отметим также особое значение в двусторонних отношениях вопроса оказания гуманитарной и экономической помощи. Долгое время Афганистан был ориентирован на обращение за помощью к США, ЕС, Германии и Японии. Поддержка и помощь западных стран были важным источником восстановления Афганистана как одной из наименее развитых стран. В результате более чем 30 лет войны транспортная, коммуникационная, промышленная, образовательная и сельскохозяйственная инфраструктура была серьезно повреждена и более 6 млн человек стали беженцами. Международное сообщество активно поддерживало мирное восстановление и развитие Афганистана, предоставив стране помощь в размере почти 100 млрд дол. США. Во время Брюссельской международной конференции 2016 г. международное сообщество обязалось предоставить Афганистану 15,2 млрд дол. США в течение четырех лет [2].

Учитывая проблемы восстановления Афганистана, Китай неоднократно призывал международное сообщество оказать стране срочную гуманитарную и экономическую помощь, поддерживал координирующую роль ООН в содействии Афганистану в сохранении стабильности и оказании чрезвычайной помощи. Китай изложил свою политику и позицию по Афганистану на международных конференциях, подчеркнув, что Афганистан находится на критическом этапе перехода от хаоса к управлению и что Китай готов сотрудничать с международным сообществом, чтобы способствовать неуклонному улучшению ситуации в Афганистане [29]. Во время визита президента Афганистана А. Гани в Китай в октябре 2014 г. Китай объявил, что предоставит Афганистану 500 млн юаней безвозмездной помощи в 2014 г., еще 1,5 млрд юаней безвозмездной помощи с 2015 по 2017 г., а также 3000 учебных мест в течение следующих пяти лет [27].

В рассматриваемый период развивались двусторонние культурные и образовательные связи Китая и Афганистана. Так, в январе 2008 г. в Кабульском университете был создан первый в Афганистане Институт Конфуция. В октябре 2014 г. во время визита президента Исламской Республики Афганистан А. Гани в Китай лидеры двух стран объявили 2015 г. Годом дружбы и сотрудничества между Китаем и Афганистаном и провели ряд торжественных мероприятий. Кроме того, Китай объявил, что предоставит Афганистану 500 государственных стипендий в течение следующих пяти лет [27]. В 2021 г. тысячи афганских студентов об-

учались в Китае, а около 200 афганских студентов — в Институте Конфуция Кабульского университета [12].

Таким образом, в 2014—2021 гг. отмечалась активизация стратегического партнерства Китая и Афганистана. Китай не вмешивался во внутренний политический процесс в Афганистане и неуклонно придерживался принципов восстановления страны под руководством Афганистана и при его участии в целях «управления Афганистаном афганцами» [6]. Взгляды Китая и международного сообщества на «афганский вопрос» в основном совпадали, но у Китая были собственные интересы и приоритеты, среди которых наиболее заметными были (и остаются сегодня) безопасность и стабильность в Синьцзяне. Следует согласиться, что главным интересом Китая в Афганистане являлось «обеспечение безопасности своих западных рубежей, инфраструктурных проектов и новых торговых маршрутов в рамках инициативы “Один пояс, один путь” в Центральной и Южной Азии» [20, с. 91]. Таким образом, вопросы безопасности в значительной степени являлись отправной точкой политики Китая в Афганистане.

Китай и Афганистан развивали торгово-экономическое и культурное сотрудничество. Китай оказывал финансовую поддержку и другую помощь Афганистану, но избегал прямого военного участия и вмешательства во внутренние дела в Афганистане. Вместе с тем потенциал торгово-экономических отношений во многом не был реализован.

Китай был приверженцем развития как двустороннего, так и регионального сотрудничества с Афганистаном. Как великая держава в регионе Китай обладает сильными координационными возможностями для достижения консенсуса по «афганскому вопросу». В связи с этим Китай продвигал решение данного вопроса в ООН, взаимодействовал с Афганистаном в ШОС, других субрегиональных организациях. Был учрежден трехсторонний китайско-афгано-пакистанский механизм дальнейшего укрепления связей и сотрудничества. По мнению автора статьи, политика китайского правительства в отношении Афганистана в рассматриваемый период была последовательной, конструктивной и оптимальной для мирного восстановления и развития этой страны.

Список использованных источников

1. Афхунь вэньти Иситанбуэр цзиньчэн Пекин сюаньян = Пекинская декларация Стамбульского процесса по Афганистану // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 01.11.2014. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/xgxw_676213/201411/t20141101_7965892.shtml (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
2. Афхунь гуоця гайкуань = Профиль страны: Афганистан // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 15.04.2024. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1206_676209/ (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
3. Афхунь цзунтун Цзянь хуэйцзянь Ли Юаньчао = Президент Афганистана Гани встретился с Ли Юаньчао // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 03.11.2015. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-11/03/content_2959751.htm (дата обращения: 11.06.2024) (на кит. яз.).
4. Ван И и Афхунь вайчжан Атэмаэр тонгдяньхуа = Ван И и министр иностранных дел Афганистана Атмар провели телефонный разговор // Чжунго фагайвэй = Комиссия по развитию и реформам Китая. — 21.08.2020. — URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/gjhz/zywj/202008/t20200821_1236485.html (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
5. Ван И хуэйцзянь Афхунь Талибань чжэнчжи вэйюаньхуэй фуэрэрэн Барадар = Ван И встретился с главой политического комитета афганских талибов Барадаром // Чжунго синьвэнь ван = Сайт Китайской службы новостей. — 28.07.2021. — URL: <https://www.chinanews.com.cn/m/gn/2021/07-28/9530654.shtml> (дата обращения: 17.06.2024) (на кит. яз.).
6. Гуаньюй Афхунь вэньти дэ Чжунго личан = Позиция Китая по Афганистану // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 12.04.2023. — URL: https://www.mfa.gov.cn/wjlb_673085/zjzg_673183/yz_673193/xwlb_673195/202304/t20230412_11057782.shtml (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
7. Дисаньси Чжунго-Афхунь-Бачжиситан вайчжан дуйхуа лянхэ шэнмин = Совместное заявление по итогам третьего диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 09.09.2019. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/xgxw_676314/201909/t20190909_9288328.shtml (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
8. Дисичи Чжунго-Афхунь-Бачжиситан вайчжан дуйхуа лянхэ шэнмин = Совместное заявление по итогам четвертого трехстороннего диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 04.06.2021. — URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/1207_676320/202106/t20210604_9180996.shtml (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
9. Дуйвай туцзи хэцзуо гуоби (дику) жинан — Афхунь. 2020 няньбань = Страновые (региональные) руководства по сотрудничеству с иностранными инвестициями — Афганистан. Издание 2020 г. // Чжунго «Идайилу» ван = Китайская сеть «Один пояс, один путь». — 25.12.2020. — URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/wcm.files/upload/CMSydyilgw/202012/202012221136033.pdf> (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
10. Дьерси Чжунго-Афхунь-Бачжиситан саньфан вайчжан дуйхуа лянхэ шэнмин = Совместное заявление по итогам второго трехстороннего диалога на уровне министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // Чжунго вайцзяоу = Министерство иностранных дел КНР. — 17.12.2018. — URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676308/1207_676320/201812/t20181217_9288490.shtml (дата обращения: 21.06.2024) (на кит. яз.).
11. Клименко, А. Ф. Китай, Россия и другие участники ШОС в новых Афганистана реалиях / А. Ф. Клименко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXVII. — М.: ИКСА РАН, 2022. — С. 160—175.
12. Луйши минь Афхунь сюэшэн хуобань «Чжунго даши цзяньсюэцзинь» = 60 афганских студентов получили стипендии посла Китая // Синьхуа. — 16.07.2021. — URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-07/16/c_1127663577.htm (дата обращения: 17.06.2024) (на кит. яз.).

13. Лю Сюй. Байфэйдайсин, Афухань де «идайилу» ципань = Ожидания Афганистана в отношении инициативы «Один пояс, один путь» в разгар новой эры / Лю Сюй // Гуоцзи шаньбао = International Business Daily. — 2021. — 30 сент. — С. 2 (на кит. яз.).
14. Положение в Афганистане: док. ООН A/RES/71/9, 17 нояб. 2016 г. // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/851375> (дата обращения: 11.06.2024).
15. Си Цзиньпин тонг Афухань цзунтун Цзяньи тонг даньхуа = Си Цзиньпин поговорил по телефону с президентом Афганистана Гани // Синьхуа. — 16.07.2021. — URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2021-07/16/c_1127663577.htm (дата обращения: 17.06.2024) (на кит. яз.).
16. Си Цзиньпин тонг Инду цзунли Моди цзай Ухань фэйчжэнши хуэйву = Си Цзиньпин и премьер-министр Индии Моди провели неформальную встречу в Ухане // Синьхуа. — 28.04.2018. — URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2018-04/28/c_1122760720_3.htm (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
17. Си Цзиньпин хуэйцзянь Афухань цзунтун Цзяньи = Си Цзиньпин встретился с президентом Афганистана Гани // Чжунго Гунчандан синьвэнь ван = Новости Коммунистической партии Китая. — 11.06.2018. — URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2018/0611/c64094-30048639.html> (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
18. Си Цзиньпин хуэйцзянь Афухань цзунтун Цзяньи = Си Цзиньпин встретился с президентом Афганистана Гани // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 08.06.2017. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-06/08/content_5200814.htm (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
19. Си Цзиньпин хуэйцзянь Афухань цзунтун Цзяньи = Си Цзиньпин встретился с президентом Афганистана Гани // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 13.06.2019. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/13/content_5400008.htm (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
20. Сизов, Г. А. Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной Азии / Г. А. Сизов // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11, № 2. — С. 89—96.
21. Хуан Миньсин. Афухань юй Идайилу цзяньши: дицхой дуоюань цзинчжэн ся дэ сюаньцзэ = Афганистан и инициатива «Один пояс, один путь»: варианты в условиях конкурентного разнообразия регионов / Хуан Миньсин, Чэнь Ликуань // Сия Фэйчжоу = Западная Азия и Африка. — 2016. — № 2. — С. 16—31 (на кит. яз.).
22. Цзуншу: ВТО куоронг вэй дуобянь маои тикси чжурю синь сюэ = Аннотация: Расширение ВТО вливает новую кровь в многостороннюю торговую систему // Синьхуа. — 18.12.2015. — URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-12/18/c_1117505563.htm (дата обращения: 04.06.2024) (на кит. яз.).
23. Черняева, С. В. Роль ШОС в контексте «афганского вопроса» / С. В. Черняева, Е. В. Журавлёва // Постсоветские исследования. — 2022. — Т. 5, № 5. — С. 531—544.
24. Чжун А гуаньйюй шэньхуа чжаньлюэ хэцзю хуобань гуаньси дэ лянхэ шэньминь = Совместное заявление Китая и Афганистана об углублении стратегического партнерства // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 27.09.2013. — URL: https://www.fmprc.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/1207_676219/201309/t20130927_9284946.shtml (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
25. Чжунго Афухань цзинмао хэцзю цзянькуань = Краткая информация об экономическом и торговом сотрудничестве между Китаем и Афганистаном // Чжунго шаньгугу = Министерство торговли КНР. — 05.06.2015. — URL: <http://search.mofcom.gov.cn/allSearch/?siteId=yzs&keyWordType=title&acSuggest=%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E2%80%94E9%98%BF%E5%AF%8C%E6%B1%97%E7%BB%8F%E8%B4%B8%E5%90%88%E4%BD%9C%E7%AE%80%E5%86%B5> (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
26. Чжунго жици Ляньхэгуо цзай Афухань вэньти шань фахуэй гэнда цзуюон = Китай поддерживает усиление роли Организации Объединенных Наций в Афганистане // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 17.04.2020. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-04/17/content_5503445.htm (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
27. Чжунго тун Афухань шуаньбянь гуаньси = Двусторонние отношения между Китаем и Афганистаном // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 12.04.2024. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676207/sbgx_676211/ (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
28. Чжунго чжу Ляньхэгуо дайбяо: гуоцзи шэхуэй инь вэй туйдун Афухань хэпин хэцзе цзиньчэн гунсянь гэндуо чжэньгэнлиан = Постоянный представитель КНР при ООН: Международное сообщество должно вносить больше позитивной энергии в дело укрепления мира и примирения в Афганистане // Синьхуа. — 23.06.2021. — URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-06/23/c_1127588573.htm?rsv_upd=1 (дата обращения: 05.06.2024) (на кит. яз.).
29. Чжунфань гуой гуоцзи шэхуэй цзяда лиду ся Афухань тигун рэндао цзююань = Китай призывает международное сообщество активизировать усилия по оказанию гуманитарной помощи Афганистану // Синьхуа. — 21.12.2023. — URL: http://www.news.cn/2023-12/21/c_1130038520.htm (дата обращения: 17.06.2024) (на кит. яз.).
30. Чэнь Юйсинь. Афухань гуоцзя чжунцзянь Пекин ся туйдун Чжунго Афухань цзинмао хэцзю цзяньи = Предложения по контрмерам для продвижения китайско-афганского экономического и торгового сотрудничества в контексте национального восстановления Афганистана / Чэнь Юйсинь // Сисянь чжэнчжи кэ цзяосюэ = Преподавание идеологических и политических курсов. — 2022. — № 23. — С. 28—31 (на кит. яз.).
31. Шаньхэ цзучжи фэнхуэй цзюэдин цзиэна Афухань вэй гуаньчаюань гуо = Саммит ШОС принял решение о принятии Афганистана в качестве государства-наблюдателя // Хуаньцю синьвэнь ван = Globalnews.org. — 07.06.2012. — URL: <https://world.huanqiu.com/article/9CaKrnJvJb> (дата обращения: 11.06.2024) (на кит. яз.).
32. Шоулун Чжунго-Афухань-Бачжиситан саньфань чжаньлэ дуйхуа цзюсин = Состоялся первый раунд трехстороннего стратегического диалога Китай — Афганистан — Пакистан // Чжунго чжэнфу = Правительство КНР. — 10.02.2015. — URL: https://www.gov.cn/xinwen/2015-02/10/content_2816991.htm (дата обращения: 17.06.2024) (на кит. яз.).
33. Шоуси Чжунго-Афухань-Бачжиситан саньфан вайчжан дуйхуа цзюсин = Состоялся первый трехсторонний диалог министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана // Чжунго вайцзяобу = Министерство иностранных дел КНР. — 26.12.2017. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/zyxw/201712/t20171226_343008.shtml (дата обращения: 21.06.2024) (на кит. яз.).
34. Шэнь Дэчан. Афухань чжэнчжу синь биандун цзи вогуо дуйцзе = Новые политические изменения в Афганистане и наша реакция / Шэнь Дэчан // Чжунго шичан = Китайский рынок. — 2021. — № 12. — С. 38—41 (на кит. яз.).
35. Шэньмэ ши идайилу? = Что такое инициатива «Один пояс, один путь»? // Чжунго «Идайилу» ван = Китайская сеть «Один пояс, один путь». — 07.09.2013. — URL: <http://www.yidaiyilu.gov.cn/ztindex.htm> (дата обращения: 21.05.2024) (на кит. яз.).
36. Chinese firm signs contract to build road in Afghanistan // ChinaDaily. — 09.01.2017. — URL: https://www.chinadaily.com.cn/business/2017-01/09/content_27898152.htm (date of access: 02.07.2024).
37. The Lapis Lazuli Signing Ceremony // Regional Economic Cooperation Conference on Afghanistan. — 15.11.2017. — URL: <https://recca.mfa.gov.af/the-lapis-lazuli-signing-ceremony/> (date of access: 04.06.2024).
38. The situation in Afghanistan: UN Doc. A/RES/69/18, 20 Nov. 2014 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/785716> (date of access: 04.06.2024).

Статья поступила в редакцию 4 июля 2024 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АМЕРИКАНО-САУДОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА БАРАКА ОБАМЫ (2008—2016 гг.)

Саджади Дана

В статье проанализированы ключевые направления американо-саудовских отношений в период президентства Б. Обамы, включая торгово-экономическую, энергетическую и военно-политическую сферы, противодействие иранской ядерной угрозе, а также социально-гуманитарные аспекты. Долгосрочное стратегическое партнерство между США и Саудовской Аравией на Ближнем Востоке основывалось на формуле «нефть в обмен на безопасность», предполагающей защиту нефтяных маршрутов, военное присутствие и торговлю оружием для обеспечения энергетической безопасности. Особенности периода президентства Б. Обамы стали снижение зависимости США от импорта ближневосточной нефти, а также уменьшение вовлеченности страны в региональные конфликты. Эти изменения привели к началу пересмотра традиционных подходов в американо-саудовских отношениях. Сделан принципиально важный вывод о том, что отношения между США и Саудовской Аравией в рассматриваемый период отличались противоречивостью. Однако возникавшие разногласия не оказывали существенного влияния на стратегическое сотрудничество. Соединенные Штаты продолжали рассматривать Саудовскую Аравию как ключевого союзника в регионе Персидского залива, в то время как Саудовская Аравия полагалась на США как на основного гаранта безопасности арабских монархий.

Ключевые слова: американо-саудовские отношения; «арабская весна»; Ближний Восток; Б. Обама; иранская ядерная программа; нефть; Саудовская Аравия; США; торговля оружием.

«American-Saudi Relations during the Obama Administration (2008—2016): Key Developments and Trends» (Sajadi Dana)

The article analyses key aspects of U.S.-Saudi relations during Barack Obama's presidency (2008—2016), including trade, energy, military-political spheres, countering the Iranian nuclear programme, and socio-humanitarian aspects. The long-term strategic partnership between the U.S. and Saudi Arabia in the Middle East has been based on the formula of «oil for security», involving the protection of oil routes, military presence, and arms trade for energy security. A notable feature of Obama's presidency was the reduced U.S. dependence on Middle Eastern oil imports and a decrease in the country's involvement in regional conflicts. These changes led to a reconsideration of traditional approaches in U.S.-Saudi relations. A significant conclusion is that relations during this period were marked by contradictions. However, these disagreements did not substantially affect strategic cooperation. The United States continued to view Saudi Arabia as a key ally in the Gulf region, while Saudi Arabia relied on the U.S. as the primary guarantor of the security of Arab monarchies.

Keywords: Arab Spring; arms trade; Barack Obama; Iranian nuclear program; Middle East; oil; Saudi Arabia; USA; US-Saudi relations.

Американо-саудовские отношения представляют значительный интерес для академической науки ввиду их исключительного влияния на глобальную политику, экономику и безопасность Ближневосточного региона. Королевство Саудовская Аравия традиционно занимает особое место во внешнеполитических приоритетах США, что обусловлено значением ближневосточной нефти в американской энергетической безопасности. Изучение американо-саудовского

партнерства позволяет понять механизмы взаимодействия сверхдержавы с ключевым региональным союзником, обладающим крупнейшими запасами нефти. Особый интерес вызывает эволюция отношений в контексте глобальных вызовов, таких как энергетический кризис, международный терроризм, региональные конфликты, обострение конкурентной борьбы в Ближневосточном регионе в связи с возвращением России и растущим влиянием Китая.

Автор:

Саджади Дана Мохаммед Даниш Аладдин — ассистент кафедры международных отношений и дипломатии факультета административных наук и экономики Международного университета Тишк, e-mail: dana.sajady@gmail.com
Международный университет Тишк. Адрес: Курдистан, ИРАК

Author:

Sajadi Dana Mohammed Danish Aladdin — Assistant Lecturer of the International Relations and Diplomacy Department of the Faculty of Administrative Sciences and Economics, Tishk International University, e-mail: dana.sajady@gmail.com
Tishk International University. Address: Kurdistan Region, IRAQ

Во время президентства Б. Обамы американо-саудовские отношения претерпели значительные изменения. США начали снижать зависимость от ближневосточной нефти, акцентируя внимание на возобновляемых источниках и собственных ресурсах. Политика «перезагрузки» с Ираном, включая ядерную сделку, вызвала недовольство Эр-Рияда, опасавшегося усиления влияния Тегерана. Однако сотрудничество по безопасности, борьбе с терроризмом и стабилизации региона оставалось важным элементом партнерства.

Цель представленной статьи заключается в выявлении основного содержания и характера американо-саудовских отношений в контексте тех проблем, с которыми эти страны столкнулись в период президентства Б. Обамы. Статья основана на анализе официальных документов США и Саудовской Аравии, публичных заявлений политических лидеров, а также работ арабских, англоязычных и российских исследователей с опорой на документальные источники и материалы, опубликованные в средствах массовой информации. Из всего многообразия академических публикаций по теме следует выделить, в первую очередь, монографические исследования египетских авторов А. Ахмеда [3] и М. Марзука [12]. Из документальных публикаций безусловного внимания заслуживают доступные материалы ЦРУ и такой источник, как мемуарная литература, в частности воспоминания Б. Обамы [33] и бывшего госсекретаря Х. Клинтон [20].

Прежде чем перейти к анализу основных направлений американо-саудовских отношений в период президентства Б. Обамы, необходимо рассмотреть ключевые элементы стратегии его администрации, которые формируют контекст для понимания важнейших политических решений того времени.

Политическая стратегия Б. Обамы на Ближнем Востоке отличалась стремлением к сокращению вовлеченности США в региональные конфликты и снижению военных расходов, что позволяло сосредоточиться на вызовах в Азии и внутриамериканских экономических проблемах. В отличие от агрессивной политики своего предшественника, Б. Обама делал ставку на дипломатические методы, включая переговоры по иранской ядерной программе, развитие военного и усиление оборонного потенциала стран Персидского залива. Его политика внешне была ориентирована на снижение противоречий между шиитскими и суннитскими общинами и устранение коренных причин конфликтов в регионе.

Сокращение зависимости США от ближневосточной нефти стало важным направлением его политики благодаря развитию американских технологий сланцевой добычи и возобновляемой энергетики. Однако Б. Обама также признавал критическую роль стабильного экспорта нефти и газа для мировой экономики,

что обуславливало сохранение сотрудничества с ключевыми региональными партнерами [7; 24, р. 1–2; 31, р. 1–2, 15–16, 25–26; 32, р. 11–12, 14–15, 24–26, 28, 30–31, 50–51]. С учетом отмеченных элементов стратегии Б. Обамы рассмотрим обобщенную характеристику ключевых направлений американо-саудовских отношений в указанный период.

Торгово-экономическое направление в отношениях между США и Саудовской Аравией традиционно строилось на взаимной зависимости в нефтяной сфере и модели «нефть в обмен на безопасность». Нефть еще с 1930-х гг. стала структурирующим элементом американо-саудовского сотрудничества [29, р. 68].

В 2000-е гг. американо-саудовское энергетическое сотрудничество было направлено на увеличение нефтяных производственных мощностей королевства и на стремление диверсифицировать маршруты поставок для снижения рисков, связанных с геополитической нестабильностью в регионе, и повышения энергетической безопасности США. Однако двусторонние отношения осложнялись в связи с разногласиями по израильско-палестинскому конфликту и отказом Эр-Рияда расширить присутствие иностранных инвесторов в нефтяном секторе. Саудовская нефтяная политика была сосредоточена на сохранении контроля над ключевыми ресурсами через государственную компанию *Saudi Aramco* [15, с. 14–15].

После 11 сентября 2001 г. эскалация взаимного недоверия негативно сказалась на динамике и уровне двусторонних связей, затронув торговлю и финансирование совместных проектов. Объем товарооборота упал до исторического минимума, а, по данным некоторых источников, с конца 2001 г. Саудовская Аравия изъехала из американских коммерческих структур более 200 млрд дол. США капитала [5, с. 19].

Высокие резервные мощности, разработка новых месторождений на фоне низких затрат на добычу, инвестиции в нефтяную отрасль и поддержание высоких темпов производства позволили Саудовской Аравии занять лидирующие позиции по объемам добычи в Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и укрепить платежный баланс. Поддержание королевством в 2008 г. низких цен на нефть и высокого уровня нефтедобычи ослабляло позиции России и Ирана, укрепляло геополитическое положение самой Саудовской Аравии, при этом обеспечивая стабильность доллара, а также экономическую зависимость США от арабской нефти [3, с. 140–149].

Хотя Вашингтон продолжал поддерживать саудовский нефтяной сектор исходя из стратегического значения стабильности по-американски на Ближнем Востоке, Б. Обама стремился снизить зависимость США от ближневосточной нефти. Так, США сократили импорт саудовской нефти с 57 % от общего потреб-

ления в 2008 г. до 45 % в 2011 г. и увеличили внутреннюю добычу на 25 % с 2008 по 2012 г. Администрация Б. Обамы в 2011 г. также инвестировала 8 млрд дол. в возобновляемую энергетику и ставила цель обеспечить 80 % энергии из чистых источников к 2035 г. [3, с. 132]. Это вызвало тревогу в Саудовской Аравии, для которой США были ключевым рынком сбыта, и подтолкнуло королевство к поиску новых рынков сбыта нефти.

Резкое падение цен на нефть в конце 2014 г. стало еще одним серьезным вызовом для Саудовской Аравии, поскольку на экспорт нефти приходилось около 80 % ее экспортной выручки. Королевство решило снова придерживаться стратегии поддержания высокой добычи нефти. Эта тактика была направлена на ослабление экономических позиций ключевых соперников, таких как Россия и Иран, а также на сохранение своего влияния на мировом нефтяном рынке. В условиях кризиса в Ливии Саудовская Аравия увеличила добычу и стабилизировала свои поставки. Такая стратегия позволила Саудовской Аравии не только сохранить ключевые позиции в глобальной энергетике, но и оказывать давление на конкурентов, включая производителей сланцевой нефти в США. Однако сокращение импорта и падение мировых цен на нефть с 110 до 84 дол. США в 2014 г. негативно отразились на Саудовской Аравии, увеличив ее дефицит бюджета до 98 млрд дол. в 2015 г.

Несмотря на сложности, связанные с нефтяным кризисом 2014—2015 гг., Саудовская Аравия вышла из него с меньшими потерями, чем это часто предполагается. Королевству удалось сохранить стратегическое партнерство с Соединенными Штатами, а также практически не утратить свои позиции на американском нефтяном рынке [3, с. 105, 121—139; 15, с. 234]. Кроме того, Саудовская Аравия начала в 2016 г. амбициозный план реформ под названием «Видение 2030», призванный избавить королевство от нефтяной зависимости и подготовить общество к жизни «в сумерках нефтяной эры» [23].

Таким образом, добыча сланцевой нефти в период президентства Б. Обамы в США значительно не изменила ситуацию. Саудовская нефть продолжала играть большую роль в американской энергетической безопасности, особенно на фоне нестабильности в таких странах, как Ливия и Венесуэла. Саудовская Аравия оставалась крупнейшим партнером США на Ближнем Востоке, обеспечивая стабильные поставки нефти, и ключевым участником нефтяной долларовой системы, что позволяло сохранить экономические позиции доллара как мировой валюты и подчеркивало стратегическую важность экономического партнерства.

Эр-Рияд диверсифицировал рынки сбыта, налаживая сотрудничество с Китаем и Индией, что снижало традиционную зависимость коро-

левства от США. В результате Саудовская Аравия укрепила свои позиции ведущего регионального игрока в долгосрочной перспективе.

Особое место в американо-саудовских экономических отношениях занимало военнотехническое сотрудничество. Следует подчеркнуть, что американская стратегия в регионе основывается на защите нефтяных маршрутов и поддержании военного присутствия для охраны интересов, связанных с энергетической безопасностью. Поэтому вопрос поставки вооружений являлся очень важным во взаимоотношениях двух стран. Саудовская Аравия в значительной степени опиралась на Вашингтон для модернизации своей оборонной инфраструктуры. Многочисленные соглашения, заключенные между странами, не только предоставили королевству необходимые вооружения, но и позволили создать передовую систему обороны, что укрепляло позиции королевства как важного военного игрока в регионе [3, с. 91]. В ответ на это Саудовская Аравия инвестировала значительные средства в американскую экономику. Одновременно Саудовская Аравия распространяла свое влияние на весь регион через продвижение ваххабизма, ставшего идеологической основой многих салафитских движений. Данное обстоятельство привело к обострению конфликтов и росту нестабильности на Ближнем Востоке, что создавало сложности в американо-саудовских отношениях.

Несмотря на стратегию Б. Обамы, направленную на уменьшение прямого американского военного присутствия в регионе и использование стратегии «гибридной войны», американо-саудовские отношения в период его президентства характеризовались значительным увеличением объема сделок по поставкам оружия и укреплению военно-политического сотрудничества. За время его пребывания у власти США заключили военные контракты с Саудовской Аравией на общую сумму 265 млрд дол. [3, с. 101; 16].

Саудовская Аравия — крупнейший партнер США по программе иностранных военных продаж, давно ставшей ключевым инструментом американской внешней политики. Контракты на поставку американского оружия и военной техники являются одним из крупнейших направлений экспорта США и имеют большое значение для экономики обеих стран [39]. Американские оборонные корпорации, такие как *Lockheed Martin*, *Raytheon* и *Boeing*, участвуют в реализации программ модернизации саудовских вооруженных сил.

Региональные конфликты, обострившиеся в период «арабской весны», и рост влияния Ирана стимулировали Саудовскую Аравию к наращиванию военного потенциала. На этом фоне она заключила рекордные контракты с США, приобретая истребители *F-15*, вертолеты и высокотехнологичное оборудование для

укрепления своих вооруженных сил. Это позволило королевству занять лидирующие позиции среди мировых импортеров американского оружия.

Из табл. 1 видно, что Саудовская Аравия стала крупнейшим импортером американского оружия среди стран Ближнего Востока в период президентства Б. Обамы.

Активное военное сотрудничество с США стимулировало саудовское вмешательство во внутренние дела Йемена в 2015 г., в ходе которого масштабно использовалось американское вооружение, что привело к значительным потерям среди мирного населения [3, с. 91–102; 15, с. 191].

Саудовская Аравия и США также активно развивали торгово-инвестиционное сотрудничество. Одними из ключевых экспортных товаров Саудовской Аравии в США являются минеральные и химические изделия, удобрения, алюминий и пластмассы. В свою очередь США поставляют в Саудовскую Аравию автомобили и их комплектующие, воздушные транспортные средства и их части, электрическое оборудование, а также медицинские приборы. Этот

обмен товарами подчеркивает взаимозависимость двух стран, отражая их долгосрочное экономическое партнерство.

На территории Саудовской Аравии работают 474 совместные саудовско-американские компании, из которых 90 — промышленные и 384 — сервисные, с общим капиталом около 57 млрд риалов (15,18 млрд дол. США) [17].

За указанный период общий объем торгового обмена между Саудовской Аравией и США превысил 500 млрд дол. (табл. 2). Это подчеркивает прочность их экономических связей, несмотря на изменения в глобальной энергетической политике [17].

Помимо нефтяного и военного секторов, сфера американо-саудовского экономического сотрудничества включает в себя инвестиции в инновационные технологии, инфраструктуру, здравоохранение и образование. Еще в 2003 г. был создан Саудовско-американский форум по торговле и инвестициям, объединяющий представителей бизнеса и государственных структур обеих стран, который служит основной платформой содействия предпринимательству, устранения барьеров в торговле и ин-

Таблица 1

Закупки оружия и услуг у США странами Ближнего Востока в период президентства Б. Обамы, млрд дол. США

Страна	Общий объем
2008—2011 гг.	
Саудовская Аравия	45,6
ОАЭ	14,4
Египет	7,4
Израиль	5,9
Индия	5,7
2012—2015 гг.	
Саудовская Аравия	171
Ирак	8,9
Катар	9,9
Израиль	71
ОАЭ	4,2

Источник: [3, с. 102].

Таблица 2

Товарооборот между Саудовской Аравией и США, млрд дол. США

Год	Экспорт из Саудовской Аравии в США	Экспорт из США в Саудовскую Аравию	Общий объем товарооборота
2008	52,1	15,8	67,9
2009	22,8	13,6	36,4
2010	33,2	14,1	47,3
2011	50,0	16,5	66,5
2012	55,5	21,0	76,5
2013	53,0	22,8	75,8
2014	43,3	22,6	65,9
2015	21,5	23,9	45,4
2016	17,5	20,2	37,7
2017	18,4	17,6	36,0
Итого за 10 лет	367,3	188,1	555,4

Источник: [17].

вестициях, а также повышения экономической интеграции. В январе 2017 г. в Эр-Рияде прошла очередная сессия форума. На ней были приняты рекомендации по таким важным вопросам, как стандартизация, упрощение таможенных процедур, защита интеллектуальной собственности, регулирование рынков продуктов питания и лекарств, улучшение инвестиционного климата и защита потребителей [16; 17].

В сентябре 2015 г. король Салман бин Абдель Азиз посетил США, где было достигнуто соглашение о стратегическом партнерстве на XXI в. и создании бюро стратегического сотрудничества для укрепления двусторонних отношений [6]. Визит же Б. Обамы в Саудовскую Аравию в 2016 г. реанимировал рамочное соглашение 2012 г. о сотрудничестве в экономике, торговле, инвестициях и технике. Было принято решение о начале экономического диалога на уровне министров, а также согласовано продолжение координации действий между странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и США на уровне министров иностранных дел и обороны с открытием специального представительства Совета в Вашингтоне [9].

Поддержка инновационных проектов, направленных на диверсификацию экономики Саудовской Аравии, стала важной частью двустороннего сотрудничества, особенно в рамках программы «Видение 2030». Эта программа направлена на диверсификацию экономики Саудовской Аравии, развитие высокотехнологичных отраслей для увеличения доли прямых иностранных инвестиций с 3,8 до 5,7 % ВВП [8, с. 116]. Визит наследного принца Мухаммеда бин Салмана в 2016 г. в Вашингтон символизировал переход к более широкому экономическому сотрудничеству в сферах инноваций и технологий в рамках указанной программы [8].

Для реализации проектов Саудовская Аравия привлекает крупные американские компании, такие как *Google*, *Microsoft*, *Amazon*, банк *JPMorgan Chase* и многие другие. Суверенный фонд Саудовской Аравии активно инвестирует в американские компании, особенно в сфере высоких технологий и инфраструктуры, укрепляя экономические связи между двумя странами [14].

Таким образом, экономические отношения США и Саудовской Аравии в период президентства Б. Обамы строились, прежде всего, на основе взаимной зависимости в энергетической сфере. В то время как США пытались повысить свою внутреннюю энергетическую независимость за счет сланцевой нефти, Саудовская Аравия не только сохранила позиции ключевого поставщика нефти, но и активизировала внешнеэкономические связи с другими азиатскими странами. Эти действия позволили королевству укрепить свои позиции на ми-

ровом рынке, несмотря на глобальные потрясения, такие как нефтяной кризис. Кроме того, военно-техническое и инновационное сотрудничество между США и Саудовской Аравией также оказывало значительное влияние на их экономические отношения.

В отличие от экономической сферы, проблема международного терроризма в американо-саудовских отношениях выглядела не столь однозначной. Более того, после событий 11 сентября 2001 г. она приобрела критическое значение. Террористическая атака, осуществленная с участием 19 человек, из которых 15 были саудовскими гражданами, привела к постановке вопроса о возможном пересмотре двусторонних связей и стратегического альянса. США обвинили Саудовскую Аравию в финансировании радикальных суннитских течений и террористических организаций, таких как «Аль-Каида», а также в распространении ваххабизма. Несмотря на отрицание причастности, саудовское правительство столкнулось с резкой критикой в США, где рассматривались радикальные предложения, вплоть до захвата нефтяных месторождений Саудовской Аравии для контроля над ее ресурсами.

После терактов 2003–2004 гг., совершенных «Аль-Каидой» уже в Эр-Рияде, внутренняя безопасность Саудовской Аравии была усилена с помощью США. В 2008 г. было подписано соглашение о сотрудничестве с США в борьбе с терроризмом, что привело к размещению специальных американских советников в стране. В 2012 г. секретные базы США в Саудовской Аравии были использованы для ударов по «Аль-Каиде», включая ликвидацию ее идеологического лидера на Аравийском полуострове Анвара аль-Авлаки. С появлением организации ИГИЛ Саудовская Аравия активно присоединилась к борьбе с группировкой и усилила меры против участия своих граждан в боевых действиях за рубежом [3, с. 205–212].

Однако принятие Конгрессом США закона «Правосудие против спонсоров терроризма» в 2016 г., позволявшего американским гражданам подавать иски против Саудовской Аравии, вызвало острый протест со стороны Эр-Рияда и стало новым источником напряженности между двумя сторонами. Правда, это не затронуло экономическую сферу, контракты на поставки американского вооружения исправно выполнялись. Более того, Саудовская Аравия продолжила активное сотрудничество с США в области антитеррористической деятельности. Создание в 2017 г. Исламской военной коалиции продемонстрировало намерение королевства стать лидером в борьбе с международным терроризмом. Обе стороны продолжали координировать свои действия, особенно по вопросам, связанным с организацией ИГИЛ и безопасностью в Ираке и Сирии. Несмотря на это, администрация Б. Обамы открыто выражала обеспокоенность идеологической составля-

щей радикализма, распространяемого через некоторые религиозные институты в Саудовской Аравии [1; 3, с. 57–59, 71–72; 4, с. 87–88; 7; 10; 18; 37].

Следующее направление американо-саудовского сотрудничества в период президентства Б. Обамы — обеспечение региональной безопасности — оказалось, пожалуй, наиболее напряженным. Американский президент призывал к политическим реформам на Ближнем Востоке и в Северной Африке, официально поддерживал протестные движения «арабской весны». Такая политика столкнулась с трудностью балансировки между поддержкой «демократических движений» и опасениями по поводу роста влияния исламистских групп. Последнее обстоятельство вызывало недовольство союзников США, таких как Израиль и Саудовская Аравия. Саудиты назвали позицию Б. Обамы наивной и опасной [24, р. 6–7]. По данным *WikiLeaks*, США с 2008 г. направляли финансовую и техническую поддержку демократическим инициативам в арабском мире, включая египетское движение «6 апреля». Эта помощь предполагала обучение молодежи методам протестной деятельности и использованию цифровых технологий для продвижения «демократических ценностей» [13].

В Египте падение режима Х. Мубарака в феврале 2011 г. и приход к власти организации «Братья-мусульмане» встретили поддержку Б. Обамы, но Эр-Рияд опасался распространения протестных настроений на другие страны, включая монархии Персидского залива. Поэтому неудивительно, что Саудовская Аравия активно поддержала военный переворот 2013 г., в результате которого был свергнут президент М. Мурси, и оказала значительную экономическую помощь новому правительству. Такая поддержка укрепляла влияние Саудовской Аравии на Египет, превращая его в регионального союзника на Ближнем Востоке. Весьма примечательно, что в этом случае США воздержались от открытого осуждения действий египетских военных.

Саудовская Аравия стремилась укрепить позиции светских консервативных арабских правительств и видела в организации «Братья-мусульмане» угрозу стабильности. Поэтому она инициировала кампанию по изоляции движения, объявив его террористической организацией. В отличие от саудитов, США рассматривали вполне приемлемой возможность взаимодействия с умеренными исламистскими силами [3, с. 151–158, 169–178; 12, с. 84–94].

Напряженность в отношениях между двумя сторонами усиливалась из-за различий в подходах и к бахрейнскому кризису. Администрация Б. Обамы выступила за проведение политических реформ в Бахрейне. Эр-Рияд, опасаясь, что успех протестов в Бахрейне может стать прецедентом для восстаний среди

шиитского населения на востоке Саудовской Аравии, направил для подавления протестов вооруженные силы под эгидой Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. США, хотя и выражали обеспокоенность, в итоге приняли это решение [12, с. 71–74].

Сирийский кризис также способствовал обострению двусторонних отношений. Саудовская Аравия в ходе его развития стремилась не допустить усиления позиций Ирана и его союзников. Королевство выражало недовольство «мягкой» позицией Вашингтона, которая соответствовала доктрине Б. Обамы и предполагала ограничение санкциями и политической поддержкой оппозиции без военного вмешательства. Особое недовольство саудитов вызвала реакция США на химический кризис 2013 г., когда они воздержались от прямого вмешательства. Бывший посол в США и генеральный директор службы общей разведки королевства принц Бандар бин Султан прямо заявил о возможности пересмотра отношений с Америкой [3, с. 151–158; 12, с. 94–106].

Точно так же во время йеменского кризиса, разгоревшегося на фоне затяжной гражданской войны, администрация Б. Обамы, стремясь минимизировать прямое военное участие США, стимулировала Саудовскую Аравию к более активным действиям в рамках региональных конфликтов. Для Эр-Рияда Йемен всегда представлял стратегическое значение, так как его географическое положение делает страну ключевым элементом безопасности южных границ королевства. Дополнительную угрозу создавало растущее влияние шиитского военизированного движения восставших хуситов, поддерживаемых Ираном, что воспринималось Саудовской Аравией как прямое вмешательство в зону ее интересов. После захвата хуситами столицы Йемена Саудовская Аравия в марте 2015 г. возглавила арабскую коалицию и начала военную операцию, направленную на восстановление власти президента Абд-Раббу Мансура Хади.

Однако война в Йемене стала для Саудовской Аравии войной на истощение. Королевство столкнулось с хорошо организованными военными формированиями и сопротивлением йеменских племен, что серьезно осложнило реализацию военных целей. Авиаудары не дали решающего результата из-за сложной географии страны, а ожидаемая поддержка со стороны Пакистана так и не была оказана. Хотя США предоставляли Саудовской Аравии военную и разведывательную помощь, массовые жертвы среди гражданского населения вынудили администрацию Б. Обамы ограничить поставки оружия королевству.

В Ираке в это же время США способствовали мобилизации суннитских племенных групп и реструктуризации иракской армии. Кроме того, была предоставлена значительная финансовая и военная помощь, включая постав-

ки высокоточных систем, вертолетов *Apache* и истребителей *F-16*, что позволило усилить контрнаступление против организации ИГИЛ. Однако стратегия Б. Обамы оказалась недостаточно гибкой в долгосрочной перспективе, а решения, основанные на поддержке местных союзников, столкнулись с проблемами из-за внутренних противоречий между ними. США и коалиция не смогли подавить движение ИГИЛ полностью. В дополнение к этому недостаток наземных операций позволил сохранить террористические ячейки. Все это привело к затяжному конфликту и усилению роли Ирана в регионе [3, с. 151–158, 179–197; 12, с. 74–84].

Таким образом, период «арабской весны» в целом заметно обострил противоречия в американо-саудовских отношениях. Саудовская Аравия, стремясь сохранить стабильность в регионе, поддерживала существующие режимы и активно вмешивалась в региональные конфликты, видя в этом инструмент противодействия Ирану и усилению суннитского влияния. Администрация Б. Обамы, напротив, избегая прямого военного вмешательства, поддерживала оппозицию. В результате Саудовская Аравия начала демонстрировать стремление к переориентации своей внешней политики, усиливая сотрудничество с Китаем, Россией и Индией.

Вопрос региональной безопасности еще более обострился на иранском направлении американо-саудовских отношений в связи с укреплением позиций Ирана на Ближнем Востоке. Для Саудовской Аравии Иран является прямым соперником за влияние в регионе, особенно после того, как он начал реализацию своей ядерной программы [3, с. 56].

Исторически ядерная программа Ирана начала развиваться при поддержке США еще в 1950-е гг., однако после Исламской революции 1979 г. и ирано-иракской войны она была приостановлена, возобновившись в 1990-х гг. Опасения по поводу использования Ираном ядерных технологий для создания оружия стали главным предметом обеспокоенности США с 1970-х гг., несмотря на заявления Ирана о мирных целях программы.

После прихода к власти в качестве президента М. Ахмадинежада в 2005 г. напряженность вокруг ядерной программы возросла. Ситуация изменилась только после избрания президентом Б. Обамы. Хотя сначала американо-иранские отношения ухудшились в 2009 г., когда стало известно о строительстве Ираном секретного объекта для обогащения урана близ г. Кум. Это привело к ужесточению санкций против Ирана и дипломатическому давлению на страны, поддерживающие иранскую политику, включая Россию и Китай. Иран вынужден был начать ограниченные уступки, допустив инспекторов МАГАТЭ на свои объекты и снизив уровень обогащения урана. Переговоры между США и Ираном привели к

подписанию временного соглашения в 2013 г. и Совместного всеобъемлющего плана действий в 2015 г., который заморозил ключевые элементы иранской ядерной программы в обмен на смягчение экономических санкций [3, с. 85; 12, с. 149]. Это вызвало беспокойство в Саудовской Аравии, которая опасалась ослабления своих позиций на фоне американо-иранского сближения и с учетом шиитской экспансии в Сирии, Ираке и Йемене.

В 2016 г. Саудовская Аравия продолжила развивать антииранскую политику, создавая Исламскую военную коалицию и усиливая военные операции в Йемене, стремясь укрепить свои позиции и изолировать Иран. Казнь известного шиитского проповедника Нимра аль-Нимра в начале 2016 г. привела к разрыву дипломатических отношений между Саудовской Аравией и Ираном [12, с. 124].

Стратегия администрации Б. Обамы, направленная на разрешение иранской ядерной проблемы, подразумевала использование дипломатии для сдерживания Тегерана и включала диалог с Ираном в качестве способа стабилизации ситуации на Ближнем Востоке. Именно так США стремились нейтрализовать активное расширение Ираном своего влияния в регионе, особенно усилившееся после американского вторжения в Ирак [1; 3, с. 74–89; 12, с. 113–127; 16; 19; 21; 22; 25, р. 4, 6–9; 26, р. 6; 27, р. 1–3, 11–14, 36–40, 49–50; 28, р. 9–10; 29; 30; 34, р. 93; 35, р. 1–4; 36].

Таким образом, на фоне обостряющегося геополитического соперничества в регионе иранская ядерная программа стала катализатором серьезного обострения американо-саудовских отношений, поскольку Саудовская Аравия считала ядерную сделку угрозой для региональной безопасности.

Гуманитарные и культурные аспекты американо-саудовских отношений в рамках политики «мягкой силы» призваны играть большую роль в укреплении взаимопонимания между странами. Культурные обмены и программы смягчали цивилизационные различия двух стран и создавали платформу для взаимодействия. Академические обмены стали фундаментом формирования гуманитарных связей между США и Саудовской Аравией еще с начала 1950-х гг., когда первые саудовские студенты начали получать образование в американских университетах. Программа короля Абдаллы по предоставлению стипендий саудовским студентам для обучения в лучших университетах мира с 2008 г. еще более укрепила долгосрочные связи США и Саудовской Аравии.

Совместные исследовательские программы демонстрируют активное взаимодействие в сфере передовых технологий. Медицинское сотрудничество, начатое в середине XX в., сыграло ключевую роль в создании современной системы здравоохранения Саудовской Аравии.

Массовая культура Запада приобрела популярность среди саудовской молодежи, особенно в свете реформ программы «Видение 2030».

Совместные гуманитарные программы в рамках ООН направлены на помощь беженцам, восстановление разрушенной инфраструктуры и предоставление медицинской помощи. Поддержка Саудовской Аравией американских инициатив в Совете Безопасности ООН, ОПЕК и G20 подчеркивает стратегическую важность двусторонних связей. Одновременно Саудовская Аравия активно развивает альтернативные международные связи, что усиливает ее позиции как самостоятельного и влиятельного игрока на Ближнем Востоке [39]. Королевство укрепляет связи с Китаем, Индией и Россией, позиционируя себя в качестве многовекторной державы, участвующей в глобальном управлении. В геополитическом плане Саудовская Аравия продолжает играть одну из ключевых ролей на Ближнем Востоке [12, с. 127–156].

Таким образом, региональные конфликты, суннитско-шиитское противостояние и борьба за влияние между Ираном и Саудовской Аравией формируют динамику американо-саудовских отношений в сфере безопасности. Усиление ваххабизма, международный терроризм

и растущее влияние Китая создают дополнительные вызовы для их стратегического партнерства. Администрация Б. Обамы, стремясь сократить прямое военное вмешательство на Ближнем Востоке, делала ставку на дипломатические инструменты и непрямые методы влияния. Это позволило снизить издержки, но ослабило контроль над ситуацией и углубило разногласия с Саудовской Аравией, особенно в период «арабской весны». Решение США о заключении ядерного соглашения с Ираном стало критической точкой напряженности: Эр-Рияд воспринял его как угрозу региональному балансу сил.

Недовольство региональной политикой США подтолкнуло Саудовскую Аравию к большей самостоятельности, включая расширение связей с Китаем, Россией и Европой.

Несмотря на геополитические изменения, стратегическое партнерство США и Саудовской Аравии в период президентства Б. Обамы сохраняло (и до сих пор сохраняет) свое значение. Экономическое сотрудничество, основанное на торговле нефтью, оружием и инвестициях, остается ключевым аспектом взаимодействия. Американская «мягкая сила» через культурные и образовательные программы поддерживает модернизационные процессы в Саудовской Аравии.

Список использованных источников

1. Аль-малек Салман бин абдель-азаиз: наамал биттифакийя мулзама альлати тад'а нихайя лельмалаф аннауауй аль-ирани = Король Салман бин Абдель Азиз: мы надеемся на обязывающее соглашение, которое положит конец ядерному досью Ирана // elaph.com. — 03.04.2015. — URL: <https://elaph.com/Web/News/2015/4/996413.html> (дата обращения: 29.10.2022) (на араб. яз.).
2. Аль-Шам, Ф. Хилаф су'ади америки гайр масбук = Беспрецедентный саудовско-американский спор / Ф. Аль-Шам // Мунтада аль-дифа'а аль-'араби = Арабский форум обороны. — URL: <https://defense-arab.com/vb/threads/73742/> (дата обращения: 29.01.2023) (на араб. яз.).
3. Ахмед, А. М. Аль-'алакат аль-амирийя аль-су'аудийя фи фатрет аль-ра'аис Обама (2008–2016) = Америка-но-саудовские отношения в период президентства Обамы (2008–2016 гг.) / А. М. Ахмед. — Берлин: Аль-марказ аль-димикрадий аль-'араби лельдирасат аль-иктисадийя ва аль-сийасийя = Арабский демократический центр стратегических политических и экономических исследований, 2020. — 244 с. // Аль-марказ аль-димикрадий аль-'араби лельдирасат аль-иктисадийя ва аль-сийасийя = Арабский демократический центр стратегических политических и экономических исследований. — URL: <https://democraticac.de/?p=65954> (дата обращения: 12.10.2024) (на араб. яз.).
4. Дираса хаула ташир'аат мукафехет аль-ирхаб фи дууаль аль-халидж аль-'араби ва аль-йемен = Исследование по антитеррористическому законодательству в арабских странах Персидского залива и Йемена // Управление ООН по наркотикам и преступности — URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Study_CT_Legislation_Gulf_Yemen/Arabic.pdf (дата обращения: 21.01.2020) (на араб. яз.).
5. Зайчиков, В. И. Отношения между Королевством Саудовская Аравия и США в контексте региональных и международных процессов (1980-е гг. — 2006 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Вадим Игоревич Зайчиков; Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2006. — 25 с.
6. Исторический визит короля Салмана в Вашингтон был основан на его стремлении общаться с мировыми лидерами // Al-jazirah.com. — 13.01.2016. — URL: <https://www.al-jazirah.com/2016/20160113/qr2.htm> (дата обращения: 08.04.2024) (на араб. яз.).
7. Кирсанов, Е. Е. Новая Стратегия национальной безопасности США и ситуация на Ближнем Востоке / Е. Е. Кирсанов // Институт Ближнего Востока. — 31.05.2010. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=10756> (дата обращения: 20.03.2024).
8. Косач, Г. Г. «Видение 2030». Саудовские реформы / Г. Г. Косач // Свободная мысль. — 2016. — № 6. — С. 107–124.
9. Косач, Г. Г. Визит президента США Б. Обамы в КСА / Г. Г. Косач // Институт Ближнего Востока. — 22.04.2016. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=28143> (дата обращения: 15.03.2024).
10. Кузнецов, А. И. О визите принца Мухаммеда бен Сальмана в США / А. И. Кузнецов // Институт Ближнего Востока. — 17.06.2016. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=28737> (дата обращения: 20.03.2020).
11. Лайта, М. Аль-су'аудийя ва америка: 'алакат иктисадийя 'амика ва хаджем аль-табадол аль-тиджари 135 млйар рийаль в 2017 = Саудовская Аравия и Америка: глубоко укоренившиеся экономические отношения и товарооборот в объеме 135 млрд риалов в 2017 г. / М. Лаута, Т. Аль-Сайя // Aleqt.com. — 20.03.2018. — URL: http://www.aleqt.com/2018/03/20/article_1353291.html (дата обращения: 08.04.2024) (на араб. яз.).
12. Марзук, М. М. М. Аль-'алакат аль-амирийя аль-су'аудийя фи зел аль-мутагаийрат аль-иклимийя (2011–2016) = Америка-но-саудовские отношения в свете региональных изменений (2011–2016 гг.) / М. М. М. Марзук. — Берлин: Аль-марказ аль-димикрадий аль-'араби лельдирасат аль-иктисадийя ва аль-сийасийя = Арабский демократический центр стратегических политических и экономических исследований, 2020. — 190 с. // Аль-марказ аль-димикрадий

аль-‘араби лельдирасат аль-иктисадийа ва аль-сийасийа = Арабский демократический центр стратегических политических и экономических исследований. — URL: <https://democraticac.de/?p=65906> (дата обращения: 12.10.2024) (на араб. яз.).

13. Организации США содействовали подготовке восстаний в арабских странах // ИА IslamNews: информационное агентство России. — URL: <https://islamnews.ru/Organizacii-SShA-sodejstvovani-podgotovke-vosstanij-v-arabskih-stranah> (дата обращения: 16.10.2024).

14. Суверенный фонд Саудовской Аравии инвестировал 7,5 млрд долларов в ведущие американские компании // Neftegaz.RU. — 17.08.2022. — URL: https://neftegaz.ru/news/finance/747210-suverenny-fond-saudovskoy-aravii-investiroval-7-5-mlrd-doll-ssha-v-vedushchie-kompanii-ssha/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 09.02.2024).

15. Уолд, Э. SAUDI, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира / Э. Уолд. — М.: Альпина Паблишер, 2021. — 272 с.

16. Фи хитам иджитма’а камб девид. Дууаль аль-халидж юраххибун бель-иттифак аннауауй аль-ирани, ва вашенктон тад’ам акраб хулафаиха = По завершении встречи в Кэмп-Дэвиде. Страны Персидского залива приветствуют ядерное соглашение с Ираном, а Вашингтон поддерживает «своих ближайших союзников» // Watan.fm. — 15.05.2015. — URL: <https://watan.fm/news/politics/9961> (дата обращения: 29.01.2020) (на араб. яз.).

17. Хаджем аль-табадол аль-тиджари байна аль-су’адийа ва амрика хилаль аль-санават аль-‘ашер аль-ахира = Объем товарооборота между Саудовской Аравией и США за последние десять лет // argaam.com. — 20.03.2018. — URL: <https://www.argaam.com/ar/article/articledetail/id/536495> (дата обращения: 08.04.2024) (на араб. яз.).

18. Щегловин, Ю. Б. США-КСА: проблемы двусторонних отношений / Ю. Б. Щегловин // Институт Ближнего Востока. — 25.10.2013. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=18510> (дата обращения: 15.03.2024).

19. Юсеф, Б. Иран аннауауйа... мен «кашеф альсер» ила мухауалат аль-‘ауда ила «иттифак 2015» = Ядерный Иран... от «разоблачения секрета» к попыткам вернуться к «соглашению 2015 года» / Б. Юсеф // Руйя = Видение. — 02.03.2022. — URL: <https://roayahnews.com/?p=1073586/> (дата обращения: 11.10.2022 (на араб. яз.)).

20. Clinton, H. R. Hard Choices / H. R. Clinton. — New York: Simon & Schuster, 2014. — 656 p.

22. Colvin, R. Cut off head of snake» Saudis told U.S. on Iran / R. Colvin // Reuters. — 29.11.2010. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-wikileaks-iran-saudis/cut-off-head-of-snake-saudis-told-u-s-on-iran-idUSTRE6AS02B0101129> (date of access: 20.11.2024).

22. Esfandiari, G. Senior Iranian Official Reveals Details About Secret Talks with U.S. / G. Esfandiari // RFE/RL. — 06.08.2015. — URL: <https://www.rferl.org/a/iran-secret-talks-salehi-nuclear-united-states/27174643.html> (date of access: 10.08.2024).

23. Full text of Saudi Arabia’s Vision 2030 // Al Arabiya. — URL: <https://english.alarabiya.net/en/perspective/features/2016/04/26/Full-text-of-Saudi-Arabia-s-Vision-2030.html> (date of access: 30.08.2024).

24. Gerges, F. The «Obama doctrine» in the Middle East: Policy brief, October 2012 / F. Gerges // Institute for Social Policy and Understanding. — URL: https://www.ispu.org/wp-content/uploads/2012/10/2012_The-Obama-Doctrine-in-the-Middle-East.pdf (date of access: 15.10.2024).

25. Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. November 2007 // Office of the Director of National Intelligence. — URL: https://www.dni.gov/files/documents/Newsroom/Reports%20and%20Pubs/20071203_release.pdf (date of access: 30.09.2024).

26. Iran: Regional Perspectives and U.S. Policy // Congressional Research Service Report for Congress: R40849. — October 7, 2009. — 40 p. // EveryCRSReport.com. — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20091007_R40849_4c8def82fa4365b100ad93bdaa476cb7227bfff3.pdf (date of access: 07.10.2009).

27. Iran’s Nuclear Program: Status / Congressional Research Service Report for Congress: RL34544. — December 20, 2019. — 91 p. // FAS Project on Government Secrecy. — URL: <https://sgp.fas.org/crs/nuke/RL34544.pdf> (date of access: 24.11.2024).

28. Jahanbegloo, R. The Obama Administration and Iran: Towards a Constructive Dialogue: Working Paper N 43, June 2009. — 27 p. / R. Jahanbegloo // Centre for International Governance Innovation. — URL: https://www.cigionline.org/sites/default/files/wp_43-web.pdf (date of access: 12.06.2009).

29. Lacey, R. Inside the Kingdom: Kings, Clerics, Modernists, Terrorists, and the Struggle for Saudi Arabia / R. Lacey. — London: Viking Penguin, 2009. — 432 p.

30. Mohammed A. U.S., Iran held secret talks on march to nuclear deal / A. Mohammed, P. Hafezi // Reuters. — 24.11.2013. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-bilateral-idUSBRE9ANoFB20131124> (date of access: 22.11.2024).

31. National Security Strategy. February 2015. — 32 p. // The White House President Barak Obama. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (date of access: 17.04.2024).

32. National Security Strategy. May 2010. — 60 p. // The White House. President Barack Obama. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (date of access: 17.04.2024).

33. Obama, B. A promised land / B. Obama. — New York: Penguin Random house UK, 2020. — 751 p.

34. Parmly, C. The Role of Iran Policy the Saudi-American Rift: Master’s Thesis / C. Parmly. — Florida International University, 2015. — 166 p. // Florida International University. — URL: <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/2301> (date of access: 22.09.2024). — <https://doi.org/10.25148/etd.FIDC000198>.

35. State Department, Note, William J. Burns for the Secretary of State, «A New Strategy toward Iran», SECRET, January 24, 2009 // National Security Archive. — URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/24693-document-07-state-department-note-william-j-burns-secretary-state-new-strategy/> (date of access: 23.09.2024).

36. Statement by the President on the Framework to Prevent Iran from Obtaining a Nuclear Weapon // The White House. President Barack Obama. — 02.04.2015. — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/04/02/statement-president-framework-prevent-iran-obtaining-nuclear-weapon#:~:text=Today%2C%20the%20United%20States%20%2D,security%20of%20the%20American%20people> (date of access: 04.09.2024).

37. S.2040 — Justice Against Sponsors of Terrorism Act // GovInfo. — URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-114s2040enr/pdf/BILLS-114s2040enr.pdf> (date of access: 09.04.2024).

38. U.S. Foreign Policy toward Iran in the Obama Era // Italian Institute for International Political Studies. — 16.07.2013. — URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/us-foreign-policy-toward-iran-obama-era-8667> (date of access: 26.09.2024).

39. U.S. Relations with Saudi Arabia // U.S. Department of State. — 01.11.2023. — URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-saudi-arabia/> (date of access: 12.10.2024).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2024 г.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОДХОДОВ ЕГИПТА В ОТНОШЕНИИ ПАЛЕСТИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ В 1948—1952 гг.

Ислам Хемеда

В статье рассматриваются вопросы становления подходов Египта к палестинской проблеме в период с 1948 по 1952 г. С момента своего возникновения «палестинский вопрос» стал ключевой проблемой во внешней политике Египта, оказав глубокое воздействие на политическую, социально-экономическую и военную жизнь страны в XX—XXI вв. На основе имеющихся документов и материалов автор статьи проанализировал особенности формирования позиций Египта в отношении «палестинского вопроса» на разных этапах его существования в контексте комплекса внутренних и внешних факторов. Вовлеченное участие Египта в решении палестинской проблемы обусловлено историческими, религиозными и общественно-политическими факторами. Особое внимание уделяется формированию подходов к палестинской проблеме политического руководства страны, партий и других организаций, оказывающих влияние на общественность Египта. Несомненно, ключевым фактором развития подхода Египта к урегулированию существующего вопроса стало желание оказывать помощь и поддержку близкому народу, стремление не допустить у своих границ недружественного государства, стать региональным лидером, в руках которого в будущем будут сосредоточены возможности урегулирования региональных конфликтов. По мнению автора статьи, комплекс таких факторов, как наличие противоречий между арабскими государствами, отсутствие единого подхода к решению «палестинского вопроса» внутри египетского общества, оказали влияние на формирование позиции Каира в отношении палестинской проблемы.

Ключевые слова: война; дипломатия; Египет; Израиль; Палестина; палестинская проблема; противоречия.

«Formation of Egyptian Approaches to the Palestinian Problem in 1948—1952» (Eslam Hemeda)

The article examines the development of Egypt's approaches to the Palestinian issue between 1948 and 1952. From its inception, the Palestinian issue has been central to Egypt's foreign policy, profoundly impacting the country's political, socio-economic, and military life in the 20th and 21st centuries. Based on available documents and materials, this article analyses the characteristics of Egypt's evolving position on the Palestinian issue within the context of complex internal and external factors. Egypt's involvement in addressing the Palestinian issue stems from historical, religious, and socio-political factors. This article pays particular attention to the evolving approaches to the Palestinian issue adopted by Egypt's political leadership, parties, and other organisations influencing Egyptian public opinion. A key factor in the development of Egypt's approach to the Middle East conflict was the desire to provide assistance and support to a close nation, prevent the establishment of an unfriendly state on its borders, and aspire to attain regional leadership with the capacity to settle regional conflicts. The author argues that contradictions between Arab states and the lack of a unified approach to the Palestinian issue within Egyptian society influenced the formation of Cairo's approaches to the Palestinian problem.

Keywords: contradictions; diplomacy; Egypt; Israel; Middle East issue; Palestine; war.

Последствия Первой мировой войны, британский мандат Лиги Наций на Палестину привели к формированию первых очагов недовольства среди арабского населения. Начавшийся распад Британской колониальной империи в послевоенный период стал причиной роста национально-освободительных

движений, соперничества молодых государств за региональное лидерство, появления новых очагов нестабильности в мире и территориальных разногласий. Стремясь оказать помощь палестинскому народу и выстроить новые позиции своей страны в мире и регионе, Египет с момента возникновения ближневосточной

Автор:

Хемеда Ислам Ахмед Талаат Саид — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: eslamashry2231@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Hemeda Eslam Ahmed Talaat Sayed — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: eslamashry2231@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

проблемы оказался непосредственным ее участником. В послевоенный период решение «палестинского вопроса», по просьбе Великобритании было передано на рассмотрение ООН [9]. Осознавая сложность ситуации в Палестине, начиная с 1947 г. Египет совместно с Ираком, Ливаном, Саудовской Аравией и Сирией безуспешно пытался привлечь внимание к проблеме, связанной с существованием мандата Великобритании на Палестину [2, с. 4].

Целью статьи является характеристика формирования подходов Египта в отношении палестинской проблемы в 1948–1952 гг. Среди задач исследования — определение факторов, оказавших влияние на формирование подходов Египта к «палестинскому вопросу», выявление основных подходов политических сил Египта к проблеме вокруг Палестины.

Проблема формирования подходов Каира к палестинской проблеме недостаточно исследована в современной белорусской и зарубежной историографии. При написании статьи широко использовались российские, египетские и британские работы.

Российская историография представлена трудами таких авторов, как Л. А. Крыжко [5], С. И. Мусаева [6], В. П. Юрченко [16]. Они рассматривали проблему формирования подходов Египта относительно «палестинского вопроса» в XX в., в том числе военную и политическую сторону вопроса. Однако данная группа авторов изучала предмет исследования в контексте египетско-израильских отношений, в том числе с военной точки зрения, в контексте государственного переворота 1952 г. и национальной безопасности Египта. Несмотря на это, анализ данной группы работ позволил проследить факторы, оказывающие влияние на египетскую внешнюю политику в указанный период.

Египетская историография представлена работами Н. Насер [7] и А. Хамруша [13]. В центре внимания последнего автора июльская революция в Египте (23 июля 1952 г.), анализ событий внешней и внутренней политики страны накануне революции, в том числе и Палестинская война. Данная работа египетского публициста представляет интерес, так как в ней отражены позиции в отношении «палестинского вопроса» различных политических сил Египта (например, «Братьев-мусульман», «Молодого Египта», Демократического движения за национальное освобождение и др.).

Еще одна группа включает в себя работы израильских авторов А. Эпштейна [15], Дж. Франко [18], Б. Морриса [20], которые на основе имеющихся материалов и историографии детально рассмотрели комплекс вопросов, связанных с ситуацией в Палестине, в том числе анализируя участие других стран региона в вооруженном конфликте в процессе его урегулирования. Вопрос формирования позиций Египта относительно палестинской проблемы рассматривается в контексте военных действий.

Таким образом, несмотря на большое количество работ по вопросу участия Египта в урегулировании палестинской проблемы, в рассмотренной историографии слабо освещены подробности формирования подходов Египта в отношении изучаемого вопроса.

Хронологические рамки исследования охватывают период с мая 1948 г., когда после объявления независимости Государства Израиль арабские государства, в том числе Египет, вошли на территорию Палестины, до июля 1952 г., когда в стране произошла революция, в результате которой к власти пришла политическая организация военнослужащих «Свободные офицеры».

Египет с первых дней возникновения «палестинского вопроса» стремился оказать влияние на его урегулирование, предоставлять различную помощь палестинскому движению. Это связано с местом и положением страны в регионе, степенью египетской вовлеченности в вопрос, наличием контроля за важнейшими воздушными и водными путями из Европы в Азию. Начиная с 1947 г. руководство Египта заявило о своей готовности участвовать в решении «палестинского вопроса» [3].

В июне 1947 г. под эгидой ООН состоялось заседание созданной накануне Специальной комиссии ООН по вопросам Палестины [18, р. 763]. По результатам работы комиссии было представлено два предложения по палестинской проблеме: создание арабского и еврейского государств, связанных экономическим союзом, со специальным международным статусом для Иерусалима под управлением ООН, а также федеративной структуры, состоящей из арабского и еврейского государств, столицей которой стал бы Иерусалим [2, с. 5].

По результатам работы комиссии состоялось заседание Генеральной Ассамблеи ООН, на котором были представлены имеющиеся предложения по возможному выходу из сложившегося кризиса вокруг Палестины. В соответствии с резолюцией 181 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины было принято решение о создании двух независимых государств — еврейского и арабского [1]. Арабские государства и палестинские арабы заявили о том, что предложенный план не соответствует Уставу ООН [2, с. 5]. Несогласные с данной резолюцией арабские страны приняли решение о поиске иного пути урегулирования палестинской проблемы.

Учитывая территориальную, религиозную, культурно-историческую близость Палестины, на фоне этих событий внутри Египта стали формироваться различные подходы в отношении «палестинского вопроса». Следует отметить, что этот период стал сложным для Египта с точки зрения возможностей выбора реализации своей внешне- и внутривнутриполитической стратегии, так как британское присутствие в стране оказывало давление на полити-

ческое руководство по различным вопросам. Внутри страны существовали разные силы, которые вследствие идеологических, религиозных и других факторов также выработали свой подход к «палестинскому вопросу».

В начале декабря 1947 г. египетский король Фарук I в беседе с американскими дипломатами заявил о том, что его страна не будет участвовать в военных действиях на территории Палестины до момента вывода британских войск. По мнению египетского монарха, арабские страны уступали в военной подготовке Израилю, однако он выразил уверенность в том, что объединенные арабские силы смогут одержать победу в возможном столкновении [22].

После принятия Генеральной Ассамблеей ООН резолюции стало очевидно, что в Египте не существует единого подхода к сложившимся обстоятельствам. В стране существовали споры относительно выбора курса в отношении арабо-израильского вопроса — индивидуального национального, панарабского, мусульманского курса [15, с. 28].

Свою линию относительно «палестинского вопроса» Египет стремился озвучить на полях Лиги арабских государств. С 8 по 17 декабря 1947 г. Лига инициировала проведение заседания в Каире своего Политического комитета. В соответствии с принятыми решениями Совет Лиги поручил создание объединенного арсенала и проведение военной подготовки добровольцев. Во время совещания глав правительств организации египетский премьер-министр М. ан-Нукраши выступил с заявлением о том, что Каир не намерен принимать военное участие на палестинской территории [15, с. 29].

В апреле 1948 г. министр иностранных дел Египта А. М. Хашаба выступил с заявлением о том, что Каир не будет препятствовать участию в боевых действиях на палестинской территории добровольцев, а также не планирует отправлять регулярную египетскую армию в регион боевых действий [20, р. 182]. Кроме того, египетский король Фарук I с беспокойством относился к возможному участию в конфликте Иордании и по этой причине считал возможным участие в военных действиях в Палестине. Отсутствие единого подхода к возможности участия страны в военных действиях на территории Палестины было вызвано ростом борьбы за лидерство в регионе в контексте распада Британской империи, а также борьбой мировых держав за сферы влияния.

Кроме руководства страны, в решение «палестинского вопроса» в конце 1940-х гг. включились различные политические силы Египта. Стоит отметить, что группы «Братья-мусульмане» и «Молодой Египет» были в числе политических организаций, выдвинувших палестинскую проблему на первый план. Среди шагов указанных политических объединений был призыв к вооруженной борьбе [13, с. 96].

По мнению представителей политической партии «Хизб аль-Вафд», территория Палестины должна была принадлежать в равной степени мусульманам, христианам и евреям, нельзя было допускать укрепления исключительно еврейского населения. При этом партия выступала против вооруженной борьбы и вступления Египта в войну с Израилем [13, с. 96].

Против войны выступила коммунистическая группа «Демократическое движение за национальное освобождение», которая стремилась объединить народы региона для национально-освободительной борьбы, считая, что война с Израилем приведет к усилению западных государств в Ближнем Востоке [13, с. 96].

Долгое время египетское руководство открыто не высказывалось по поводу возможного участия в военных действиях в Палестине [19, р. 20]. Это было связано с отсутствием единого подхода в египетских политических кругах к возможному участию страны в военных действиях, наличием британского присутствия, сложностью политической ситуации.

Вопрос о вступлении Египта в боевые действия в Палестине был поднят 11 мая 1948 г., когда премьер-министр М. ан-Нукраши потребовал созвать заседание парламента для решения данной проблемы. За вступление в войну выступил египетский король Фарук I [13, с. 98].

Окончание британского мандата в Палестине и провозглашение Государства Израиль на территории, отведенной по плану резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, 14 мая 1948 г. привели к столкновениям между еврейской и арабской общинами. 15 мая 1948 г. Египет совместно с Иорданией, Ливаном, Сирией и Ираком вошли на территорию Палестины. Комплекс проблем, связанных с «палестинским вопросом», перешел в новую фазу, вызвав тем самым необходимость пересмотра Египтом подходов к его урегулированию [21, р. 12]. Египет начал движение с южной части страны, став компонентом объединенных арабских сил. Египетские силы включали в себя организацию «Братья-мусульмане» и молодежные формирования.

На состоявшемся 22 мая 1948 г. заседании Совета Безопасности ООН был представлен очередной проект резолюции. Интересы египетской стороны изложил постоянный представитель Египта при ООН М. Фаузи-бей, который заявил о необходимости окончательного определения статуса Палестины путем принятия соответствующих документов Советом [11, с. 22].

Во время заседания Совета Безопасности 19 августа 1948 г. М. Фаузи-бей отметил, что Египет стремился оказать помощь посреднику ООН в Палестине в урегулировании «палестинского вопроса», руководство страны обеспокоено ситуацией с палестинскими беженцами, которые лишены безопасности и оказались в сложной социальной ситуации [12, с. 23].

В сентябре 1948 г. в Александрии прошла сессия Политического комитета Лиги арабских государств, на которой было принято решение о создании палестинского правительства с штаб-квартирой в Газе. Каир признал палестинское правительство. На этом этапе развития кризиса для Египта было важно не допустить присоединения иорданским королем Абдаллой I отдельных районов Палестины. К середине октября 1948 г. палестинское правительство прекратило существование. Египет сохранил контроль над Сектором Газа [15, с. 38].

Несмотря на наличие вооруженного конфликта, между египетскими и израильскими дипломатами велись тайные переговоры. Так, в Париже 21 и 30 сентября 1948 г. прошли встречи между израильским государственным деятелем Э. Сассоном и египетским дипломатом К. Риадом. Во время переговоров обсуждался широкий круг вопросов [15, с. 32].

Принятая Советом Безопасности ООН 16 ноября 1948 г. резолюция 62 призывала все стороны, вовлеченные в конфликт, стремиться к скорейшему перемирию. В соответствии с документом стороны должны были установить постоянную демаркационную линию перемирия, отвести и сократить вооруженные силы, обеспечить выполнение перемирия в Палестине [10].

Подводя итог данного периода конфликта, необходимо отметить важный результат — принятие Генеральной Ассамблеей ООН 11 декабря 1948 г. резолюции 194 (III), которая определяла положение беженцев, призывала к демилитаризации и интернационализации Иерусалима, в том числе защите священных мест, а также решения о создании Согласительной комиссии в составе Франции, Турции и США [8].

В январе 1949 г. начались переговоры между дипломатическими миссиями Египта и Израиля, в то время как военные действия между странами продолжались. Успешные военные операции израильской армии оказали прямое воздействие на дипломатические позиции Египта. Египетская делегация требовала от Израиля выполнения требований резолюции 61 Совета Безопасности ООН. Однако Израиль считал подобный подход недопустимым, так как в соответствии с ранее принятой Генеральной Ассамблеей резолюцией по разделу Палестины Египту не полагалась подмандатная территория [15, с. 42].

Большое значение в египетско-израильских переговорах было отведено американскому дипломату Р. Банчу, представившему в январе 1949 г. компромиссное предложение, в соответствии с которым за каждым из участников переговоров сохранялся военный контроль имеющихся территорий. Египет принял решение согласиться на данное предложение, Израиль не мог определиться [15, с. 42—43].

Подписание в феврале 1949 г. Египтом и Израилем соглашения о прекращении боевых действий на о. Родос положило начало новому подходу Каира к арабо-израильскому конфликту [17].

В апреле 1949 г. Согласительная комиссия участвовала в качестве посредника в переговорах между Израилем и арабскими государствами. Несмотря на подписание договоров между Израилем, Египтом, Иорданией, Ливаном и Сирией, работа комиссии оказалась безрезультатной, так как арабские государства первоочередно стремились решить вопрос беженцев, в то время как Израиль — территориальный вопрос [2, с. 13].

На протяжении 1949 г. продолжались переговоры относительно дальнейшей ситуации вокруг «палестинского вопроса» на разных уровнях. В ходе Лозаннской конференции с 19 апреля по 19 августа 1949 г. ряд переговоров с израильскими политиками провел представитель Египта А. М. Мустафа. Во время встречи в августе 1949 г. он заявил о необходимости создания буфера между Египтом и Израилем, Египтом и Иорданией путем «передачи Негева Палестинскому арабскому государству (которого... не существовало)» [15, с. 60].

Анализ состоявшейся 1 апреля 1950 г. беседы временного поверенного в делах СССР в Египте С. П. Киктева с директором политического департамента МИД Египта С. А. Фетухом позволяет утверждать, что Каир не был заинтересован в заключении сепаратного мира между Трансиорданией и Израилем, а также не был намерен признавать Израиль [4, с. 118].

Поражение в войне 1948—1949 гг. оказало глубокое воздействие на внутреннюю и внешнюю политику Египта. Результатом сложившихся обстоятельств стало формирование группы военных в организацию «Свободные офицеры» во главе с Г. А. Насером [6, с. 119], которая в результате внутри- и внешнеполитической борьбы в июле 1952 г. пришла к власти в Египте. Однако новая египетская власть не изменила свои позиции относительно ближневосточного конфликта [5, с. 98].

По мнению российского востоковеда В. П. Юрченко, пришедший к власти в Египте Г. А. Насер проявлял сочувствие к положению палестинцев и считал необходимым решить спорные вопросы путем проведения переговоров с Израилем [16, с. 16]. По мнению белорусского исследователя Д. Л. Шевелёва, после революции 1952 г. «Египет стал ключевым региональным игроком», что серьезно расширяло его возможности в урегулировании «палестинского вопроса» [14, с. 33].

Таким образом, формирование египетского подхода к урегулированию «палестинского вопроса» происходило в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Египет отстаивал свою позицию относительно «палестинского вопроса» в рамках ООН и Лиги арабских государств совместно с другими странами региона. Среди факторов, оказавших влияние на формирование подходов Египта к урегулированию палестино-израильского конфликта были стремление Каира стать региональным лидером, желание оказать помощь близкому в религи-

озном и культурном плане народу, присутствие в стране британской армии, региональные противоречия между Каиром и Амманом, деятельность группы «Братья-мусульмане», отсутствие общего подхода среди политических и военных деятелей страны. Немаловажное значение в формировании подходов к урегулированию «палестинского вопроса» имел его многосложный характер, включавший в себя отношения между арабскими странами, арабскими странами и Израилем, а также Египта с великими державами, религиозные сложности, в том числе наличие в Иерусалиме важных духовных святынь, гуманитарный вопрос и др. В процессе формирования позиции Каира в отношении палестинской проблемы выработался своеобразный подход, обусловленный необходимостью оказания разносторонней помощи палестинским беженцам, наличием недоброжелательных отношений с Израилем, поиском дипломатической поддержки извне.

В рассматриваемый период 1948—1952 гг. в Египте произошла смена власти, одной из причин которой стало отсутствие комплексного подхода к урегулированию «палестинского вопроса». Формирование подходов различных политических сил Египта происходило в процессе нарастания кризисных явлений в Палестине. Руководство страны, а также некоторые политические силы Египта (организации «Братья-мусульмане» и «Молодой Египет») были настроены оказывать помощь палестинскому народу, в том числе путем участия в военном конфликте с Израилем. Две политические силы (партии «Хизб аль-Вафд», «Демократическое движение за национальное освобождение») выступали за оказание помощи арабскому народу Палестины без участия в военном конфликте. Вплоть до революции 1952 г. в Египте принятие конкретных решений относительно «палестинского вопроса» оставалось за египетской монархией.

Список использованных источников

1. Будущее правительство Палестины: док. ООН A/RES 181 (II), 29 нояб. 1947 г. // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitalibrary.un.org/record/210008> (дата обращения: 29.09.2024).
2. Вопрос о Палестине и Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 2008. — v, 130 с. // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/2017/08/29/questionofpalestineandun/> (дата обращения: 09.10.2024).
3. Вопрос о Палестине. Истоки и история проблемы Палестины. Часть II (1947—1977 годы) // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/unispal/ru/origins-and-evolution-of-the-palestine-problem/part-ii-1947-1977/> (дата обращения: 09.04.2024).
4. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Египте С. П. Киктева с Директором политического департамента МИД Египта С. Абуль Фетухом, 1 апр. 1950 г. // Ближневосточный конфликт: из документов архива внешней политики Российской Федерации. 1947—1967. В 2 т. Т. 1. 1947—1956 / отв. ред. В. В. Наумкин. — М.: МФД, 2003. — С. 119.
5. Крыжко, Л. А. Египетско-израильские пограничные вооруженные столкновения в первой половине 1950-х гг. / Л. А. Крыжко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10-1 (84). — С. 97—100.
6. Мусаева, С. И. Гамаль Абдель Насер — лидер тайного общества «Свободные офицеры» и государственный переворот в 1952 году в Египте / С. И. Мусаева // Современная научная мысль. — 2021. — № 4. — С. 115—121.
7. Насер, Н. Дор тарихи: Маср уа алькадия аль фаластиния монзу ам 1948 = Историческая роль: Египет и палестинский вопрос с 1948 г. / Н. Насер // Аль маркз аль масри лель дерасат аль истратижия = Египетский центр стратегических исследований. — URL: <https://ecss.com.eg/45642/> (дата обращения: 15.05.2024).
8. Палестина — Доклад Посредника Организации Объединенных Наций в Палестине о достигнутых результатах: док. ООН A/RES/194 (II), 11 дек. 1948 г. // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitalibrary.un.org/record/210025> (дата обращения: 09.10.2024).
9. Письмо делегации Соединенного Королевства с просьбой поставить вопрос о Палестине на повестку дня Генеральной Ассамблеи на ее следующей сессии и созвать специальную сессию Генеральной Ассамблеи: док. ООН A/286, 2 апр. 1947 г. // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/a286.pdf> (дата обращения: 09.04.2024).
10. Резолюция 62 (1948), принятая Советом Безопасности на его 381-м заседании 16 ноября 1948 г. [Палестинский вопрос]: док. ООН S/RES/62 (1948) // Цифровая библиотека ООН. — URL: <https://digitalibrary.un.org/record/112006> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Совет Безопасности: официальные отчеты: третий год. 301-е и 302-е заседания, 22 мая 1948 г. / Объединенные Нации // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n50/163/24/pdf/n5016324.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
12. Совет Безопасности: официальные отчеты: третий год. 353-е, 354-е и 355-е заседания, 19 авг. 1948 г. / Объединенные Нации // Организация Объединенных Наций. — URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/ng9/006/03/pdf/ng900603.pdf> (дата обращения: 09.10.2024).
13. Хамруш, А. Революция 23 июля 1952 г. в Египте. Очерки истории / А. Хамруш. — М.: Прогресс, 1984. — 335 с.
14. Шевелёв, Д. Л. Ближний Восток и системы международных отношений: принципы, хронология и теории / Д. Л. Шевелёв // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2020. — № 1-2 (92-93). — С. 27—36.
15. Эпштейн, А. Д. Израиль и Египет: пять войн за четверть века / А. Д. Эпштейн. — М., 2020. — 442 с. // Институт Ближнего Востока. — URL: <http://book.iimes.su/wp-content/uploads/main/316AEIsEg%20.pdf> (дата обращения: 15.01.2024).
16. Юрченко, В. П. Египет: проблемы национальной безопасности (1952—2002 гг.) / В. П. Юрченко. — М.: Ин-т изучения Ближнего Востока, 2003. — 311 с.
17. Egyptian-Israeli General Armistice Agreement, Febr. 24, 1949 // Yale Law Scoll. Lillian Goldman Law Library. — URL: https://avalon.law.yale.edu/20th_century/armo1.asp (date of access: 29.09.2024).
18. Franco, J. The Palestine Commission: the forgotten chapter in United Nations peacemaking and peacekeeping in the Arab-Israeli conflict / J. Franco // Middle Eastern Studies. — 2024. — Vol. 6, N 5. — P. 763—776. — <https://doi.org/10.1080/00263206.2023.2280232>.
19. Mayer, T. Egypt's 1948 invasion of Palestine / T. Mayer // Middle Eastern Studies. — 1986. — Vol. 22, N 1. — P. 20—36. — <https://doi.org/10.1080/00263208608700648>.
20. Morris, B. 1948. The First Arab-Israeli War / B. Morris. — New-Haven: Yale University Press, 2001. — 524 p.
21. Schulze, K. E. The Arab-Israeli conflict / K. E. Schulze. — 2nd ed. — London: Pearson education limited, 2008. — 173 p.
22. The Ambassador in Egypt (Tuck) to the Secretary of State, Dec. 3, 1947. Secret: Doc. 867N.01/12—347: Telegram // Office of The Historian. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1947v05/d901> (date of access: 29.09.2024).

Статья поступила в редакцию 22 апреля 2024 г., доработана в декабре 2024 г.

ГОСТИНИЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА МЕЖДУНАРОДНОГО АЭРОПОРТА «ХАМАД»: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Виктория Дедок

В статье предлагается подробный обзор гостиничной инфраструктуры лучшего аэропорта в мире по версии Skytrax World Airport Awards 2024 — Международного аэропорта «Хамад» (г. Доха, Катар). Автор определила ряд отличительных особенностей гостиничной инфраструктуры (высокий уровень развития, предпосылки формирования которого учтены на этапе планирования и проектирования аэропорта; отсутствие международных сетевых отелей; сочетание полносервисных и капсульных отелей, формирующих предложение для разных сегментов потребителей; расположение всех гостиничных объектов в здании аэропорта, преимущественно — на транзитной территории; высокий уровень цен, обусловленный высоким спросом и низкой конкуренцией; применение динамического ценообразования во всех исследуемых объектах; высокий уровень соответствия экологическим инициативам; не всегда высокий уровень сервиса в капсульных отелях; принадлежность объектов гостиничной инфраструктуры Qatar Airways Group, что исключает риски при реконструкции аэропорта) и перспективы ее развития в контексте индустрии туризма и гостеприимства. Ключевые аспекты полученных результатов предложены к внедрению в отечественную практику при планировании гостиничной инфраструктуры аэропорта (форма собственности и месторасположение объектов размещения, соответствие Целям устойчивого развития).

Ключевые слова: гостиничная инфраструктура; индустрия туризма и гостеприимства; капсульный отель; международный аэропорт «Хамад»; ESG-повестка.

«Hamad International Airport's Hotel Infrastructure: Current Status and Future Prospects in Tourism and Hospitality» (Viktoriya Dedok)

The article provides a detailed overview of the hotel infrastructure at Hamad International Airport (Doha, Qatar), recognised as the world's best airport according to the Skytrax World Airport Awards 2024. The author identifies several distinctive features of this infrastructure: a high level of development, the prerequisites for which were considered during the planning and design stages of the airport; the absence of international hotel chains; a balanced combination of full-service and capsule hotels, catering to different consumer segments; the location of all hotel facilities within the airport building, primarily within the transit area; high price levels due to strong demand and limited competition; the use of dynamic pricing in all facilities examined; a high level of compliance with environmental initiatives; inconsistent service levels in capsule hotels; and the ownership of hotel infrastructure facilities by Qatar Airways Group, which mitigates risks during airport reconstruction. Based on the findings, key recommendations for the adaptation of successful practices in domestic airport hotel infrastructure planning are proposed, including ownership models, facility placement, and alignment with the Sustainable Development Goals.

Keywords: capsule hotel; ESG-agenda; Hamad International Airport; hotel infrastructure; tourism and hospitality industry.

Воздушные перевозки имеют важнейшее значение в развитии международного туризма. Являясь одним из основных драйверов роста туристического пассажиропотока, воздушный транспорт обуславливает необходимость постоянного совершенствования уровня инфраструктуры аэ-

ропортов в условиях возрастания требований со стороны путешественников и транзитных пассажиров.

По данным Международного совета аэропортов (Airports Council International, ACI), в 2023 г. мировой пассажиропоток составил 8,5 млрд человек, что на 27 % больше, чем

Автор:

Дедок Виктория Михайловна — кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: dedokvm@bsu.by

Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Dedok Viktoriya — Candidate of Economy, Associate Professor, Doctorant of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: dedokvm@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

в 2022 г. [2]. Согласно прогнозам Международной ассоциации воздушного транспорта (*International Air Transport Association, IATA*), численность авиапассажиров к 2050 г. приблизится к 16 млрд человек [14]. Очевидно, что с развитием авиационного транспорта и ростом числа совершаемых путешествий спрос на обеспечение комфорта и удобств со стороны путешественников сохранится и, вероятней всего, увеличится.

Ежегодно международная компания *Skytrax* проводит независимый опрос среди авиапутешественников, которые оценивают показатели эффективности аэропортов по ключевым направлениям и выбирают лучший аэропорт в мире среди более чем 500 претендентов.

Премия *World Airport Awards* начала свой отчет с 1999 г., когда *Skytrax* провела первый глобальный опрос об удовлетворенности клиентов аэропортов. Основная цель исследования заключалась в том, чтобы клиенты могли сделать свой личный выбор в отношении того, какой аэропорт они считают лучшим. Основное внимание уделялось тому, чтобы опрос клиентов и процесс награждения аэропортов были независимыми, беспристрастными и глобальными. Данный принцип остается важным для всех аспектов процесса опроса и награждения.

В апреле 2024 г. Международный аэропорт «Хамад» (г. Доха, Катар), спустя всего почти десятилетие с момента открытия, был признан лучшим аэропортом в мире по версии *Skytrax World Airport Awards 2024*. Второй год подряд аэропорт занимает лидирующую позицию в категории *World's Best Airport Shopping* и десятый год подряд в категории «Лучший аэропорт на Ближнем Востоке» [13].

В 2023 г. пассажиропоток аэропорта составил более 45 млн пассажиров (+31 % по сравнению с 2022 г.) [13]. Ожидается, что по завершении второго этапа реконструкции и расширения аэропорта пассажиропоток авиавывода достигнет 70 млн человек в год [1].

Аэропорт располагает высоким уровнем развития гостиничной инфраструктуры (несколько гостиничных объектов разного уровня сервиса, типа размещения, территориального расположения), что представляет исследовательский интерес по организации услуг по временному размещению в аэропорту и является актуальным в контексте ожидаемых прогнозов в части роста пассажиропотока в мире.

Цель статьи — определить отличительные особенности и перспективы развития гостиничной инфраструктуры Международного аэропорта «Хамад» в контексте индустрии туризма и гостеприимства.

Исследования, посвященные изучению гостиничной инфраструктуры Международного аэропорта «Хамад», в научных публикациях не приведены. Информация о гостиничной инфраструктуре международных аэропор-

тов представлена в зарубежной научной литературе преимущественно по следующим направлениям: об этапах планирования гостиничной инфраструктуры в аэропортах и специфике функционирования отелей в аэропортах (А. Фогарти [12], П. Лукас [17], Дж. Смит [25]); о качестве оказываемых услуг в отелях аэропортов (Д. Кобел [16], О. Мхланга [19]); ценовой политике отелей в аэропортах (Сеул Ки Ли, С. Янг [23], Дж. Смит [25]). В русскоязычной литературе имеются публикации, посвященные в основном деятельности аэропортов как инфраструктурной составляющей индустрии туризма и гостеприимства (В. Н. Корнилов [3], С. В. Сарайкина [4]).

Международный аэропорт «Хамад», названный в честь предыдущего эмира Катара Хамада ибн Халифа Аль Тани, является авиационным хабом в регионе Ближнего Востока и главным международным аэропортом г. Доха, столицы Катара, располагаясь в 4 км к югу от него.

Гостиничная инфраструктура аэропорта «Хамад», как и сам аэропорт, принадлежит *Qatar Airways Group* и представлена следующими объектами размещения, расположенными непосредственно на территории аэропорта:

- отель *Oryx Airport Hotel* (транзитная территория);
- отель *Oryx Garden Hotel*;
- капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node* (транзитная территория);
- капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node* (транзитная территория) [22].

Кроме этого, аэропорт предлагает широкий спектр услуг для удовлетворения потребностей даже самого взыскательного пассажира: более десяти высококласных бизнес-лаунжей с доступом к беспроводному Интернету, прессой и удобными местами для работы и отдыха, большой выбор магазинов, разнообразная гастрономия (от международной кухни до местных деликатесов) [22].

С 1950-х гг. мировые гостиничные сети демонстрируют интерес к размещению отелей под своими брендами на территории крупнейших авиационных хабов по всему миру. В международной гостиничной практике экономическое значение отелей при аэропортах впервые было отмечено в середине 1980-х гг. в США, когда в аэропортах неавиационные доходы превысили доходы от сборов за посадку и обслуживание пассажиров и операторы аэропортов стали проявлять все больший интерес к маркетинговым исследованиям и поиску новых возможностей развития аэропортовой инфраструктуры. К концу 1990-х гг. стало ясно, что управление отелями в аэропортах может стать крупным бизнесом. В 1997 г. средний уровень загрузки отелей *Hilton Chicago O'Hare Airport* (расположен на территории Международного аэропорта О'Хара) и *Hyatt Regency O'Hare Chicago* (расположен в непосредственной близости от аэропорта О'Хара) составлял

85 и 76 % соответственно, что значительно превышало средний показатель загрузки номерного фонда отелей Чикаго в 72,5 % [18, р. 220].

Данный факт свидетельствует о том, что на момент планирования и проектирования аэропорта «Хамад» было очевидно, что развитие гостиничной инфраструктуры станет одним из основных способов повышения доходности аэропорта, его привлекательности, что и было реализовано в последующем. Более того, тенденция положительной динамики развития в мире средств размещения сегмента класса люкс (+38 % рост номерного фонда отелей класса люкс в 2013 г. по сравнению с 2003 г.) [27, р. 8] имела влияние на выбор уровня сервиса и перечня услуг объектов размещения, представленных на территории аэропорта «Хамад», что подтверждает детальное описание объектов размещения, представленное ниже.

Высокий уровень развития гостиничной инфраструктуры на территории аэропорта свидетельствует о большом спросе на услуги временного размещения, предоставляемые пассажирам на транзитной территории аэропорта, что обусловлено рядом причин:

— постоянно увеличивающийся уровень пассажиропотока: в 2023 г. Международный аэропорт «Хамад» входил в число самых загруженных аэропортов мира, по данным глобального расписания авиакомпаний OAG; с момента открытия в 2014 г. и по 2023 г. аэропорт обслужил совокупное количество пассажиров около 303 млн человек (ежегодный прирост пассажиропотока на 63 % с 2014 г.) [26]; уровень пассажиропотока в 2023 г. (около 46 млн пассажиров) превысил максимальный показатель количества пассажиров, достигнутый во время проведения Чемпионата мира по футболу в Катаре в 2022 г. [1];

— высокая доля транзитных пассажиров: Международный аэропорт «Хамад» является транспортным хабом для *Qatar Airways*, *Qatar Airways Cargo* и *Qatar Executive*, активно развивает сотрудничество с другими авиакомпаниями; в 2023 г. аэропорт обслужил 52 авиакомпании, выполняющие пассажирские, грузовые и чартерные рейсы по 255 направлениям [26].

В зарубежной литературе в зависимости от расположения отеля при аэропортах разделяют на лэндсайд- (*landside*) и эерсайд- (*airside*) отели. Лэндсайд-отели располагаются до транзитной территории аэропорта (в здании аэропорта или на принадлежащей аэропорту территории), их услугами могут воспользоваться все желающие. Эерсайд-отели располагаются на транзитной территории, т. е. после зоны контроля аэропорта, и воспользоваться ими могут только транзитные пассажиры. Наличие эерсайд-отелей приносит экономический результат в случае спроса на услуги временного размещения со стороны транзитных пассажи-

ров, т. е. когда аэропорт имеет значительную долю стыковочных рейсов в сетке полетов с большим временным разрывом. Данный фактор формирует спрос на услуги размещения в отелях, расположенных на транзитной территории.

Отель *Oryx Airport Hotel* относится к категории отелей эерсайд интерминал (от англ. *airside in-terminal hotel*), располагается в главном пассажирском терминале *South Node* на транзитной территории аэропорта (после зоны паспортного и таможенного контроля). Воспользоваться его услугами могут только те пассажиры, которые прошли контроль, или транзитные пассажиры, прибывшие в аэропорт и не прошедшие паспортный и таможенный контроль. Несмотря на то, что информация о категории отеля не представлена ни на сайте аэропорта, ни на сайте *Booking.com*, можно предположить, что отель относится к категории 4 или 5 звезд ввиду перечня предлагаемых услуг: шесть категорий номеров, оснащенных телевизором с плоским экраном, будильником, бесплатным *Wi-Fi*, сейфом для ноутбука, электрическим чайником и мини-баром, собственная ванная укомплектована халатами и феном. В стоимость проживания включено посещение фитнес-центра *Vitality Wellbeing*, где гости могут провести время в 25-метровом бассейне, тренажерном зале, воспользоваться гидромассажными ваннами и душевыми комнатами, поиграть в сквош или гольф (используется гольф-симулятор). В спа-центре отеля *Oryx Airport Hotel* можно расслабиться в гидромассажной ванне и заказать массажные процедуры (за дополнительную плату). На круглосуточной стойке регистрации предоставляются услуги обмена валюты. На территории работают сувенирный магазин и мини-маркет. Максимальная продолжительность проживания в номере — 24 ч [20].

Отель *Oryx Garden Hotel* с номерным фондом 100 комнат расположен в пассажирском терминале *North Node* и является единственным лэндсайд-отелем на территории аэропорта. Был открыт в 2022 г. в рамках развития аэропорта перед проведением Чемпионата мира по футболу в Катаре. На сайте *Booking.com* не представлен, не имеет собственного сайта, общая информация об отеле есть лишь на сайте аэропорта, но без контактных данных, что не предоставляет возможность забронировать отель заблаговременно. Отель располагает несколькими категориями номеров, предлагает гостям бесплатный *Wi-Fi* нового поколения на всей территории и удобный доступ к различным розничным и кулинарным заведениям, расположенным поблизости. Все номера удобно расположены в терминале, в нескольких шагах от выходов на посадку. Отель имеет современный дизайн, привлекательный как для деловых людей, так и для туристов, может быть забронирован круглосуточно максимум на 24 ч.

Гости отеля *Oryx Garden Hotel* могут посещать фитнес-центр *Vitality*, расположенный в отеле *Oryx Airport Hotel* (южная часть аэропорта, недалеко от культовой художественной инсталляции *Lamp Bear*). Добраться до отеля *Oryx Airport Hotel* можно пешком либо пассажирским поездом, соединяющим северные и южные части аэропорта [22].

По данным сайта форума *Flyertalk*, управлением номерного фонда отеля *Oryx Garden Hotel* занимается компания *Qatar Airways* (заселение пассажиров с долгой стыковкой между рейсами или пассажиров при задержке рейса и др.), которой и принадлежит отель, номера продаются по остаточному принципу [11].

Надо отметить, что оба отеля аэропорта «Хамад» (*Oryx Airport Hotel* и *Oryx Garden Hotel*) соблюдают ESG-повестку и реализуют многочисленные экологические инициативы в целях достижения 100 % экологически чистой деятельности. Данный факт способствует повышению привлекательности объектов размещения со стороны потребителей, сотрудников, инвесторов. Согласно результатам исследования компании *Booking.com* (2023 г.), для 65 % респондентов наличие в отеле свидетельства или сертификата устойчивого развития является дополнительным фактором привлекательности объекта размещения [7, р. 13]; для 76 % потребителей ключевым фактором в принятии решения о совершении покупки является наличие факта соблюдения компанией ESG-повестки [6]. Для 98 % респондентов ключевую роль при принятии инвестиционных решений играют не финансовые показатели [15].

В соответствии со своими обязательствами по устойчивому развитию, а также со стратегией развития *Qatar National Vision 2030* *Oryx Airport Hotel* вступил в партнерство с итальянской компанией *LY COMPANY ITALIA* — производителем экологически чистых контейнеров для воды, и является первым отелем в Катаре, внедрившим этот продукт. Цель партнерства — продолжать оказывать катарское гостеприимство путешественникам, сохраняя при этом окружающую среду страны и обеспечивая устойчивость развития [21].

В среднем в отеле *Oryx Airport Hotel* ежегодно утилизируют 100 000 пластиковых бутылок и крышек. В настоящий момент отель успешно заменил все пластиковые бутылки с водой экологически чистыми контейнерами для воды, реализовав очередную из зеленых инициатив за последние два года. Контейнеры для воды созданы из 76 % сырья растительного происхождения и полностью пригодны для вторичной переработки [21].

Отель *Oryx Airport Hotel* также заменил все пластиковые карты-ключи для гостей бамбуковыми картами. К числу других инициатив, направленных на защиту окружающей среды, можно отнести использование переработанной бумаги, замену пластиковых пакетов био-

разлагаемыми, пластиковых ватных палочек бамбуковыми, упакованными в картонные коробки, пластиковых кофейных чашек бумажными стаканчиками, пригодными для вторичной переработки, пластиковых бутылок для шампуней и лосьонов для тела бутылками из биоразлагаемых полимеров *EcoPure*, пластиковых зубных щеток и наборов для бритья биоразлагаемыми, изготовленными из крахмала, пластиковых соломинок бумажными, пластиковых столовых приборов деревянными, а также использование пластиковых тапочек, расчесок и шапочек для душа в экологически чистых формах [21].

В последнее десятилетие активное развитие как инфраструктурные элементы аэропортов получают капсульные отели. Наиболее известными брендами капсульных отелей являются *GoSleep*, *Nap Cabs*, *Sleep Pod*, *Snooze At My Space*, *Snoozecube*, *Yotel*, *Minute Suites*. Данный вид отелей является удобным вариантом временного размещения для сегмента потребителей, предпочитающих менее затратные варианты размещения в аэропорту.

Капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node* относится к категории эерсайд. Отель предлагает возможность разместиться в одноместной капсуле с удобным креслом, которое по желанию может трансформироваться в кровать (*FlexiSuite Sleep Pods*), или в двухместной капсуле на двухъярусной кровати (*YAWN Bunk Cabins*). В стоимость проживания входит неограниченное количество кофе, воды и безалкогольных напитков со стойки самообслуживания. Для всех гостей доступны общие туалеты, душ предоставляется за дополнительную плату [24].

Капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node* расположен на транзитной территории в двух минутах ходьбы от знаменитой скульптуры плюшевого мишки и также относится к категории эерсайд. Отель предлагает возможность разместиться в одноместной капсуле с удобным креслом, которое по желанию может трансформироваться в кровать (*Single FlexiSuite Pod*), в двухместной капсуле с двухъярусной кроватью (*YAWN*) или в двухместной капсуле с двухместной кроватью (*YAWN* с одной кроватью). В некоторых капсулах за дополнительную плату предоставляется выдвижная детская кровать. Вариант размещения с двухспальной кроватью формирует более конкурентоспособное предложение для гостя по сравнению с предложением капсульного отеля, расположенного в северной части аэропорта, где все варианты размещения предполагают либо двухъярусную либо одноместную кровать. Для всех гостей доступны общие туалеты, душ предоставляется за дополнительную плату [24].

Оба капсульных отеля предлагают концепцию почасовой оплаты в зависимости от времени заселения и выселения: с 7.00 до 13.00, с 13.00 до 23.00, с 23.00 до 7.00 [24].

Проанализировав информацию о стоимости проживания в отелях Международного аэропорта «Хамад» (по состоянию на 1 мая 2024 г.), согласно данным сайта *Booking.com*, можно сделать следующие выводы:

- тарифы на проживание во всех отелях в день заселения (1 мая 2024 г.) ниже, чем в более поздние даты (1 июня 2024 г.). Ввиду использования динамичного ценообразования, которое строится в зависимости от спроса и предложения, можно предположить, что момент проведения исследования совпал с периодом низкого спроса, что отразилось на стоимости;

- стоимость проживания, включая налоги и сборы, в отеле *Oryx Airport Hotel* в день заселения (1 мая 2024 г.) варьировалась от 274 дол. США и выше; при желании забронировать номер в отеле заблаговременно (по состоянию на 1 июня 2024 г.) стоимость проживания, включая налоги и сборы, варьировалась от 309 дол. США и выше. Стоит отметить, что при заблаговременном бронировании номера (по состоянию на 1 июня 2024 г.) некоторые тарифы на проживание в *Oryx Airport Hotel* включали 30 мин массажа, но питание (завтрак, обед или ужин в зависимости от времени суток проживания) в стоимость не были включены;

- наиболее высокая стоимость проживания в капсульных отелях приходится на период с 23.00 до 7.00, т. е. ночное время суток;

- во всех отелях аэропорта используется динамичное ценообразование, что подтверждается разным уровнем цен на номера в зависимости от даты заселения и времени заселения (для капсульных отелей);

- шкала скидок на проживание варьируется в значительной мере (до 40 %) в целях максимизации выручки и предельно возможного нивелирования размера упущенной выгоды (продажа номеров с максимальной скидкой в день заселения, скидки при раннем бронировании);

- дополнительным фактором, обеспечивающим высокие цены, является отсутствие возможности бронировать отель *Oryx Garden Hotel* через платформы-агрегаторы.

Отсутствие международных сетевых отелей на территории аэропорта делает предложение отелей *Oryx* и капсульных отелей уникальным. Конкуренция фактически отсутствует, о чем также свидетельствует высокий уровень цен на проживание. В отзывах на платформах-агрегаторах пассажиры отмечают, что соотношение цены и качества не является равноценным, но высокий спрос и ограниченное предложение позволяют формировать именно такой уровень цен.

Кроме ценовой политики, на доходность отелей большое влияние оказывает уровень онлайн-репутации, который формируется посредством отзывов посетителей и рейтингов на ключевых платформах-агрегаторах

(*Booking.com*, *Expedia.com*, *Agoda*, *Trip.com*, *Tripadvisor*). В международной гостиничной практике существует *Global Review Index (GRI)* — онлайн-индекс репутации, увеличение которого на один пункт может привести к повышению среднего тарифа на номер (*ADR*) на 0,89 %, уровня загрузки номерного фонда на 0,54 % и выручки за доступный номер (*RevPAR*) на 1,42 % [9].

Исследование рейтингов и количества отзывов на отели аэропорта «Хамад» согласно ведущим площадкам-агрегаторам представлено в табл. 1.

По количеству отзывов на площадках-агрегаторах лидирует отель *Oryx Airport Hotel*. По капсульным отелям на *Booking.com*, *Expedia.com*, *Tripadvisor* количество отзывов по *Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node* значительно превышает количество отзывов по *Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node*, что может свидетельствовать о большем спросе среди транзитных пассажиров на капсульный отель, расположенный в южной части терминала. На *Agoda* ситуация обратная. На сайте *Trip.com* отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node* не представлен.

На момент проведения исследования (апрель 2024 г.) по количеству отзывов *Oryx Airport Hotel* наиболее популярен на *Booking.com* (4337), *Agoda* (2237), *Tripadvisor* (1597), *Expedia.com* (1009), *Trip.com* (132); капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node* — на *Agoda* (403), *Booking.com* (392), *Tripadvisor* (50), *Expedia.com* (33); капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node* — на *Booking.com* (1321), *Expedia.com* (156), *Tripadvisor* (146), *Agoda* (25).

В целом наибольшее количество отзывов по всем исследуемым отелям представлено на сайте *Booking.com*, что может свидетельствовать о том, что данная площадка-агрегатор, занимая лидирующие позиции в мире, является основным каналом продаж для отелей аэропорта «Хамад». Региональная специфика других площадок-агрегаторов, очевидно, имеет свое значение, что отражается в разных количестве отзывов и структуре их распределения, но для более аргументированных выводов требуется проведение отдельного исследования по данному вопросу. Понимание и важность таких исследований обусловлены тем, что в настоящее время площадки-агрегаторы выполняют функцию не только продажи, но и продвижения объекта размещения на международном уровне. В перспективе при развитии аэропорта и сотрудничества с новыми авиакомпаниями важно своевременно представлять отели на тех региональных площадках-агрегаторах, в направлении которых будет строиться авиасообщение, чтобы обеспечить дополнительную возможность продажи отелей, а также их продвижения на целевом рынке.

Таблица 1

**Присутствие отелей Международного аэропорта «Хамад»
на ведущих площадках-агрегаторах (по данным на 1 мая 2024 г.)**

Отель	Booking.com		Expedia.com		Agoda		Trip.com		Tripadvisor	
	Общий рейтинг	Кол-во отзывов	Общий рейтинг	Кол-во отзывов	Общий рейтинг	Кол-во отзывов	Общий рейтинг	Кол-во отзывов	Общий рейтинг	Кол-во отзывов
<i>Oryx Airport Hotel</i>	8,7	4337	9,0	1009	8,7	2237	4,4 из 5	132	4,5 из 5	1597*
<i>Oryx Garden Hotel</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node</i>	7,3	392	6,6	33	7,6	403	3,6	13	5,0	50*
<i>Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node</i>	6,5	1321	7,6	156	7,1	25	—	—	4,0	46

* Имеют награду *Tripadvisor Travelers' Choice Awards 2024*.

Источники: составлено автором по [5; 8; 10; 28; 29].

Несмотря на низкий уровень конкуренции, качество оказываемых услуг в отелях Международного аэропорта «Хамад» играет большую роль. Принимая во внимание данные о среднем рейтинге объектов размещения, представленные в табл. 1, можно отметить, что в целом все отели оказывают услуги на достаточно высоком уровне. Средний рейтинг отеля *Oryx Airport Hotel* на сайте *Booking.com* — 8,7 баллов из 10, на сайте *Expedia.com* — 9,0 из 10, на сайте *Agoda* — 8,7 из 10,0, на сайте *Trip.com* — 4,4 из 5, на сайте *Tripadvisor* — 4,5 из 5. Средний рейтинг капсульных отелей варьируется от 6,5 до 7,6 по 10-балльной шкале и от 3,6 до 5,0 — по 5-балльной.

Кроме этого, отель *Oryx Airport Hotel* и капсульный отель *Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node* отмечены наградой *Tripadvisor Travellers' Choice Awards 2024*, которая присуждается объектам размещения, на постоянной основе имеющим отличные отзывы от путешественников и входящим в 10 % лучших объектов на сайте *Tripadvisor*.

Исследование рейтинга по категориям отелей аэропорта «Хамад» на ведущих площадках-агрегаторах представлено в табл. 2. Практически на всех площадках-агрегаторах имеются категории «Локация» и «Чистота», которые, по мнению гостей, заслуживают наиболее высокие баллы. Гости также оценивают отели по таким категориям, как «Комфорт», «Персонал», «Сервис», «Удобства», «Дополнительные услуги». Категория «Бесплатный Wi-Fi» имеет невысокий балл, что свидетельствует о наличии проблем с качеством Интернет-связи в отелях аэропорта. Категория «Соотношение цена/качество» на всех площадках-агрегаторах имеет наименьший балл, что свидетельствует о завышенных тарифах на проживание, по мнению гостей. Отдельно хотелось бы обратить внимание на категорию «Соответствие экологическим стандартам» на сайте *Expedia.com*, которую гости отметили достаточно высоким баллом (в среднем чуть

более 8 из 10), что подтверждает реализацию многочисленных экологических инициатив на уровне, заметном для гостей.

Принимая во внимание тот факт, что в настоящий момент реализуется второй этап развития Международного аэропорта «Хамад», не исключено, что в будущем гостиничная инфраструктура аэропорта также будет развиваться. Формат отеля, размер номерного фонда, уровень сервиса, локация и иные критерии будут зависеть от целей и задач, поставленных перед открытием нового гостиничного объекта. Удерживать позицию лучшего аэропорта в мире возможно, лишь постоянно совершенствуясь, принимая во внимание мировые тенденции и учитывая их в своем развитии.

Можно предположить, что в среднесрочной перспективе на развитие Международного аэропорта «Хамад» вероятно влияние тенденции совершенствования аэропортов и их превращения из транзитных мест отправки и прибытия пассажиров в бизнес-хабы с первоклассной корпоративной недвижимостью, представляющей интерес для региональных штаб-квартир глобальных корпораций. Это может сформировать спрос на проживание в отеле в аэропорту или в непосредственной близости от него со стороны деловых путешественников, прилетающих на встречи и не желающих тратить драгоценное время на выезд за пределы аэропорта.

В долгосрочной перспективе возможно принятие во внимание тенденции развития аэрополисов (например, Международный аэропорт Чанги в Сингапуре), которые сами по себе являются пунктом назначения, сочетая возможности не только для путешествий, но и для отдыха и бизнеса, что в значительной мере формирует необходимость развития аэропортовой гостиничной инфраструктуры высокого уровня сервиса, зачастую с привлечением международных гостиничных сетей.

Международный аэропорт «Хамад» имеет достаточно высокий уровень развития гостиничной инфраструктуры, которая представ-

Таблица 2
 Рейтинг отелей Международного аэропорта «Хамад» на ведущих площадках-агрегаторах (по данным на 1 мая 2024 г.)

ОТЕЛЬ	Booking.com							Expedia.com						Agoda						Trip.com				Tripadvisor								
	Общий рейтинг	Локация	Комфорт	Чистота	Удобства	Персонал	Бесплатный Wi-Fi	Соотношение цена/качество	Общий рейтинг	Чистота	Персонал и обслуживание	Дополнительные услуги	Состояние гостиницы и удобства	Соответствие экологическим стандартам	Общий рейтинг	Локация	Сервис	Уровень комфорта номеров и сервис	Чистота	Средства и возможности	Соотношение цена/качество	Общий рейтинг	Чистота	Локация	Удобства	Сервис	Общий рейтинг	Чистота	Локация	Сервис	Соотношение цена/качество	
Oryx Airport Hotel	8,7	9,5	9,3	9,3	9,0	9,0	8,3	7,1	9,0	9,6	9,0	9,0	9,2	8,8	8,7	9,7	9,1	8,6	9,5	8,9	7,5	4,4	4,4	4,4	4,5	4,4	4,3	4,5	4,6	4,8	4,3	3,8
Oryx Garden Hotel	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Sleep 'n fly Sleep Lounge, NORTH Node	7,3	8,5	7,7	8,1	7,6	8,4	6,3	6,1	6,6	8,4	8,0	7,0	7,4	7,8	7,6	7,1	6,3	—	6,9	6,0	5,4	3,6	3,6	3,6	3,6	3,6	3,6	5,0	—	4,8	4,8	—
Sleep 'n fly Sleep Lounge, SOUTH Node	6,5	8,2	7,2	7,3	6,6	8,0	6,2	5,5	7,6	8,2	8,2	7,0	7,8	7,8	7,1	7,3	8	—	8,3	7,0	5,1	4,0	—	—	—	—	—	4,0	3,8	3,8	3,6	3,5

Источники: составлено автором по данным [5; 8; 10; 28; 29].

лена двумя полноценными отелями и двумя капсульными отелями. Равное соотношение классических и капсульных отелей дает возможность воспользоваться услугами временного проживания разным сегментам потребителей. Более комфортный, но и более дорогой вариант размещения предлагают классические отели. Капсульные отели ограничены в перечне оказываемых услуг, но более доступны по стоимости. Территориально отели расположены также равномерно в северной и южной зонах аэропорта, а наличие бесплатного поезда внутри здания аэропорта между двумя частями обеспечивает комфортную доступность для гостей. Возможность пользоваться услугами бассейна независимо от проживания в отеле позволяет комбинировать проживание по более низкой стоимости и в менее комфортных условиях с получением дополнительного сервиса.

Принадлежность отелей *Qatar Airways Group*, во-первых, позволяет избежать рисков невозможности реконструкции аэропорта, если бы отели находились во владении другой компании, во-вторых, подтверждает понимание со стороны руководства важности, экономической эффективности данного сегмента рынка гостиничных услуг, а также подходов к управлению и организации. Отдельного внимания заслуживает реализация *ESG*-повестки в деятельности объектов размещения, что в значительной мере повышает привлекательность отеля в глазах потребителей, общественности и инвесторов.

Месторасположение и отсутствие конкуренции со стороны сетевых отелей на территории аэропорта создают условия для формирования высокой ценовой политики, что не совсем положительно оценивается пассажирами (согласно результатам рейтингов).

При дальнейшем развитии Международного аэропорта «Хамад» велика вероятность сохранения тенденции совершенствования го-

стиничной инфраструктуры на его территории либо в непосредственной близости. Формат реализации новых гостиничных проектов будет определяться их основным назначением, а также стратегией развития аэропорта в средне- и долгосрочной перспективе. Принимая во внимание общемировые тенденции развития аэропортовой инфраструктуры, можно предположить, что при открытии новых гостиничных объектов на территории исследуемого аэропорта сохранятся приоритет полносервисных отелей класса люкс, функционирующих с соблюдением требований по устойчивому развитию, высокий уровень автоматизации процессов с использованием различных технологий в работе гостиничных объектов, а также работы по обеспечению безопасности гостей.

Для национального гостиничного сектора развитие данного сегмента отелей имеет большое значение и потенциал развития. В качестве ключевых аспектов успешного зарубежного опыта, которые могут быть учтены при развитии услуг по временному проживанию на территории аэропортов Республики Беларусь, можно отметить: при наличии достаточного ресурса оставить право собственности и управления объектами размещения, расположенными на территории аэропорта, за руководством аэропорта; рассмотреть возможность использования капсульных отелей; в случае строительства гостиничного объекта в непосредственной близости к аэропорту предусмотреть возможность соединения с терминалом, что в значительной степени может повысить конкурентоспособность гостиничного объекта, а также с аэроэкспрессом; на этапе проектирования гостиничного объекта важно предусмотреть соответствующие технические и иные аспекты, позволяющие в наиболее результативной форме соблюдать *ESG*-повестку в процессе функционирования отеля, более эффективно реализовывать план по достижению Целей устойчивого развития.

Список использованных источников

1. Аэропорт Хамад побил рекорд по пассажиропотоку 2022 года, когда Катар принимал ЧМ по футболу // *Buying Business Travel Russia*. — 11.01.2024. — URL: <https://buyingbusinesstravel.com.ru/news/aviatsiya/aeroport-khamad-pobil-rekord-po-passazhiropotoku-2022-goda-kogda-katar-prinimal-chm-po-futbolu/> (дата обращения: 02.05.2024).
2. Аэропорты в мире // *TAdviser*. — 24.12.2024. — URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Аэропорты_в_мире (дата обращения: 24.12.2024).
3. Корнилов, В. Н. Концепция безопасности аэропорта. Новые подходы / В. Н. Корнилов // *Транспорт Российской Федерации*. — 2007. — № 9 (9). — С. 62–67.
4. Сарайкина, С. В. Аэропорты как объекты туристской инфраструктуры / С. В. Сарайкина // *Туризм и гостеприимство*. — 2020. — № 1. — URL: <https://ojs.polessu.by/TG/article/view/1371> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Agoda. — URL: <https://agoda.com> (date of access: 27.04.2024).
6. Beyond compliance: consumers and employees want business to do more on ESG // *PwC*. — URL: <https://www.pwc.com/us/en/services/consulting/library/consumer-intelligence-series/consumer-and-employee-esg-expectations.html> (date of access: 01.03.2024).
7. Booking.com: Sustainable Travel Report 2023 // *Booking.com*. — URL: <https://globalnews.booking.com/download/31767dc7-3d6a-4108-9900-ab5d11e0a808/booking.com-sustainable-travel-report2023.pdf> (date of access: 22.12.2023).
8. Booking.com. — URL: <https://www.booking.com> (date of access: 27.04.2024).
9. Cueto, F. Destination Success: the Impact of Online Reputation on Hotel Revenue / F. Cueto // *Shiji Group*. — 17.01.2024. — URL: <https://insights.shijigroup.com/destination-success-the-impact-of-online-reputation-on-hotel-revenue/> (date of access: 15.06.2024).
10. Expedia. — URL: <https://www.expedia.com> (date of access: 27.04.2024).
11. Flyertalk Forum: Oryx Garden Hotel // *flyertalk*. — URL: <https://www.flyertalk.com/forum/qatar-airways-privilege-club/2111527-oryx-garden-hotel-2.html> (date of access: 05.05.2024).

12. Fogarty, A. Airports Hotels: Laying the Foundation for a Synergistic Relationship / A. Fogarty // Boston Hospitality Review. — 11.05.2015. — URL: <https://www.bu.edu/bhr/2015/05/11/airports-hotels-laying-the-foundation-for-a-synergistic-relationship/> (date of access: 20.08.2024).
13. Hamad International Airport Recognised As The “World’s Best Airport” At The 2024 Skytrax World Airport Awards // Hamad International Airport. — 17.04.2024. — URL: <https://dohahamadairport.com/press-releases/news/hamad-international-airport-recognised-worlds-best-airport-2024-skytrax-world> (date of access: 25.04.2024).
14. Hennis, S. How increased air travel is fueling the hotel industry / S. Hennis // Hotel Management. — 20.11.2018. — URL: <https://www.hotelmanagement.net/operate/how-increased-air-travel-fueling-hotel-business#:~:text=The%20exponential%20growth%20in%20air,a%20much%20larger%20hospitality%20industry> (date of access: 17.06.2024).
15. How will ESG performance shape your future? July 2020 // EY. — URL: https://www.ey.com/en_gl/media/podcasts/better-finance/2020/11/season-3-episode-4-how-will-esg-performance-shape-your-future (date of access: 30.03.2024).
16. Kobel, D. Airport industry: The return on investment of Hospitality / D. Kobel // EHL Insights. — 01.06.2021. — URL: <https://hospitalityinsights.ehl.edu/airport-industry-return-investment-hospitality> (date of access: 19.10.2024).
17. Lucas, P. Non-aeronautical revenues: diversify and grow / P. Lukas // Airport World. — 30.05.2022. — URL: <https://airport-world.com/non-aeronautical-revenues-diversify-and-grow/> (date of access: 10.10.2024).
18. McNeill, D. The airport hotel as business space / D. McNeill // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. — 2009. — Vol. 91, N 3. — P. 219–228.
19. Mhlanga, O. Customer experiences and return patronage in airport hotels: Evidence from OR Tambo International Airport, South Africa / O. Mhlanga // Acta Commecii. — 2018. — Vol. 18, N 1. — <http://dx.doi.org/10.4102/ac.v19i2.651>.
20. Oryx Airport Hotel. — URL: <https://oryxairporthotel.com> (date of access: 27.11.2024).
21. Oryx Airport Hotel Sets New Hospitality Standards By Aiming To Achieve 100% Eco-Friendly Operations // Hamad International Airport. — 26.12.2021. — URL: <https://dohahamadairport.com/press-releases/news/oryx-airport-hotel-sets-new-hospitality-standards-aiming-achieve-100-eco> (date of access: 25.04.2024).
22. Relax // Hamad International Airport. — URL: <https://dohahamadairport.com/relax> (date of access: 25.04.2024).
23. Seul Ki Lee. Room Rates of U.S. Airport Hotels: Examining the Dual Effects of Proximities / Seul Ki Lee, S. (Shawn) Jang // Journal of Travel Research. — 2011. — Vol. 50, N 2. — P. 186–197. — <https://doi.org/10.1177/0047287510362778>.
24. Sleep 'N Fly // Hamad International Airport. — URL: <https://dohahamadairport.com/relax/sleep-n-fly> (date of access: 25.04.2024).
25. Smith, J. Do airport hotels continue to be a growth opportunity, and which airports present the best opportunities? / J. Smith // Journal of Retail & Leisure Property. — 2004. — Vol. 4, No. 1 — P. 9–17. — <https://doi.org/10.1057/palgrave.rlp.5090193>.
26. Soaring Beyond Records: Hamad International Airport Welcomed Over 45 Million Passengers In 2023 // Hamad International Airport. — 08.02.2024. — URL: <https://dohahamadairport.com/index.php/press-releases/news/soaring-beyond-records-hamad-international-airport-welcomed-over-45-million#:~:text=Hamad%20International%20Airport%20also%20witnessed,of%2052%20airlines%20in%202023> (date of access: 25.04.2024).
27. The Evolution of Global Luxury Hospitality. Global Research Hotels & Hospitality. May 2023. — 28 p. // JLL. — URL: <https://www.us.jll.com/en/trends-and-insights/research/the-evolution-of-global-luxury-hospitality> (date of access: 01.06.2024).
28. Tripadvisor. — URL: <https://www.tripadvisor.com> (date of access: 27.04.2024).
29. Trip.com. — URL: <https://www.trip.com> (date of access: 27.04.2024).

Статья поступила в редакцию 3 ноября 2024 г., доработана в декабре 2024 г.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ АБИТУРИЕНТОВ НА ОСНОВЕ МНОГОФАКТОРНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Александр Жук

Статья посвящена анализу основных факторов, влияющих на выбор вуза иностранными абитуриентами. Рассмотрены две девятифакторные модели для прогнозирования академической мобильности между конкретными странами. Обе модели были верифицированы с применением официальных данных по международной академической мобильности за разные периоды. Установлены факторы наибольшего влияния на академическую мобильность между странами. Так, увеличение расстояния между странами отрицательно влияет на потоки мобильности студентов, а отсутствие языкового барьера или наличие совместного колониального прошлого эти потоки увеличивает. Статистически подтверждена важность показателей вузов страны назначения в международных рейтингах, что ассоциируется с высоким качеством образовательных услуг у абитуриентов из стран с невысоким уровнем экономического развития. Для привлечения иностранных студентов важен также фактор затрат на аренду жилья. Опыт работы Белорусского государственного университета показывает, что на контингент иностранных обучающихся влияют не только макроэкономические параметры государств и их особенности, но и условия, создаваемые отдельными университетами.

Ключевые слова: академическая мобильность; мировой рынок образовательных услуг; многофакторная математическая модель; экспорт образовательных услуг.

«International Student Preferences: a Multifactorial Analysis of Academic Mobility» (Alexander Zhuk)

The paper analyses the main factors influencing university choice by international applicants. Two nine-factor predictive models of academic mobility between countries are considered. Both models were validated using official international academic mobility data from different periods. Key factors influencing inter-country academic mobility were identified. Increased distance between countries negatively affects student mobility flows, while the absence of a language barrier or the presence of a shared colonial past increases these flows. The importance of strong university performance in international rankings is also statistically confirmed, likely due to the perceived high quality of educational services for applicants from low-income countries. Unexpectedly, rental costs also emerged as a significant factor in student mobility. Experience from Belarusian State University shows that international student enrolment depends not only on the macroeconomic characteristics and peculiarities of the states involved, but also on the conditions provided by individual universities.

Keywords: academic mobility; export of educational services; global market of educational services; multifactorial mathematical model.

Введение. В настоящее время образование как социальный институт не ограничивается лишь совокупностью процессов и процедур по формированию профессиональных и социально-культурных качеств личности. Оно трансформировалось в самостоятельную сферу деятельности, показывающую уровень развития экономического, технологического и

социального потенциалов страны, а также отражающую степень ее участия в глобальном разделении труда и трансфере технологий, что во многом определяет конкурентоспособность государства на международном уровне [3, с. 23]. В ряде развитых государств мира за последние полвека сектор высшего образования продемонстрировал переход из дотацион-

Автор:

Жук Александр Васильевич — соискатель кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: zhukav@bsu.by
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Author:

Zhuk Alexander — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: zhukav@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

ной сферы производства «неторгуемых» услуг [1 с. 19] в высокорентабельную экспортную отрасль экономики, которая приносит этим странам десятки миллиардов долларов валютных поступлений и активно использует внешне-торговую деятельность в качестве источника своего развития [2, с. 3; 6, с. 12].

В современных условиях мировой рынок образовательных услуг (далее — МРОУ) является важной самостоятельной отраслью мирового хозяйства с растущей академической мобильностью студентов, преподавателей и исследователей [2, с. 4]. МРОУ включает совокупность образовательных услуг, потребляемых за рубежом гражданами разных стран, а также образовательных услуг, оказываемых иностранными учреждениями на внутренних рынках. Согласно терминологии Генерального соглашения по торговле услугами, весь спектр образовательных услуг можно разделить на несколько секторов: начальное образование, среднее образование, высшее образование, образование для взрослого населения и прочие услуги в сфере образования. При этом основной объем МРОУ приходится на программы высшего образования [4, с. 151]. Так, в 2023 г. в ведущей мировой тройке стран — экспортеров образовательных услуг (США, Великобритания, Канада) обучались более 2,4 млн иностранных студентов (38 % от 6,4 млн студентов в целом по миру) [19]. Для примера, по итогам 2022 г., положительный эффект от обучения иностранных студентов для экономики США составил 33,4 млрд дол., кроме того, за счет интернационализации высшего образования было создано более 335 тыс. рабочих мест [11].

Характерным примером страны, получающей значительные ресурсы от образовательной деятельности, что оказывает существенное влияние на развитие экономики в целом, является Австралия. Уровень развития ее системы высшего образования позволяет занимать «премиальную» нишу на МРОУ (стоимость программ высшего образования — более 24 000 дол. США). В то же время доля иностранных студентов в 2019 г. достигла 28 % от всех студентов страны [15, р. 259], что позволило получить рекордную выручку от прямого экспорта образовательных услуг — 16,7 млрд дол. США [4, с. 151], общий эффект от привлечения иностранных граждан в вузы страны составил 3 % от ВВП государства [16]. В 2023 г. число иностранных студентов в Австралии составило 361 247 чел. [19].

В целом же для развитых стран доля привлекаемых иностранных студентов составляет не более 10 %: Германия (10 %), Франция (9 %), Япония (6 %), США (5 %) и т. д. [15, р. 259]. Однако при этом следует принимать во внимание, что в случае получения образования в другом государстве прямые затраты иностранных граждан на образовательные услуги, как правило, не являются для них общей сто-

имостью обучения. Дополнительно требуются расходы на проживание, транспорт, питание, развлечения и т. д., что позволяет стране пребывания развивать сопутствующие сферы экономики и получать уже в них эффект от экспорта. В совокупности сопутствующие расходы в зависимости от страны пребывания могут составлять от 50 до 150 % стоимости непосредственно образовательных услуг [2, с. 15].

Валовые показатели эффективности экспорта образовательных услуг зависят, по сути, от двух показателей: уровня стоимости образовательных услуг в конкретной стране и количества иностранных граждан, этими услугами пользующихся. Данные показатели не являются независимыми, и задача их совместного прогнозирования важна для разработки национальных стратегий развития экспорта образовательных услуг. Цель статьи заключается в определении основных факторов, влияющих на выбор страны обучения иностранными абитуриентами, на основе статистических данных международной академической мобильности за разные периоды с помощью многофакторных математических моделей.

Многофакторные математические модели оценки закономерностей мобильности иностранных студентов. Первая рассматриваемая многофакторная математическая модель оценки закономерностей мобильности иностранных студентов предложена М. Бейном с коллегами [8, р. 45; 9, р. 10]. Стоит отметить, что авторы делают специальный акцент на разнице терминов «*foreign students*» и «*international students*», которые традиционно считаются синонимами в русскоязычной литературе, но имеют определенные различия с точки зрения их применения разными международными организациями [8, р. 46]. Термин «*foreign students*» в прямом переводе означает «зарубежные/иностран-ные студенты» и объединяет всех имеющих гражданство, отличное от предоставляющей высшее образование страны. Сюда же будут относиться обучающиеся, иммигрировавшие вместе с родителями для постоянного проживания либо находящиеся в этой стране длительное время, но не имеющие гражданства [9, р. 44]. Статистику для этой категории обучающихся публикует Организация экономического сотрудничества и развития [см., напр.: 15]. Термин «*international students*» может быть переведен как «интернациональные студенты» и обозначать студентов, въехавших в страну назначения исключительно в целях получения образования [8, р. 46]. Статистику по этой группе обучающихся приводит EUROSTAT и именно ее используют при проведении расчетов по модели Бейна [8; 9]. В данной модели также умышленно исключена из рассмотрения студенческая мобильность в рамках таких программ, как ERASMUS+ и т. д., на том осно-

вании, что в этом случае выбор конкретным студентом страны обучения ограничивается наличием или отсутствием прямых межвузовских договоренностей со страной происхождения студента, т. е. не является в полной мере добровольным [8, р. 46].

Согласно модели Бейна отношение между количеством студентов, исходящим из страны i в страну j (N_{ij}) и количеством студентов, продолжающих образование в стране происхождения i (N_{ii}), может быть определено следующим уравнением [8, р. 46]:

$$\frac{N_{ij}}{N_{ii}} = \frac{\exp[E_j - CE_j - CM_{ij} + P^f W_j + P^r(W_i + S(Q_j - Q_i)) + (1 - P^f - P^r)(W + S(Q_j - Q))]}{\exp[E_i - CE_i + P_i^s W_i + (1 - P_i^s)(W + S(Q_i - Q))]}, \quad (1)$$

где E_i, E_j — формализованная выгода от образования в стране происхождения (i) и стране обучения (j) соответственно; CE_i, CE_j — общие затраты на образование в странах i и j ; CM_{ij} — миграционные затраты при переезде из страны i на образование в страну j , при этом $CM_{ij} = C_i + C_{ij}$ (C_i — постоянные издержки на выезд из страны i , C_{ij} — издержки, связанные с перемещением из страны i в страну j и пребывание в ней); P^f, P^r, P_i^s — вероятность для студента остаться в стране назначения после получения высшего образования, вернуться в страну выезда или остаться в стране i при получении высшего образования в стране i соответственно; W — средний уровень оплаты труда на международном рынке; W_i, W_j — средний уровень оплаты труда в странах i и j соответственно; $S(Q_j - Q)$ — функция предпочтения образования на основе сравнения уровня качества образования Q_j в стране j и среднемирового уровня качества образования Q (для упрощения эта функция представлена линейной зависимостью $S(Q_j - Q) = a(Q_j - Q)$,

где a — коэффициент пропорциональности; $S(Q_i - Q)$ — функция предпочтения образования на основе сравнения уровня качества образования Q_i в стране происхождения (i) и среднемирового уровня качества образования Q .

Уровень издержек C_{ij} зависит от ряда факторов: d_{ij} — физическое расстояние между странами i и j , l_{ij} — оценка культурного и языкового подобия стран i и j , col_{ij} — оценка влияния колониальных связей между странами i и j , M_{ij} — масштаб диаспоры иммигрантов из страны i в стране j . В данном случае влияние этих факторов на уровень соответствующих издержек будет разнонаправленным, поскольку увеличение расстояния между страной происхождения и страной назначения увеличивает затраты за счет роста транспортных расходов, в то время как высокое культурное и языковое подобие этих стран, общая история колониальных отношений и поддержка диаспоры — могут существенно снизить расходы иностранного гражданина на пребывание в стране назначения. Таким образом CM_{ij} можно определить как:

$$CM_{ij} = C_i + C(d_{ij}, l_{ij}, col_{ij}, M_{ij}), \quad (2)$$

где C — функциональная зависимость.

При логарифмировании формулы (1) и проведении замены уравнения (2) получим:

$$\ln(N_{ij}) = \alpha + \alpha_i + \alpha_j + \beta_1 \ln(d_{ij}) + \beta_2 \ln(l_{ij}) + \beta_3 \ln(col_{ij}) + \beta_4 \ln(M_{ij}) + \vartheta_{ij} + \varepsilon_{ij}, \quad (3)$$

считая:

$$\begin{aligned} \alpha &= (P^f - P^r)(W - aQ); \\ \alpha_i &= C_i - E_i + CE_i + W_i(P^r - P_i^s) + aQ_i(P_i^s + P^r - 1) + P_i^s(W - aQ) + \ln(N_{ii}); \\ \alpha_j &= E_j - CE_j + P^f W_j + aQ_j(1 - P^f), \end{aligned} \quad (4)$$

где α — обобщенный параметр спроса на зарубежные образовательные услуги в стране происхождения; α_i и α_j — обобщенные параметры влияния условий страны происхождения и страны назначения соответственно; β_1 – β_4 (в формулах (3) и (5)) — коэффициенты при соответствующих факторах, формирующих издержки интернационального студента в стране назначения; ϑ_{ij} — подгоночный параметр, учитывающий неявное перекрестное влияние стран i и j ; ε_{ij} — погрешность модели.

Далее авторы проводят замены, выделяя в α и α_j пять дополнительных факторов, влияющих на модель. Среди них: Pop_j — фактор численности населения в стране назначения,

определяющий объем предложения образовательных услуг страны j ; $Rank_j$ — фактор престижности вузов страны j , определяемый на основе информации о ранжировании университетов в международных рейтингах (в данной модели используется Академический рейтинг университетов мира (*Shanghai Ranking*)); $housingcost_j$ — затраты на аренду жилья в стране j ; $fees_j$ — затраты на образовательные услуги в стране j ; $skill_j$ — уровень заработной платы в стране j [8, р. 48].

В результате получаем девятифакторную модель для прогнозирования выездной образовательной мобильности между странами i и j [11, р. 48]:

$$\ln(N_{ij}) = \alpha_i + \beta_1 \ln(d_{ij}) + \beta_2 \ln(L_{ij}) + \beta_3 \ln(col_{ij}) + \beta_4 \ln(M_{ij}) + \beta_5 \ln(Pop_j) + \beta_6 \ln(Rank_j) + \beta_7 \ln(housingcost_j) + \beta_8 \ln(fees_j) + \beta_9 \ln(skill_j) + \vartheta_{ij} + \varepsilon_{ij}. \quad (5)$$

Для верификации модели авторы использовали статистические данные о структуре и состоянии глобального рынка образовательных услуг из нескольких источников [10; 12; 13]. Предметом анализа стала мобильность студентов из 180 стран происхождения в 13 стран назначения, что позволило учесть до 75 % объема глобальной студенческой мобиль-

ности в указанном временном промежутке [9, p. 48].

Похожий подход к моделированию интернациональной студенческой мобильности предлагают А. Абботт и М. Силлес [7, p. 624], которые для прогнозирования потока студентов S_{odt} из страны o (*origin*) в страну d (*destination*) за время t используют соотношение (6):

$$\ln(S_{odt}) = \lambda_t + \varphi_o + \varphi_d + \delta_1 \ln((GDPpc_{dt})/(GDPpc_{ot})) + \delta_2 \ln(dist_{od}) + \delta_3 cont_{od} + \delta_4 lang_{od} + \delta_5 col_{od} + \delta_6 EU_{od} + \delta_7 \ln(rank_{dt}) + \delta_8 \ln(outbd_{ot}) + \delta_9 \ln(RER_{odt}) + \varepsilon_{odt}, \quad (6)$$

где λ_t — параметр, позволяющий учитывать влияние временных эффектов; φ_o и φ_d — параметры, учитывающие влияние на студенческую мобильность неявных факторов в странах o и d соответственно; δ_1 – δ_9 — коэффициенты при соответствующих параметрах модели; $GDPpc_{dt}/GDPpc_{ot}$ — соотношение ВВП на душу населения в стране назначения и стране происхождения за рассматриваемый временной период; $dist_{od}$ — географическое расстояние между странами o и d ; $cont_{od}$ и $lang_{od}$ — бинарные параметры наличия общей границы и общего языка в странах o и d соответственно; col_{od} — параметр, учитывающий колониальные отношения стран o и d ; EU_{od} — параметр, позволяющий учесть членство стран o и d в ЕС; $rank_{dt}$ — параметр престижности вузов страны d , определяемый на основе информации о ранжировании университетов в международных рейтингах за период t ; $outbd_{ot}$ — общее число студентов, выезжающих из страны o для получения образования за период t ; RER_{odt} — уровень обменного курса между валютами стран o и d в период времени t ; а ε_{odt} — общая погрешность модели.

Данная модель успешно применена авторами для описания мобильности интернациональных студентов (авторы также разграничивают понятия «*foreign students*» и «*international students*») на МРОУ исходя из статистических данных для 18 стран назначения и 38 стран происхождения [14].

Особенности и различия результатов моделей Бейна и Абботта — Силлес. В результате проведенного анализа авторы модели Бейна получили ожидаемые выводы: увеличение расстояния между странами отрицательно влияет на потоки мобильности студентов, а отсутствие языкового барьера или наличие совместного колониального прошлого эти потоки увеличивает. Статистически подтверждена важность высоких показателей вузов страны назначения в международных рейтингах, что ассоциируется у абитуриентов с высоким качеством образовательных услуг. Наряду с этим получено несколько неочевидных результатов. Например, наличие в стране назначения развитой национальной диаспоры

в значительной мере привлекает абитуриентов из этой страны, при этом эффект усиливается с ростом образованности диаспоры. Кроме этого, уровень оплаты за обучение при условии обеспечения должного качества услуг не играет важной негативной роли. Это означает, что высокие цены обучения в лидирующих странах — экспортерах образовательных услуг не отталкивают абитуриентов, а напротив, косвенно подчеркивают качество и элитарность образования. При этом фактор затрат на аренду жилья оказался неожиданно важным для мобильности студентов. Авторы связывают это с тем фактом, что гранты и стипендии для иностранных студентов, как правило, покрывают оплату обучения, а расходы по проживанию они несут самостоятельно. Поэтому, поддерживая уровень цен на аренду жилья на определенных значениях, страна назначения на макроэкономическом уровне может влиять на привлекательность рынка образовательных услуг. В современных условиях, стремясь повысить конкурентные преимущества, во многих странах в стоимость обучения включают расходы на проживание и использование обучающих материалов [8, p. 52].

Выводы авторов второй модели во многом коррелируют с результатами первой. Так, фактор расстояния между странами происхождения и назначения также оказывается статистически важным: при увеличении расстояния на 10 % наблюдается спад потока исходящей мобильности на 5,1 % из стран с высоким уровнем доходов (*high-income countries*) и на 12,6 % из стран с невысоким уровнем доходов (*non-high-income countries*). Позитивно влияют на мобильность студентов факторы наличия у стран общей границы, языковой близости, совместного вхождения в ЕС, а также совместной колониальной истории. Увеличивает поток студенческой мобильности также более высокий уровень ВВП на душу населения в стране назначения (превышение его в 2 раза по сравнению со страной происхождения увеличивает поток входящей мобильности на 7,3 %) [7, p. 630]. Интересной особенностью, выявленной моделью Абботта — Силлес, является то, что для стран с большим уровнем доходов

высокие позиции вузов страны назначения в международных рейтингах не являются определяющими, в то время как абитуриенты из стран с невысоким уровнем доходов считают этот параметр достаточно важным [7, р. 631].

Для анализа и прогнозирования численности иностранных студентов используются и другие модели. Так, в работе [5, с. 108] рассмотрена интернационализация высшего образования с помощью модели роста Бергерхоффа [17, р. 3], которая представляет собой упрощенный вариант модели накопления человеческого капитала Лукаса [18, р. 6]. Результаты исследования [5, р. 114] показали, что интернационализация высшего образования приносит большую выгоду стране, принимающей у себя иностранных студентов и имеющей возможность удерживать их после окончания обучения. В то же время страна, отправляющая своих студентов за рубеж на учебу, получает прирост темпов экономического роста только в том случае, если производительность образования в зарубежной стране выше и часть студентов возвращается после учебы домой.

Изучение разнообразных подходов показывает, что задача прогнозирования потока входящей студенческой мобильности (необходимого для таргетирования экспортных доходов от образовательной деятельности) является многопараметрической и требует учета разнообразных факторов, на часть из которых страна назначения может повлиять (например, стоимость обучения, уровень затрат на аренду жилья, продвижение вузов в международных рейтингах), а часть останутся в виде детерминированных входных параметров.

Заключение. Задача повышения эффективности экспорта образовательных услуг в конкретной стране требует разработки национальных стратегий развития экспорта образовательных услуг, максимально учитывающих их конкурентные преимущества. В данном контексте особенно важно понимать реальные экономические и внеэкономические факторы, влияющие на выбор иностранными абитуриентами учебного заведения. В статье рассмотрены две девятифакторные модели прогнозирования академической мобильности между двумя странами. Обе модели были верифици-

рованы с применением официальных данных по международной академической мобильности. По итогам анализа результатов установлены факторы наибольшего влияния на академическую мобильность между странами. Так, увеличение расстояния между странами отрицательно влияет на потоки мобильности студентов, а отсутствие языкового барьера или наличие совместного колониального прошлого эти потоки увеличивает. Статистически подтверждена важность высоких показателей вузов страны назначения в международных рейтингах, что ассоциируется с высоким качеством образовательных услуг у абитуриентов из стран с невысоким уровнем доходов. При этом уровень оплаты за обучение не играет значительной негативной роли. Это означает, что высокие цены обучения в лидирующих странах-экспортерах привлекают абитуриентов, косвенно подчеркивая качество и элитарность образования. При этом фактор затрат на аренду жилья оказался неожиданно важным для мобильности студентов.

Опыт работы БГУ показывает, что на контингент иностранных обучающихся влияют не только макроэкономические параметры государств и их особенности, но и условия, создаваемые отдельными университетами. В последние годы присутствие БГУ в международных рейтингах и его высокая позиция стали одним из ключевых параметров, влияющих на предпочтения абитуриентов из ряда стран. В первую очередь, на рейтинг ориентируются китайские студенты, во вторую — абитуриенты из тех стран, в которых на законодательном уровне прописаны требования для иностранных учреждений, например вхождение в 1000 или 1500 определенных международных рейтингов, либо сформирован список университетов, рекомендуемых для направления за границу на учебу. Стоимость обучения значительно влияет на предпочтения абитуриентов из Китая, но очень чувствительна для таких стран, как Таджикистан, Узбекистан и др. Для ряда стран Азии и Африки ключевым является возможность проживания в общежитии, другие абитуриенты из стран с высоким уровнем доходов готовы снимать жилье премиального сегмента.

Список использованных источников

1. Бирюкова, О. В. Регулирование международной торговли услугами / О. В. Бирюкова. — М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. — 208 с.
2. Галичин, В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития / В. А. Галичин. — М.: Дело, 2015. — 60 с.
3. Исследование рынка образовательных услуг учреждений высшей школы на примере Красноярского и Алтайского краев / Н. Н. Терещенко, Л. В. Бондаренко, Л. И. Подачина, Н. В. Фролова. — Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 2005. — 267 с.
4. Николаев, В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности / В. К. Николаев // Высш. образование в России. — 2022. — Т. 31, № 2. — С. 149—166. — <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166>.
5. Павлова, Н. С. Межстрановые эффекты от интернационализации услуг высшего образования: теоретический и эмпирический анализ / Н. С. Павлова, А. В. Данильченко // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экономика. — 2021. — № 2. — С. 106—115.
6. Романова, И. Б. Управление конкурентоспособностью высшего учебного заведения / И. Б. Романова. — Ульяновск: Средневолж. науч. центр, 2005. — 140 с.

7. Abbott, A. Determinants of International Student Migration / A. Abbott, M. Silles // *The World Economy*. — 2016. — Vol. 39, N 5. — P. 621–635. — <https://doi.org/10.1111/twec.12319>.
8. Beine, M. Determinants of International Mobility of Students / M. Beine, R. Noel, L. Ragot // *Economics of Education Review*. — 2014. — Vol. 41. — P. 40–54. — <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2014.03.003>.
9. Beine, M. The Determinants of International Mobility of Students: CESifo Working Paper N 3848, May 2012 / M. Beine, R. Noel, L. Ragot // CESifo Network. — URL: <https://www.cesifo.org/en/publications/2012/working-paper/determinants-international-mobility-students> (date of access: 04.10.2024).
10. Docquier, F. Measuring the international mobility of skilled workers (1990–2000): release 1.0: Policy Research Working Paper WPS 3381, 01.08.2024 / F. Docquier, A. Marfouk // World Bank Group. — URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/871711468125364867> (date of access: 21.12.2024).
11. EconValue-2022 // NAFSA: Association of International Educators. — URL: <https://www.nafsa.org/sites/default/files/media/document/EconValue-2022.pdf> (date of access: 21.12.2024).
12. Education at a Glance 2007: OECD Indicators // Organisation for Economic Co-operation and Development. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/eag-2007-en> (date of access: 21.12.2024).
13. Education at a Glance 2006: OECD Indicators // Organisation for Economic Co-operation and Development. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2006_eag-2006-en (date of access: 21.12.2024).
14. Education at a Glance 2013: OECD Indicators // Organisation for Economic Co-operation and Development. — URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/eag-2013-en> (date of access: 21.12.2024).
15. Education at a Glance 2023: OECD Indicators // Organisation for Economic Co-operation and Development. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en (date of access: 21.12.2024).
16. Education export income — Financial Year // Australian Government. Department of Education. — URL: <https://www.education.gov.au/international-education-data-and-research/education-export-income-financial-year> (date of access: 21.12.2024).
17. International education and economic growth / J. Bergerhoff, L. Borghans, Ph. K. Seegers, T. Veen // *IZA Journal of European Labor Studies*. — 2013. — Vol. 2, N 3. — P. 1–13. — <https://doi.org/10.1186/2193-9012-2-3>.
18. Lucas, R. E. On the mechanics of economic development / R. E. Lukas // *Journal of Monetary Economics*. — 1988. — V. 22, N 1. — P. 3–42.
19. Project-Atlas_Infographic_2023 // Institute of International Education. — URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/12/Project-Atlas_Infographic_2023.pdf (date of access: 21.12.2024).

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2024 г., доработана в декабре 2024 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Журнал ориентирован на профессорско-преподавательский состав университетов, научных сотрудников, специалистов-практиков, аспирантов, магистрантов и студентов учреждений высшего образования, работающих в области международных отношений и международного права.

Все научные статьи проходят обязательное двойное «слепое» рецензирование. С 2019 г. фамилии рецензентов не публикуются в журнале.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

- статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации**;

- резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

- выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

- заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается плата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2024 № 3/4 (110/111) июнь—декабрь

Подписано в печать 27.01.2025 г. Выход в свет в феврале—марте 2025 г.

Формат 60х84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,77. Тираж 38 экз. Заказ № 84.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно